

коэффициент - 6:4, то есть из десяти ссыльных шесть трудоспособные.

Математика явно липовая. Судя по спискам выселяемых в 1930 году, эти документы неплохо сохранились и используются для реабилитационных дел, на долю стариков и детей приходилось более половины репрессированных. Спустя ровно год, после мора и детского исхода, будет проведена инвентаризация и выяснится, что доля трудоспособного населения ссылки, если загнать в способные даже 14-летних подростков, менее сорока процентов.²⁵

В таёжной целине лесоразработки ведутся обычно по берегам рек, чтобы по большой воде можно было столкнуть древесину до пунктов переработки или перевалки. Зимой в приречных массивах ведут повал, санными дорогами брёвна вывозят и выкладывают на укатистом берегу в штабеля. Давно сложившаяся привычка поступать по уму сыграла роковую роль в судьбе первой волны переселенцев. Их обиталища выросли там, где было приказано ГПУ. Леспромхозы не успели подготовить ни новых участков, ни построить жилья. В лесозаготовительный сезон зимы 1930-1931 года таковых не было даже в планах!

Оставалось единственно верное решение, которое и запустили с начала ноября в жизнь, - сколотить из работоспособных переселенцев бригады и отправить их на самые отдалённые участки лесоповала. На весь сезон, до июньской страды лесосплава. В семьях несчастных земляков снова прощались, теперь с полной надеждой встретиться только на том свете. В каких условиях остались иждивенцы таёжной ссылки, вы уже знаете. Некоторые спецпосёлки канули в голоде и забвении, выживших по лету снова стали перетаскивать - поближе к местам трудового подвига.

Несколько иначе сложилась в том году судьба приобской ссылки и переселенцев, направленных на промышленные стройки Севера. Каторжане, прогнанные по вектору Тюмень - Тобольск, в основном зацепились в бассейне Оби и голодали особенно, с привкусом цинги. Тобольский окружком ВКП(б),

польщённый доверием быть центром уральской пересылки, засуетился раньше других.

Ещё за пару недель до прибытия первых этапов со ссыльным людом там протокольно решили "принять меры к максимальному использованию прибывающих на лесозаготовках и рыбозаготовках, ставя их существование в зависимость от трудовой самостоятельности..." Украсил партийную резолюцию тезис о быстрой организации "красного эшелона" рыбы для рабочих Урала и развёртывании соцсоревнования.

В целях полного использования дармового тягла окружком предложил Уралобкому ВКП(б) утвердить большую программу трудоустройства. Главную часть ссыльных намечалось занять на рыбо-, лесозаготовках вдоль нижней Оби. Планировалось и было начато строительство железной дороги Тавда - Тобольск, трактов Тюмень - Тобольск и Тобольск - Самарово, Тобольского рыбоконсервного завода и ряда других предприятий. Недалеко от слияния Оби и Иртыша развернули строительство нового города Остяково-Вогульска (ныне Ханты-Мансийск).

Нельзя сказать, что эти стройки явили собой рациональное применение человеческого материала, нет, вернее их поставить в исключительную заслугу приобским коммунистам, сметливо совместившим репрессивное с полезным. Постоянных и свободных работников почти не было, городили по древнеегипетской технологии прогоняемыми на Север ссыльными партиями, так что всё свершённое выглядело даром божьим.

Чистого энтузиазма, повторюсь, высеять в тот год не удалось. Рабам на лесосеках было не до того, тело сушил голод, а душа изнывала по оставленной на смерть семье. Да и власти не особо настаивали, режимному и хозяйственному аппарату ссылки надо было привыкнуть к скотству, чтобы потом творить из него скотство изощрённое.

В тридцать первом отношении к ссылке заметно изменилось. Трудно сказать про обстоятельства, к тому подвигнувшие, голодомор ли зимы прошедшей, или сполохи экономической целесообразности, но

изменения были. Высylать стали больше, по плану летнего завоза Уралу надлежало принять 50 тысяч кулацких семей, не считая сосланных в розницу. Кроме того, по постановлению облисполкома от 8 марта 1931 года затеяли внутриобластное переселение более десяти тысяч кулацких семей, отнесенных к третьей категории. Несмотря на возросшие масштабы ссылки, во всех её элементах стала просматриваться легкая осмысленность.

Весной была проведена первая попытка инвентаризации ссыльных, по данным следственно-оперативного управления ПП ОГПУ, на конец апреля 1931 года за 63 леспромхозами и горнорудными предприятиями Уральской области числилось более 47 тысяч кулацких семей. По карательной операции 1930 года, помните, было сослано 40 тысяч семей. Выходит тысяча десять-пятнадцать семей, беру минимальный "естественный" отход населения, стали жертвой классовых коллизий местного масштаба и пошли репрессивной розницей.²⁶

В марте тридцать первого Уралсовет внезапно озаботился положением ссылки и решил обревизовать её наличное поголовье на предмет трудоспособности. Раньше кулацкая масса шла статотчётным монолитом - в общедушевом измерении. Власть даже рделась легким стыдом при знакомстве с возрастным составом ссыльных. С принятием "Положения о спецпереселенцах" пустые эмоции уступили место холодной категориальной дисциплине.

"Прибывшие в спецпоселки спецпереселенцы, - излагает списанный с гебусовской шпаргалки документ Уралсовета, - принимаются комендантом спецпосёлка, становятся на персональный учёт и в целях рационального использования подвергаются медицинскому освидетельствованию и в зависимости от результатов такового разбиваются на следующие 5 групп:

Группу "а" - составляють способные к выполнению всяких физических работ;

группу "б" - способных к выполнению только легких физических работ;

группу "в" - неспособных к физическим работам, но могущих быть использованными на внутрипоселковых работах, лёгких кустарных промыслах и сезонных работах - сборах грибов, ягод, орехов и т.д.;

группу "г" - вовсе неспособных к труду;

группу "д" - детей в возрасте до 16 лет".²⁷

Хаос кончился. Антисоветский элемент размазали по шкале полезности делу социализма. На свободу дали шифровку - садите в первые эшелоны группу "а", остальных отправите через пару месяцев, когда та окопается. Лесотрестам и вновь организованному областному комендантскому отделу строго наказали, что "трудоспособные спецпереселенцы должны быть использованы на работах только в лесу". Последняя хозяйственная тонкость принадлежит президиуму Уралсовета.

Если отдать очередную партию ссыльных в руки ОГПУ, задумались по весне и в Уралобкоме ВКП(б), к следующей весне покойников будет ещё больше. Подумали-подумали и на одном из заседаний бюро решили "обязать все хозорганизации, в распоряжении коих имеются спецпереселенцы, форсировать строительство поселков для переселенцев, с расчетом, чтобы к 1-му июня было выстроено не менее 70%, к 1-му июля - 90% и к 1-му августа - 100% всей потребности".²⁸

Решение принималось в мае. За три месяца построить жильё для полумиллиона человек можно только в большевистском воображении. Человеку нормальному ясно - не построить и концлагеря. Тем более, что документ целый месяц бился по комиссиям обкома партии и был центробежно выброшен в ослизлой редакции. "Обязать Ураллес, Уралуголь, Рыбтрест, Востоксталь и Уралстройматериалы к 19 мая внести конкретную программу развертывания строительства (по месяцам и районам) для спецпереселенцев".²⁹ В трест Ураллес, к примеру, директива поступила в начале июня, виртуально искорёжив время и пространство. План - что надо сделать вчера.

К тому времени, когда ссыльному элементу надлежало справлять новоселье, то есть в августе месяце,

Уралобком вернулся к теме. На сей раз, однако, не по своей воле. 29 июля из секретариата ЦК ВКП(б) пришла почто-телеграмма, заляпанная грифами "совершенно секретно", "весьма срочно", "лично", ибо была адресована первым секретарям обкомов и крайкомов.

"В связи с передачей в ведение ОГПУ всех спецпереселенцев, - говорилось в документе, подписанном Постышевым, - некоторые крайкомы поняли это как освобождение их от обязанностей наблюдать за состоянием спецпоселений, рациональным использованием спецпереселенцев на работах, нормальным и своевременным снабжением их продовольствием и всем необходимым. Такое отношение недопустимо..."

Основная должностная функция даже последнего партийного секретаря - обязывать. В директиве секретаря ЦК ВКП(б) это сделано изумительно скучно. Разве что редкие детали. "Обязжите руководителей хозорганов и ПП ОГПУ разработать план максимального использования спецпереселенцев, развивая среди молодёжи ударничество и соревнование... Особое внимание уделите молодёжи в смысле всемерного привлечения её к работе, ставя её в особые условия, развивая среди молодёжи коллективные формы труда и не распространяя того строгого режима, который обязателен для главы кулацкой семьи... Добиваться максимального оседания спецпереселенцев в местах их расселения".³⁰

Организационный рокот прокатился по партийным коридорам. Созвали, как полагается, расширенное бюро, на котором заслушали доклад заместителя начальника ПП ОГПУ Нодева, искренне возмутились творимыми в ссылке безобразиями; в пресечение оных впредь провели областное совещание комендантов лагерей и кустовые семинары для надзирателей-десятников. В столицу ушёл изящный, как моральный кодекс строителя коммунизма, план мероприятий. В нем было всё: и сытный паёк, и тёплое жильё, и светлые школы для подрастающего кулачья, и просторные больницы, и даже земля под личные огороды.³¹

В директиве внутреннего пользования тем же ураллесам и уралуглям приказывалось к 1 октября построить жильё для прошлогодних и части нынешних переселенцев, а к 1 ноября - для энтузиастов последнего (июльского) завода.

"Преимущественным типом жилищного строительства, - разъяснялось валоватым трестам, - на строительный сезон 1931 года считать барачное строительство семейного типа с коридорной системой. Отмечая факты нерационального возведения жилищных построек барачного типа в Кизеловском районе (Усьва), где при размещении 420 человек предусмотрено только две печи, - предложить Урал-углю, т. Финкельштейну, по согласованию с ПП ОГПУ, в пятидневный срок внести изменения в жилищное барачное строительство для спецпереселенцев".³²

История не помнит, на чём сошлись т. Финкельштейн с т. Раппопортом, документально и по свидетельствам выживших ясно одно - и вторую ссыльную зимовку большинство каторжан провело в самодельных норах или бараках с гулаговской архитектурной простотой. Там же и третью зимовку, и четвертую...

Теме голода и бытового убожества ссыльных можно принести в жертву не одну книгу. Вечную нашу проблему - где ночевать и что кусать в роскошном окладе программы Продовольственной и Жилищной, вместе с образами нимбоносных классиков марксизма положили в гроб отечественного социализма. Поэтому вопрос о бытовом комфорте антисоветских масс, теперь это ясно, исторически был неуместен и ошибочен. И вообще. Перспектива, как предмет научно-исторического рукоделия и душевного упокоения, растаяла, академической красной гвардии остается искать жемчужные зерна в кале прошлого.

"Санитарное состояние большинства поселков не-удовлетворительное. Уборных нет, нет помойных ям и отбросы выбрасываются у помещения или на улицу. Колодцев нет. Пользуются речной водой, в результате вспышка брюшного тифа 239 человек..." (Коминтернский национальный округ.)

“Санитарно-профилактическое состояние в отвратительном положении ввиду перегрузки жилой площади. Имеется большинство таких казарм, где койка от койки на расстоянии одной четверти, нет бака, умывальников, просьба прислать врача - глазника ввиду заболевания трахомой на 43% среди всех спецпереселенцев...” (Калатинский район.)

“Барак 402 квартала - 2 комнаты, 42 семьи, 54 взрослых, 69 детей. Барак не приспособлен для жилья. Трудоспособных 41 человек. Нет колодца, бани, мыла не дают, несмотря на его наличие. Барак 405 - скученность, печи неисправны, масса паразитов, нет мужских и женских помещений...” (Мехонский леспромхоз.)

“Брюшным тифом за год заболело 138 человек. Причины эпидемии - антисанитарные условия во временных бараках, куда были помещены спецпереселенцы до отправки на участки. Чрезвычайная скученность. Непригодность некоторых временных бараков к жизни в них (холод), невозможность их отопления, загрязнение источников питьевой воды, недостаток снабжения продуктами питания. Сыпным тифом за год заболело 253...” (Ивдельский район.)

“Семьи в бараках не отделены. Значительное количество недостроенной жилплощади создало чрезвычайную скученность в бараках и избах, где, как правило, сплошные нары. Нередки случаи спанья под нарами за отсутствием места на последних... В настоящее время количество жилой площади для спецпереселенцев колеблется от 0,05 до 1,5 кв. метров... Площадь вокруг жилищ загажена и если зимой это представляет лишь некрасивое зрелище, то весной, с началом таяния, это составит реальную эпидемическую опасность...” (Троицкий район.)³³

Документальные сюжеты взяты из справки о медико-санитарном состоянии уральской ссылки, справки, составленной в феврале тридцать второго и направленной в Наркомздрав Союза. Десятки утомительных для чтения страниц о варварстве и ужасающей нищете по всему поясу колонизации. Редкие отклонения от единообразия своим трагикомическим

смыслом больше тонируют безысходность, чем свидетельствуют о позывах к жизни.

Многим ли обогатит историю такой, к примеру, положительный факт. Зимой, когда треть ссылки из-за недостатка питьевой воды сосала снег, в том же Кизеловском районе догадались выдавать по талонам кипятка.

Не озарит национальной гордостью и то, что в зимний сезон 1931-1932 года самым живым, даже экспрессивным делом ссылки было строительство вошебоек. Путь от проекта до объекта оказался короче, чем в жилищном строительстве, но не лишённым формажорных каверз. Не хватало серы для вытравливания живучей северной вши, пар её не брал. Более подлый по натуре клоп ссылку беспокоил мало, потому как вымерзал. Если же помещение вошебойки не воняло серой, туда тотчас, спасаясь от стужи, перебирались из бараков спецпереселенцы. Их выкурить не было никакой возможности.

Мелкотемье провинциальных фактов может породить сомнение - когда захолустная Россия жила сыто и содержательно? Надо сказать о главном, о Магнитке! Надо! По первой инвентаризации за великой стройкой числилось более сорока тысяч ссыльных рабов. Вглядимся без эмоционального разгона в музейные фотографии тех лет. Панорама легенды смахивает на перенаселённое лебединое озеро. По всему горизонту плывут белые стаи палаточных и барачных посёлков. В них те сорок тысяч спецпереселенцев и примерно столько же вербованных. Заключенных чуть меньше, и их зоны горизонта не оживляют. Панорама, как социализм, впечатляет размахом, но совершенно не терпит пристального интереса к деталям.

“В центральном посёлке имеется 67 бараков и 8 9-10-квартирных блок-домов. Землянок 108, имеется 1 столовая, 1 магазин ЦРК, 4 хлебных ларька (на население около 20 тысяч человек -А.Б.). Строится баня на 130 человек. Имеется 5 вошебоек. Из них работают 4...”

Северный посёлок - имеется 24 барака, баня заканчивается. Вошебоек - 2, жителей - 5 500 человек.

Туковский посёлок. Имеется 12 бараков. Землянок - 70, одна примитивно устроенная баня. Вошебойка строится. Население - 4 тысячи человек.

Известковый посёлок. Имеется 3 больших барака и несколько землянок. Население 1900 человек. Площадь посёлка очищается, но вследствие скученности быстро засоряется... Пол во всех блок-домах и большей частью бараков земляной. Семьи в бараках не отделены. Находятся на общих нарах и под нарами. Отопление бараков плохое. В бараках сырость. Печей недостаточно³⁴.

Так легендарно бытовала Магнитка в завершающем году первой пятилетки. Не окраины, а подавляющая часть населения. Полезно бы воссоздать часть героического антуража, хотя бы пару "больших" бараков - на 420 персон каждый (две буржуйки и нары сплошняком), и селить туда на месячную адаптацию самых митинговых защитников социализма. Чтобы не затянуло жиром пролетарскую кость. За колючую проволоку многочисленных лагерей Магнитки заглянем позднее.

Если по голодному фону выписать детали индустриальной, можно таёжной, бытовухи, картина разбежится с реальностью. Эпоха массового энтузиазма немыслима без цинги, сыпного или брюшного тифа. Вернее - без эпидемического расцвета забытых было хворей. Эпидемия, как массовое распространение заразной болезни, оказалась в близком родстве с принудительным массовым энтузиазмом.

"Эпидемическое состояние области, - предупреждал осенью тридцать первого облздравотдел, - чрезвычайно тревожное. Прогрессирующее улучшение санитарного благополучия области, которое наблюдалось по 1930 год включительно, заменилось резким возрастанием эпидемической заболеваемости...

Это повышение заболеваемости, как показывает порайонный анализ, связано исключительно с новыми для области условиями ввоза массивных групп спецпереселенцев, административных ссыльных и перегрузки этапами мест заключения. Самые крупные вспышки заболеваний связаны именно с этими кон-

тингентами. Водворение этих контингентов создало очаги эпидемии в Березниках, Соликамске, Чердынском, Ныробском, Ивдельском, Гаринском, Надеждинском, Таборинском районах".

Привода данные о тысячах случаев заболеваний тифом брюшным, сыпным и неопределенным, скарлатиной, оспой, дифтерией, а про цингу выражаясь образно, что она волной разливается по северным районам, главный санитар Урала констатировал начало голодомора, то есть голода и эпидемического замора ссылки. Объявил с годовалым опозданием, значит, не совсем точно. Год тридцатый попал в благополучные потому, что никаких сведений по санитарному состоянию ссылки облздрав не имел. До болезных ли и покойников? Не знали числа живым и здоровым.

Предварительно замечу, ко всей информации, касающейся массовых заболеваний и смертности каторжан, надо относиться с большим сомнением. Советская бухгалтерия поднаторела в копеечном учёте зарплаты, но совершенно бездарна в счетоводстве рабских душ. Между статистикой эпидемически больных, даваемой по линии режима, и сведениями облздора несколько лет зияла полынья. ОГПУ, а потом НКВД, отвечали за поголовье и трудоспособность ссыльных, потому считали больными всех лихорадящих. Вроде бы поступали верно.

Областному медицинскому начальству такая ме-тода была не по душе, ибо щипала его авторитет. Мало ли с чего каторжанина начнёт бить лихорадка? Может, он не тянет на эпидемического, за которых с облздора был особый спрос, и попал в казус с подножной отравы или общепита. В областной медицинской конторе водить себя за нос не дали и включали в полноценно эпидемические скупы - только лихорадящих по справке, выданной фельдшером. Или уже госпитализированных.

По расчётам комендатур выходило, что охотнее болеют и мрут в ссылке таёжной, где голод ядрёнее и совершенно нет или мало медработников. Наоборот, по данным медицинских учреждений, эпидемия прижилась больше в городе, в обоснование чего приво-

дились отчеты медпунктов. Без козуры аргументов правда до святости глупа. Эпидемия была там и сям, оттого две статистические родственницы правды жили душа в душу. Всё складывалось обоюдокругло: спецпереселенцы глуши хворали и умирали тихо, не оскверняя медицинской отчетности. Ссылные при городских стройках мёрли в статусе эпидемических, но окружённые вниманием медицинской общественности.

В последней фразе больше горечи, чем иронии. Что могла сделать медицина? Сокрушаться да взывать. "Первые 200 тысяч спецпереселенцев этого года, - письмо в Уралобком ВКП(б), - в значительной своей части остаются без постоянных жилищ, проживая в палатках, шалашах, переполняя всякие имеющиеся непригодные постройки. Новая партия (июль, август), которая размещается по новостройкам и предприятиям Востокстали, провозится в условиях полного отсутствия работы по подготовке жилфонда... Та же картина на Магнитострое, где брюшной тиф получил благодатную почву для своего развития среди спецпереселенцев.

Этот тесный контакт массы людей, не имеющих ни в какой мере самого необходимого для сохранения их от эпидемических заболеваний, с основными кадрами строителей социалистического Урала грозит дезорганизацией выполнения стройфинпланов".³⁵ Тут трепали нервы партийной власти угрозой срыва пятилетки. Более безуспешной, чем просьбы о помощи.

В тридцать втором эпидемии, как голодуха, стали вопиющими. Перехваченное ГПУ письмо коммуниста Тиханова, командированного на заготовки, сообщает, что колхозники мрут как мухи, идёт большое заболевание - эпидемия, каждого заболевшего пристреливают и все его манатки, включая дом, сжигают. Болтливому коммунисту посадили за антисоветчину. Рядом с преподавателем строительного института Славным, ляпнувшим студентам, что тиф не инфекционное, а сталинское заболевание.

Многие документы ссылки и ОГПУ-НКВД до сих пор засекречены, верю, что нам всё знать вредно, по-

этому полистаем страницы медицинских отчётов. На полмиллиона каторжан в январе тридцать третьего приходилось 660 больничных коек, при этом основную часть стационара составляли спешно выделенные из жилого фонда заразные бараки. "Большинство амбулатории помещалось в квартире фельдшера, под которую отводилась половина домика. Одна комната, где помещалась семья фельдшера, где приготавлилась пища, тут же принимали больных.

Везде полное отсутствие мебели, столов, табуретов, шкафов, умывальников... До сих пор недостаток или полное отсутствие аптечных предметов по уходу. Полное отсутствие инструментов".³⁶

Такой была медицинская сеть, завышен этюд из ныробского угла ссылки. К месту помянуть добрым невольных героев. Молоденькие, наспех подготовленные сестрички снопами ложились на пути эпидемий. В силу плохих условий работы, отмечает почти каждый отчёт Уралздрави, смертность среди медперсонала огромная. В северных районах ссылки за год погибала на эпидемическом фронте половина штата медсети.

"В этом году мы имеем невиданную эпидемию брюшного и сыпного тифа. Эпидемия с самого начала гнездится в среде спецпереселенцев. Это объясняется архи-отвратительными санитарными условиями. Ведь невиданное дело - сколько вшей приходится сгребать с какого-нибудь больного сыпным тифом - лопатой, руками сгребать... Сколько националов-спецпереселенцев нельзя было загнать в баню. Приходилось прикомандировывать студентов, чтобы они учили мыться в бане".³⁷

За один январь тридцать второго в Магнитогорске отмечено (по данным медпунктов) 460 заболеваний сыпняком, в Надеждинске - 1 020, в Тагиле - 220, в Чусовой - 425 случаев. Плюс тиф брюшной и неопределённый, цинга, дифтерия, трахома...³⁸ Сыпному тифу повезло, по этой напасти проведён первый прикидочный учёт, из которого и взяты данные. Вопреки категорическим директивам, жалуется партии обл-

здрав, ряд районов, особенно неблагополучных в эпидемическом плане, не дают никаких сведений.

Пожар эпидемии требовал крайней суеты. В областном центре и на местах создали чрезвычайные комиссии по борьбе с тифом - Чекати́фа. Сочно разработали программу противоэпидемических мер и запросили под неё деньги в Наркомздраве СССР. Там программу похвалили, но денег не дали ни копейки.

Любимым детищем советских и партийных учреждений всегда оставались проектно-плановые грёзы. Наклонностью к маниловщине со временем инфицировали даже такие отдалённые от политической протитущии сферы, как медицина. Противоэпидемический план был похож на апрельские тезисы Ильича. Идеологически медицина глупа, поэтому в чрезвычайных комиссиях по тифу доминировали не эскулапы, а большевики. Было круто решено ликвидировать эпидемию сыпного тифа до 15 марта, оспы - до 15 апреля, брюшного тифа - до 1 мая 1932 года. Остальным массовым недугам оставили жить и того меньше. С конкретными и ясными задачами уполномоченные Уралобкома ВКП(б), набранные из второсортного, потому безотказного, номенклатурного подгона, выехали на места.

Первым делом страдающие спецпосёлки перевели на жестокий карантин. Из-за невозможности сплошной амбулаторной проверки и дефицита средств санобработки здоровое население и больных в таких посёлках просто изолировали до радикального исхода. Чтобы пресечь занос инфекции свежими партиями ссыльных, на узловых пунктах этапирования (Надеждинск, Соликамск, Чердынъ, Н.-Тура и др.) были устроены санитарные КПП.

Метод абсолютной изоляции совершенно непригоден для промышленных центров. Эпидемию здесь не переждать, приходилось полагаться на средства медицинские. При всех мегаполисах ссылки открывались заразные бараки, куда госпитализировали эпидемических.

Уральский план предусматривал развёртывание таких барачков на три тысячи койко-мест, что призна-

валось мизерным в сравнении с масштабами эпидемии. Рассеять исторические бредни про энтузиазм поможет знакомство с профилактическими планами. К 1 марта 1932 года, то есть к концу второго года ссылки, категорически предписывалось построить в каждом спецпосёлке элементарную баню. Украшает план схема строительства вошебоек. Срочное (в течение месяца!) возведение по всему Уралу 324 таких специфических учреждений положено контрольной цифрой.

“Полное отсутствие прачечных, резкий недостаток в белье, а стало быть и потребность в частой стирке, стирка в жилых помещениях увеличивает в последних их собственную сырость. В бараках и избах вследствие указанного - тяжёлая испарина и зловоние”. Лёгкий пассаж в сторону оправдан соседней графой противоэпидемического плана. В местах наибольшей концентрации каторжан мечталось открыть примитивные прачечные из расчёта три корыта на сто человек.

Эпидемическую драму 1931-1932 года можно принять за печальный фрагмент отечественной истории или типаж. В годы последующие многое повторилось и не единожды. Масштабов ссыльного замора никто не знает. Данных о смертности эпидемической и общей, признавался тогда облздрав, нет. Приблизительная смертность от (почему-то обласканного статотчётностью) сыпняка колеблется по районам от 4,5 до 7%.” Выжившие с гордостью свидетельствуют - букетом эпидемических недугов переболели почти все. Вымершие скажут про себя на страшном суде.

Неясные очертания предварительной истины доступны человеку с задатками экономического шпионажа. Итак, проверим себя. По истории вызубренной, тридцать второй год мы пылали пафосом - Магнитка, Днепрогэс, Кузбасс! 15 февраля того же года был создан уральский эпидемический фонд мыла в 25 тонн. Определите число больных, если норма расхода на одного человека 50 граммов и мыло совсем не отгружали.

Теперь поступим математически некорректно. Может, даже преступно. Примем прародителей за дураков. Допустим, что они вняли высоким большевистским словам и, забыв про хворь и голодную семью, с просветлёнными душами устремились в завтра. По пути надо выбросить из головы ещё одно обстоятельство.

“Спецпереселенцы работают в своей одежде, подстилают её во время сна - ею же и укрываются, что привело одежду в чрезвычайно изношенный вид и одежда значительного количества спецпереселенцев, особенно из завезённых в первое время спецссылки, имеет вид лохмотьев...”

Рабочие рукавицами обеспечены только на 30%, работают с голыми руками и имеют случаи обморожения, тёплой одежды и обуви у спецпереселенцев нет... Жилищные условия на участках кошмарные, бараки не освещаются, в щели надувает снег, мокрую одежду и обувь сушить негде, в бараках теснота и грязь. Перебои в снабжении продуктами питания”.⁴⁰

Верующему в коммунизм грязная правда не впрок, а искренне сомневающимся должен сказать, что цитата сшита из трёх лоскутов секретной классики - обзоров ОСП (отдела спецссылки) ПП ОГПУ на Урале за 1931-1934 годы.

Итак, за работу, товарищи кулаки! Сначала работали скопом и сдуру. До государственных планов лесозаготовок деятельность таёжных каторжан спешила за творческой фантазией комендатуры. “Труд преобладал неорганизованный, притом без достаточного наблюдения и руководства со стороны низового административно-технического персонала. В большинстве переселенцы не знали о своих заданиях по работе, о нормах выработки, не осознавали необходимость выполнения норм, так как к этому их не обязывали, не было к тому и стимула, так как многими леспромхозами снабжение производилось не за норму выработки, а в порядке уравнилельном”.⁴¹

Никто ничего не знал: не то ссыльных прикажут расстрелять, не то заставят строить коммунизм. Осенью выяснилось - надо пилить лес. Пока нет пафоса,

единственным основанием трудового энтузиазма остаётся сдельщина.

Первородно каторжный хозрасчёт выглядел так. Паёк стали выдавать только работающим и выполняющим норму. В документах, определяющих трудовой режим ссылки, указывалось, что нормы и оплата труда одинаковые с вольнонаёмными. Однако ссылка - это даже не колхоз, и пространство между работой и едой здесь исковеркано до списания в отходы. Осенью тридцатого индивидуальную норму по комплексу лесозаготовки, то есть до штабеля, установили в два кубометра. К концу этого сезона по всему Ураллеспрому её повысили до 5 кубов. Росла она и позднее.

Повышение косвенно обязано технической революции, аппарат каторжного хозрасчёта на испытаниях дал неожиданные результаты. Поначалу пайковый кусок прямо привязали к норме лесоповала. Мысль о том, что спецпереселенцам придётся платить деньги, казалась не крамольной, а просто смешной. Натурманером выходило, что давшему норму каторжанину вынь да положь 800 граммов хлеба. Как полноценному советскому человеку. Таких хлебов в ссылке не бывало.

Проблема нашла два естественных выхода - повышение нормы выработки и понижение хлебного пайка. В сезон 1932-1933 года в Ныробском, к примеру, углу ссылки за 10 кубометров заготовленной древесины обещалось 6 фунтов муки. Власть потихоньку поняла, что с выработкой нормы надо связать факт выдачи пайка и не брать никаких обязательств относительно его величины. Кулак он и есть кулак, задай ему десять кубов - он упрётся, сделает и будет жрать в полное брюхо.

Тут-то и подвернулась самая гнусная форма богатства. Судьба товарно-денежных отношений в советской ссылке решилась однозначно. Ссылным надумали платить деньгами. Сказано ведь, от смешного до великого один шаг. Заглянем в сюрреальное содержание заработной платы раба.

Начисляли заработок по расценкам вольнонаёмных. 25% немедленно удерживалось в союзный ка-

торжный фонд, то есть на содержание режима, около 10% съедал местный сервис - содержание своей комендатуры, ремонт обуви, строительство жилья и бань-вошебоек, штрафы, плата за инвентарь. Фонд зарплаты был безответной жертвой всех госзаймов и крикливых осовашихимовских кампаний.

Заработок вперёд не звал. Мизерные расценки хоть и выводили к расчёту некоторую сумму, последняя не влияла на благополучие семьи. Скорее даже отодвигала от стола. Во-первых, продукты распределялись строго нормированно, и теперь за них следовало платить наличными. Во-вторых, денег просто не было. На протяжении всей предвоенной ссылки были обычны задержки зарплаты на полгода-год. К чести каторжан должен сказать, что они, пребывая на режиме, всё-таки активно протестовали. Мои современники сидят без зарплаты не меньше, но покорно. Не из идейных соображений. Прародители были рабами злой силы, мы рабы духа.

И последнее. Средний уровень месячного заработка после вычетов колебался по ссылке от 10-15 рублей на предприятиях Рыбтреста до 30-40 рублей на копах угольной промышленности и строительстве. Заработка таёжной и рыбацкой ссылки не хватало для оплаты хлебного пайка.

Со второго лесоповального сезона в моду ввели бригадный метод. Отечественный социализм до последних лет грезил бригадным подрядом и хитрой формой хозрасчёта, способной перешибить воспитанную десятилетиями бестолковую советскую лень. В ссылке на бригадный метод надеялись с умом. Дело в том, что нормы выработки, рассчитанные на нормального человека, для большинства ссыльных доходят оказались непосильными. По данным отдела спецссылки ПП ОГПУ, на 1 марта 1932 года уровень выполнения норм переселенцами на лесозаготовках составлял 65-75% и был значительно ниже производительности вольнонаёмных. В промышленной зоне ссылки нормы выполнялись на 85%.⁴²

Ясно, что большинство работающих нормы не выполняло. Индивидуальная сделщина, сопровож-

даемая самым беспощадным принуждением (об этом ниже), не помогала. Что делать? Объединить в бригаду трудоспособных с хилыми и дать единое задание. Пусть сильные за право получить прежний полный паёк загоняют в гроб слабаков либо отдуваются за них. Открытие тотчас же ввели в обязательную норму и потребовали регулярные отчёты о внедрении. Жизнь изменилась к лучшему. Выработка поползла вверх. Раньше на лесосеке рожи доходят бил штатный десятник, теперь это делал свой брат каторжанин. Теоретиками бригадного метода тихо советовалось формировать бригады из однопороденцев и родственников, и выработка растёт, и мордобоя меньше.

Производительность труда - это, в конечном счёте, самое-самое. Прав был Ильич. И тот, что сказал такое, и тот, что изрёк про экономную экономику. Классика не ржавеет. Социализм должен быть социалистическим, сказал бы сейчас в назидание унылым коммунистам Иосиф Виссарионович, а социализм с человеческим лицом - это бардак! Утвердившись в мудрой мысли, двинемся дальше и не станем уподобляться прикормышам самой благодатной темы недавних экономических исследований - соцсоревнования, болтающих о животворящей силе ласкового партийного слова. Пошупаем лучше железные пружины массового принудительного энтузиазма.

Согласно конституции уральской ссылки, мерами педагогического воздействия на кулацкий элемент являлись: предупреждение, перевод на более тяжёлые работы, высылка в более отдалённые местности, денежные штрафы и заключение в штрафную команду. Командировка на штрафные работы считалась испытанием воспитательным средством ссыльного режима, за которым, если воспитанник продолжал упрямиться и жить, полагался концлагерь.

“Штрафные команды, - поясняет документ Уралсовета, - образуются в целях исправительно-трудового воздействия на спецпереселенцев, не выполняющих норм выработки, производственных заданий и нарушающих установленный режим”.

Штрафники “обязаны выполнять установленные для них нормы выработки. Спецпереселенцы штрафной команды зарплатой не пользуются, удовлетворяются лишь бесплатным питанием из общего котла”.⁴³

В штрафной команде начал ссылку мой земляк Верховых Семён Лаврентьевич. Ныне пенсионер, инвалид второй группы, Почётный шахтер Союза. Самостоятельно похозяйствовать не успел, только выделился из отцовского двора, загремела раскулачка. Надеялся, что по маломощности хозяйства обойдут. Нет, под вторую волну всё же угадал. Накануне подъёма выселяемых, под самый вечер друг, ходивший в активистах, предупредил. Убегая в звёздную весеннюю ночь, думал обмануть судьбу. Устроился на временную работу в Челябинске и через месяц написал домой, в деревню Песчанку Щучанского района. Чтобы не беспокоились.

Из родственников беспокоиться было некому, увезли всех. В беспокойстве пребывало местное ГПУ, с получением письма там облегчённо вздохнули и вышли на след беглого. После недолгой отсидки в челябинском центре его отправили на разработку еманжелинского угольного разреза. Там, к радости, встретил родственников и пол-деревни. Ссылные копали землянки Чёрного городка, на месте которого позднее вырос Еманжелинск. Семёна, как беглого, сразу определили в штрафную команду.

Работа была каторжно классическая, в скальном грунте пробивали дорогу к будущему угольному разрезу. Думал, такого уж нет на свете, вспоминает Семён Лаврентьевич, работают пятьсот человек, а обед привозят на двести пятьдесят. Не выполнившим нормы пайка не полагалось. Зато в обед и вечером увозили в лес по телеге покойников. Семён отошал до костей и стал жалеть себя, глядя вслед очередной телеге.

Счастье упало откуда-то сверху. В один из холодных осенних дней, когда жить не так хочется, его окликнул и признал новый бригадир. Тот раньше жил в соседней деревне и хорошо знал семью Верховых. “Скоро сдохнешь, Семён, - грустно заключил брига-

дир встречу с земляком, - постараюсь кое-что придумать”. На радость 8 детям, 17 внукам и 22 правнукам (так было два года назад) Семёна Лаврентьевича бригадир оказался башковитым. На другой день неожиданно выяснилось, что Семён Верховых давно ходит в передовиках и может считать штрафной срок с зачётом. Ударникам день работы засчитывался за полтора-два дня. И у котла теперь на него не выворачивали с подозрением глаза. После этого, смеётся Почётный шахтёр Союза, мне на роду написано быть ударником.

Про штрафные команды мы благополучно не знали. А ссыльные... Ну кому же хочется, чтобы на телеге да по-скотски? Если не жили толком, то хоть душу отдать по-людски. Заключение в штрафную команду боялись - это значило конец. Потому в голодных обмороках, с кровавым поносом сорванного сверхчеловеческой натугой кишечника, раздетые и разутые, каторжане тянули лямку нормы до последнего, зарабатывая право считать самого себя человеком.

Хроническое невыполнение нормы каралось, кроме того, двойной высылкой. Отстающих отправляли на дальние разработки без права возвращаться в спецпосёлок. Из таких формировали постоянный, работающий и в межсезонье штат лесозаготовок.

Казалось бы, сам статус каторжанина, ужасающие условия быта и труда говорят за себя и оставляют место лишь сочувствию. Ан нет, советская власть и тут взяла в руки моральный кнут. Да и не хотелось оставлять истории правду в её мерзкой наготе. Первые рекомендации развивать в ссылке ударничество и соцсоревнование прошли в центральных директивах осенью тридцать первого.

Организационное усердие предписывалось направить в два русла - оторвать молодёжь от родителей и повысить производительность труда. “А) создать особые молодёжные бригады на производстве - читаем специальное постановление СНК СССР, б) вовлекать молодёжь из производства и сельского хозяйства в трудовое соревнование; в) прикрепить к молодёжным бригадам политруков в целях вовлечения молодёжи в просветительную работу; г) разрешить досрочное ос-

вобождение молодёжи из спецпосёлков за ударную работу и перевыполнение производственных заданий...⁴⁴

С начала тридцать второго эти установки прошли документом немедленного действия по райкомам и комендатурам ссылки. Деревенские знают, что дрова лучше колются зимой. Советская власть с треском разваливала застывшие в голоде переселенческие семьи. Всячески поощрялось создание молодёжных бригад и отселение на этой основе от родителей в молодёжные бараки. Подростков третировали идеологически. Невероятными посулами провоцировали на публичный отказ от родителей-мироедов. Сыновнее предательство, возведённое в гражданский подвиг, процветало и в ссылке.

Святотатство обростало мхом местного колорита. В лесозаготовках тех активистов, что польстились на особый паёк или лёгкую работу и бросили голодающих родителей, вытолкнули на передовой фронт. В куреня - посёлки из шалашей и курных землянок при месте лесоповала. Паёк теперь можно было есть одному. По зелени ума превращение человека в тягловую советскую скотину прошло вроде бы незаметно. Спустя совсем немного активисты побегут от холода, бескормицы и зверств, творившихся в куренях. Побегут уже в никуда, в беспризорщину и безотцовщину. Многих найдёт осознание постыдного предательства, которое не стереть в памяти, не оправдать.

В ссылке городской отсаживание от родителей провоцировали активней. Тянули во всевозможные кружки и общественные мероприятия, участие в которых допускалось для осознавших и раскаявшихся. Любое поощрение на работе оговаривалось отрешением от прошлого, то есть родителей. Ударником ссылки мог получить премиальную, к примеру, телогрейку, если сначала протокольно благодарил партию за заботу, а потом хулил своих родителей. В анкетах ударников-каторжан обычна фраза - "связи с родителями не имею даже письменной". В некоторых случаях рвущийся в передовики менял фамилию.

За спиной ссыльного энтузиаста, таким образом, маячил страх голодной смерти, штрафная команда и обман. Добавлю отдельно - ложь и зверская жестокость. Большая часть каторжан-доходяг, попавших в историю ударниками и соцсоревнующимися, явилась жертвой отчётного вымысла. Выбить всё человеческое можно из немногих. Обычно поступали проще - молодёжь принудительно сгоняли в бригаду и проводили по отчёту ударной.

"Решительно принять меры к полному охвату трудовой деятельности, - читаем расхожую партийную директиву, - малотрудоспособных и подростков на лёгких видах работ кустарных мастерских, на лёгких заготовках - ягод, грибов, сырья для кустопроизводства и т.д., организуя их в особые группы бригады". Хотя производительность оставалась низкой, отчётное поголовье ударников прогрессивно росло, нередко опережая общее число работающих.

"Большинство молодёжи, - провоцировал сыновнее предательство секретарь Уралобкома ВКП(б) Кабаков, - своё прошлое ненавидит, хотят жить по-новому, хотят отбросить, забыть, какого они происхождения, и когда на человеке висит груз прошлого кулацкого происхождения и плюс к этому его никто не учит на сегодняшний день, никто его не квалифицирует, и когда этот человек видит, что уже облик страны, когда его отец был кулаком, совершенно изменился...

Высылка молодёжи по Постановлению ЦК (имеется в виду освобождение из-под режима ссылки - А.Б.) должна открыть перспективы. Не просто открыть, а молодёжь обязана её завоевать, завоевать в борьбе вместе с нами..."⁴⁵ Корявая речь главного коммуниста Урала, законсервированная на одном из совещаний тридцать четвёртого, прозрачна в своей бесчеловечности.

На первых порах соцссылное соревнование и ударничество культивировались преимущественно среди мужского населения. По мере вымирания такового или заключения в более серьезные режимные заведения предмет организационных экспериментов сдвигался на прекрасную половину ссылки.

Нельзя сказать, что изматывающая принудилровка царила везде. Картину ссылки творили разные ведомства, поэтому в одних её краях голодали в трудах непосильных, другие прозябали в принудительной безработице. В году тридцать четвёртом пришла идея запродажи ссыльных вербовщикам, которые измучились, шарясь по обезлюдившим весям Большой земли.

“В случаях избыточности рабсилы против плана или фактического недоиспользования её хозорганизациями, - сообщалось всем заинтересованным, - ОСП по заявкам предприятий, где имеется недостаток рабсилы, допускает в районы с избыточной спецрабсилой вербовщиков с точным указанием количества спецпереселенцев, подлежащих вербовке. Вербовка производится под непосредственным наблюдением и с участием районного и поселковых комендантов по согласованию с хозорганизациями. На подлежащих вербовке спецпереселенцев поселковым комендантом составляется именной список”.⁴⁶

Условия реализации живого товара разработали на принципе взаимного уважения интересов. Покупатель перечислял ОСП ПП ОГПУ 5% заработка вербованных, но брал на себя всё, что полагалось сделать для бытового обустройства спецпереселенцев. Покупал, проще сказать, проблемы, которые за три года не решило ОГПУ. Суэта вербовщиков, а также тысячные партии закупаемых Уралуглями, Уралмедями и иными Уралпромами душ свидетельствовали в пользу того, что овчина стоила выделки.

В купчей (договоре сторон), подписываемой на год, тонко обходились сроки вербовки, констатировался лишь запрет на спекуляцию рабсилой и взаимная заинтересованность в оседлости ссыльных. Покупателя очаровывала и цена, и вот это. “Для административного обслуживания переданных хозоргану спецпереселенцев... учреждается штат комендатур, на обязанности которых лежит: а) поддержание трудовой дисциплины спецпереселенцев; б) принятие мер по жалобам адмтехперсонала хозоргана; в) оказание помощи хозоргану и его предприятиям в повышении производительности труда спецпереселенцев и

100% выполнения таковыми производственной программы...”⁴⁷ Ну кто, скажите, откажется купить голимого ударника за пять процентов его же зарплаты!?

Торговля пошла ходко. Русские мужики и российские нацмены оптом шли из одной кабалы в другую. Главное управление лагерей (ГУЛАГ) своим высоким авторитетом утверждало договора купли-продажи. От продавца подпись ставил начальник отдела ссылки ПП ОГПУ на Урале Мовшензон. Да-да, тот самый Абрам Рафаилович, которого мы помним по крутым документам деревенского погрома.

Что до основного предмета торгово-вербовочных кампаний, то ситуация для него воспроизводила живую старый камерный анекдот. Приговорённый к расстрелу в последнем слове возмутился мягкостью приговора. “Я бесконечно виновен и заслуживаю более серьёзного наказания. Добавьте пятнадцать лет тюрьмы. А потом ещё и расстреляете!”

Наш каторжанин от вербовки свободнее и сытее не стал. Разве что статусно оброс - ссыльно-вербованный ударник. На новом месте комендантский режим был много гуще. Старый хозяин требовал прежде всего покорности, покупателю-хозоргану подавай высокую производительность. Из голодного и квёлого энтузиаста её можно было только выбить, в чём скоро поднаторели и работники адмтехперсонала, и представители общественных организаций.

“Повсеместно и в каждом спецпосёлке были созданы арестантские помещения “каталашки”, куда десятниками леспромхоза, бригадирами и комендантами беспричинно, а зачастую из личных корыстных побуждений, заключались переселенцы всех возрастов, содержались там в неотапленных помещениях, раздетыми по нескольку суток и без пищи, там же систематически избивались и подвергались всевозможным истязаниям, что приводило к полному упадку физической деятельности спецпереселенцев и их смертельным случаям.

Издевательства... над спецпереселенцами по своей дерзости не находили себе границ. В этих арестантских помещениях, в домах переселенцев, на улице, в

лесу на работах и даже во время отдыха переселенцев последние избивались, женщины и девушки подвергались также избиениям, понуждались и использовались в половом отношении, от спецпереселенцев бесконтрольно отбирались вещи, деньги и продукты. Были случаи вымогательства взяток. Все эти беспричинные издевательства в основном сводились к физическому истреблению переселенцев, что бесспорно подтвердилось показаниями десятников, некоторых комендантов и других лиц...⁴⁸

Небольшой фрагмент взят из докладной записки начальника областного комендантского отдела Баранова, адресованной начальнику ПП ОГПУ на Урале Раппопорту, то есть из самой секретной и, разумеется, достоверной переписки двух главных инстанций уральской ссылки. Бумага датирована весной 1931 года и живописует быт первой ссылкой зимовки, когда и голод был поуже, и народ посвежее. За общими фразами негодования скрывается истинная трагедия сотен тысяч каторжан и постыдное намерение скинуть вину на местные низовые власти. Советские Гиммлеры за десятилетие до гитлеровских оригиналов умели ломать хребты и комедию благородства.

Не в сила Бог, а в правде! Ну а тех атеистов, которых историческим фактом не ушибёшь, у кого телесный механизм восторженно генерирует под "Всё выйше, и выйше, и выйше!", выведем на лесосеку Петропавловского, к примеру, леспромхоза. Не бойтесь, ребята, вы дома! Для начала определим вас в бригаду Ратушняка. Ударник, сочувствующий. Секретной архивной писанине никто из вас не верит принципиально.

И правильно! По данным уполномоченного оперотдела ПП ОГПУ на Урале Кирюхина ваш бугор изверг, "избивший всевозможными способами ряд спецпереселенцев, в результате чего спецпереселенец Мартыненко умер в арестантском помещении: насилывал женщин и девушек, произвёл ряд ограблений на дороге, был вдохновителем десятников по избиению

спецпереселенцев и говорил: "Переселенцев всех надо уничтожить!"

Не нравится? Понятно. До нас сказано - беда, коли хохол взводный. Давайте-ка пойдём в бригаду члена ВКП(б) Калугина Ивана. Русский, правда, в народе он ходит под кличкой Ванька Каин за изуверское отношение к собратьям. "Избил ряд переселенцев, - секретно излагает ссылно-библейский сюжет Гепусовская бумага, - в результате чего переселенец Луговой умер".

Милости просим под начало старшего десятника Кривощёкова и просто десятника Щелагина. Члены партии и ударники. Это главное, плюньте на то, что старший десятник "избил целый ряд спецпереселенцев, в результате чего от побоев умерли Самойленко и Деомид Сидоренко. Последнего Кривощёков толкнул в горящий костёр". На весёлый нрав десятника Щелагина спишите его попытку похоронить ещё живую, но строптивую спецпереселенку. Перед могилой та в гробу давай ворочаться.

"Бригадир Суетнов, член ВКП(б), - продолжим про тех, кто командовал ротами, - избил ряд переселенцев в соучастии с бригадиром Мерзляковым, в результате чего переселенцы Терпугов и Дудников умерли от избиений".

"Десятник Смышляев. Избил прутком железным Харченко Ивана на глазах переселенцев за то, что последний употреблял в пищу мясо павшей лошади. Избивал других переселенцев".

"Конвоир штрафного участка Болотов Иван. Систематически избивал спецпереселенцев, от чего умерли: Саледин Мустафа и Борда Феодосия. Отличался особой жестокостью. Среди переселенцев известен под кличкой Ванька-палач".

"Комендант Масягин - соучастник преступлений Болотова. Избил переселенцев братьев Беккер, умерших после побоев".

"Поселковый комендант Деев, беспартийный, был главной фигурой избиений и убийств спецпереселенцев. Избил ряд спецпереселенцев, из коих Мирошни-

ченко от его побоев умер. Отбирал вещи от переселенцев, вымогал взятки...⁵⁴⁹

Можно дальше цитировать сообщения спецуполномоченных ПП ОГПУ о повсеместном изуверстве. Цитировать рога в рога с идейно остекленевшими. Можно открыть пухлые тома с материалами партийной чистки, где преступные факты обрастут листвою деталей, а чаще упадут на соломку смягчающих обстоятельств. Хорошо бы заглянуть в уголовные дела да послушать кряду битых и изнасилованных. Увы, такие материалы ушли в пустопородный отвал советской истории.

При проведении массовых кампаний выселения вопрос о сроках ссылки обычно не возникал. Власть рассматривала раскулачивание и последующие меры естественным актом расправы над классовым врагом. Физическое уничтожение активной части кулачества полагалось основной целью. С другой стороны, значительный удельный вес среди ссылаемых молодёжи и детей обязывал придать карательным операциям хотя бы декоративный воспитательный вид. А значит и обоснованный временной горизонт ссылки.

Пять лет или до потери кулацких признаков - так по-чёрному определили срок ссылки. До кристальной пролетарской нищеты спецпереселенцы добрались сразу, оставались лишь физически неустрашимые признаки социального происхождения. Пятилетнего срока заключения действующие лица нашей драмы ожидали разное. Спецпереселенцы - с естественно смутной надеждой. Лесотресты, которым надоели моральные муки людомора и связанная с ним повседневная суета, мечтали о чистой вербовке. В отличие от каторжанина вербованный приезжал без семьи, с собственной сытой лошастью и только на заготовительный сезон. Заткни ему рот куском хлеба да дай норму выработки. Всего-то и забот. Ни сирот, ни вошебоек. В Уралсовет и Уралобком поступили даже запросы на десятки тысяч вербованных взамен подлежащих освобождению переселенцев.

Власть осталась при особом мнении. Чаяния лесотрестов партсекретарь ссыльно-Свердловской об-

ласти обозвал политическим хулиганством. "Мы спецссылку, - развеял он грёзы, - должны укрепить в лесу. Это первое основное положение, из чего мы должны исходить. Второе - укрепить не только до конца ссылки, но и укрепить так, чтобы они (спецпереселенцы) и после освобождения остались в лесу. Эксплуатировать лес без постоянных кадров в лесу мы не можем..."⁵⁰

Понятно, что сказано это не со своего ума. Какой же смысл, думала столичная власть, перетаскивать полудохлую ссылку в деревню. Мало того, что справедливость обойдётся в большие затраты реэвакуации, стоит ли вообще разбавлять нищету колхозную нищетой ссыльной. Единственно верный выход выглядел таким вот образом. Ссылных никуда не отпустили, лишь молодёжи разрешили, оговорив это многочисленными условиями, выезжать для поступления в профтехучилища. Каторгу выкрасили в светлые освободительные тона. Отныне ссыльных повелели называть трудпоселенцами, а их убогие пристанища - трудпосёлками.

В гармонию с идеологическим марафетом надлежало привести сознание переименованных. Мягко посадить их на мысль, что окапываться надо насовсем. "Уверяю вас, - инструктировал райкомендантов ссылки секретарь Свердловского обкома ВКП(б) Кабаков, - эти же люди, скажи им, что они сегодня свободны, в том селе, откуда их взяли и куда им разрешается ехать, брёвна им никто не даст, а через год дом будет построен. Никакой Ураллес, Востокостальлес, никаких ассигнований давать не будет, а дом он построит. Верно это, товарищи? Верно. А здесь... Стена валится, потолок проваливается, окна бьются и палец о палец не ударяется. Это потому, что человек не полюбил своего места и он считает, что здесь он временно живёт, не оброс, он чувствует себя птицей..."⁵¹ Полюбить каторгу заставили. Из пятилетней ссылка обратится в пятнадцатилетнюю.

Не дождались вольной и великостроечные каторжане. По истечении декларируемого срока ссылки те вознамерились либо вернуться в деревню, либо

вернуть гражданство. Ан нет. Как только заканчивалось строительство, всё режимное поголовье переводилось в штат нового предприятия. Сие мероприятие проводилось обычно с большой помпой. Цените, мол, Советскую власть. Были вы отбросами общества, а теперь доверено работать на передовом социалистическом предприятии. Польщённые доверием всё равно смотрели в лес и старались выправить какие-нибудь документы.

Каторжан тайги и тундры ещё можно было как-то удержать, но индустриально-режимные, безнадежно покачав права, к началу тридцать пятого толпой подались в вольнонаёмные. Обратни нарывались на грубость. "По ряду районов.., - забеспокоились карательные органы, - отмечаются массовые случаи выдачи трудпоселенцам всевозможных документов... Нами обнаружена масса таких справок, в которых совсем не указывается, что лицо, удостоверяемое документом, является трудпоселенцем, а обычно именуется гражданином. Подобная безответственность с выдачей документов открывает и даёт широкие возможности к бегству трудпоселенцев из посёлков, беспрепятственному устройству бежавших на работу в различных учреждениях, хозорганах и заводах".⁵²

Читатель может не уловить причин озабоченности ОТП (отдел трудпоселений) УНКВД по Свердловской, приведена его директива. Чего, казалось бы, страшного, бегут-то на заводы. Потеря классового чутья, дорогие товарищи, равносильна предательству. Самыми ценными субъектами советской экономики являются зек, колхозник и ссыльный. Это и самые мощные производящие людские конгломераты. Без уравнивающего бесплатность принуждения социализм остаётся дряхлой утопией. Ни достойно заработать, ни прилично украсть.

Каторжанин, отныне трудпоселенец, при всей своей социальной мерзости экономически много лучше вольнонаёмного. Даже мизерная его зарплата выглядит не оскорбительно, а чистой благодетелью. Работает он за пайку, четверть заработка, как раз остающаяся после выкупа харча, прямо идёт на со-

держание режима. Из вольного лишнюю копейку надо выколачивать займами и прочими ухищрениями. Вы уже знаете, как это утомительно.

О резюмирующем обстановку ходе властей можно догадаться и без знания аристотелевской силлогистики. В переводе на старосоветский он звучит так. "Категорически запретить выдачу непосредственно на руки трудпоселенцам каких бы то ни было документов, справок, характеристик и отзывов, в случае необходимости выдавать их только через районные и поселковые комендатуры НКВД. Предупредите Ваше периферийное руководство, что лица, нарушающие настоящее указание, будут привлечены к уголовной ответственности за покровительство и содействие трудпоселенцев к побегам". Март 1935-го, бумага подписана начальником ОТП НКВД по Свердловской области Князевым.⁵³

Авангард режимного энтузиазма - клиенты ГУЛАГа. От изложения деталей их бытового и трудового героизма меня освобождает российская классика. "Один день Ивана Денисовича" тут скажет больше, чем все засекреченные бумаги. Не сидевшим нынешним исследователям тоскливо с другой стороны. Приходится восстанавливать былое по наскальным рисункам лагерного прошлого. Работать с тем, что из донные сокровенного просочилось в партийные и советские архивы.

Общего количества зеков-энтузиастов, мотавших срок на стройках Урала, не знает никто. Автор "Архипелага..." неоднократно сокрушался по поводу того, что не удалось поработать с документальными первоисточниками ГУЛАГа. Не знаю, прав ли глубокоуважаемый Александр Исаевич в надеждах на пользу такого действия. Если и допустить фантастическую возможность пропуска ко всем бумагам пенитенциарной системы, положительный итог их изучения, по моему, весьма проблематичен. Даже с точки зрения масштабов режимного энтузиазма.

Дело проще. Взять хотя бы легальную советскую статистику. Ни историков, ни экономистов, ни социологов она не навела на предчувствие моментального

краха социалистического хозяйства и его политического каркаса. Раньше фуражный советский профессор-обществовед пил от скуки своей науки, а теперь - от осознания её абсолютного незнания. В статистике репрессированных, сужу по нашему Уралу, и вовсе не найти концов. В самом деле, армия заключённых наполнилась из множества ручьёв и родников, до которых учётное дело никогда не доставало. Суды народные, лагерные и линейные, трибуналы военные, НКВД и железнодорожные, тройки НКВД и просто тройки, коллегии... В местах ссылки ряды зеков уплотнялись спецпереселенцами во всём их ассортименте. Власти часто путали лагерных и ссыльных. Последние во вторую советскую голодуху изменение своего внегражданского статуса воспринимали с удовольствием. Лагерная баланда часто была предпочтительнее пустопорожнего пайка.

Потоки арестованных и осуждённых прокачивались через клапаны уральской системы УИТЛ (Управление исправительно-трудовых лагерей). Рядом с гулаговским патриархом - ВИШЛАГОм - подрастали режимные акселераты: Магнитка, ИвельЛАГ, ТагилЛАГ, СевуралЛАГ... Формирование контингента зек-энтузиастов определялось потребностями ускоренной индустриализации. Отсутствие семейного хвоста, жёсткий режим, мобильность и низкие затраты на содержание - всё это делало заключённых гвардейским корпусом строителей социализма, вызывало высокий спрос на него со стороны работодателей.

Букет основных статей, по которым энтузиаста гражданского лицева в зек-энтузиаста, читателю отчасти знаком. Подбор статей УК и приложения к нему, с набега воспринимаемый как чисто правовой лимит поведения совграждан, эстетически образованного исследователя поразит тонкостью и отменным вкусом. Каждый малюсенький параграф в гармонии с идеей и, свалюсь на варварский жаргон современных дилеров, закрывает определённый сегмент спроса на рабскую силу.

Недоимочные статьи УК, по которым срезали хозяина двора, давали наиболее трудоспособную часть

деревенских заключённых. Ту смиренную в поведении часть энтузиастов (срок детский, скорее отмотать с зачётами - и домой!), которая отметилась в лагерном статусе как мужики, работяги, ломом подпоясанные. Что, в самом деле, за строитель светлого будущего. Дали три года, из них год прокантовался под следствием и на пересылках, а остальной срок вбил в полтора года зачётами. Только и хорошего, что можно посадить сызнова.

Именно в краткосрочности заключения состоял главный недостаток карательных мер по недоимкам. Статьи хищенческие и закон о пяти колосках сняли указанное недоразумение. Тут подавляющая масса осуждённых попадала в энтузиасты на две пятилетки кряду, ибо на таковых не распространялась амнистия. С хищенцами проблемы вспухли в другом месте. Если помните, в первый год действия указа семь восьмых под него влетало старье да гольё. Не работники, словом. Позднее выход нашёлся через расширение карательного ареала, под дедушкин указ стали привлекать за падёж скота, перерасход горючего, порчу имущества, срыв плановых перевозок и поставок и за многое другое.

Типичные для социализма формы бесхозяйственности не давали карателям скучать в безделии. Закон о пяти колосках, как самое радикальное и эффективное средство мобилизации зек-энтузиастов, постоянно подстраивался под региональные потребности в рабочих руках. Началу любого крупного индустриального проекта предшествовала интенсивная ловля хищников, спровоцированная Наркомюстом или облпрокуратурой. На Урале действие шкурного закона всегда было показательным для всего Союза. Объяснялось сие не врождённой kleptomанией земляков, а высоким региональным спросом на рабов и ускоренным "естественным" отходом.

Казалось бы безграничные возможности указа о пяти колосках натолкнулись на правовую рутину. Действительно, каждого хищника надо было протаскивать через судебную машину. А если хищников миллионы? То-то и оно.

Если нынешний прагматический взгляд на жизнь кинуть за спину, то есть задаться вопросом, что такое социализм в действии, ответ всплывёт сам - колхозный устав и статья пятьдесят восьмая. Действительно, в указанных нормах большевизм нашёл неиссякаемый источник режимного трудового пафоса. Как только недоимочные и хищнические статьи стали недостаточными, на правовой горизонт выполз массовый вредитель. Соотечественник, выяснилось сразу, совершенно не умеет правильно думать и поступать.

Особенности оргнабора энтузиастов-вредителей мы изучим позднее, здесь ограничимся лишь кратким экономическим прологом. И вредители, и их высшая разновидность - враги народа злобно вызрели к тому моменту, когда вновь созданная советская индустрия потребовала миллионы рабов. В первую очередь отрасли трудоёмкие - горное дело, угледобыча, лесозаготовки... И пока в стране был бесплатный энтузиаст, экономика Союза дышала ровно, как только за труд стали платить, хотя бы символически, она съела самое себя.

К концу тридцать второго в системе оргнабора зек-энтузиастов случился запор. Между арестом и трудовым героизмом заскрежетала судебная машина. Даже при самой простой процедуре (дела рассматривать в ускоренном порядке в день поступления!) карательный механизм захлёбывался, катастрофически росло число подсудимых, а точнее - просто арестованных. Милиция, ГПУ, уполномоченные, местное начальство, директора совхозов, начальники политотделов МТС, сельсоветы - все подсылали арестованных, не сообразуясь с возможностями домзаковских площадей и пропускной способностью судов. Хорошо вроде бы геппеушникам, они освобождены от судебных декораций. Ан нет, ПП ОГПУ телеграфно приказало райотделениям не пересылать репрессированных до разрешения на то.

Не успевали отгружать и энтузиаста, суд проскочившего. Не хватало охраны сопровождения, воронков, вагонзаков, жилбараков по месту трудового подвига, колючей проволоки и всего-всего другого.

Осуждённые илом оседали в камерах предварительного заключения и местных тюрьмах. Истощение заключённых, сообщалось оттуда, вызывает опасение за их жизнь. Сыпняк, секретно сообщал начальник обл-ИТУ в Уралобком, бушует по колониям и лагерям, за один апрель 1933 года отмечено две тысячи очагов эпидемии.⁵⁴

В камерах челябинского централа, к примеру, арестованным негде было сесть. Вынуждены были наспех открывать кутузки-филиалы, где, разумеется, должной охраны не обеспечишь. О голоде уж не говорю.

Надвигающийся ужас сняла "Инструкция..." ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 года. Прежде всего документ приказывал упорядочить производство арестов. Отныне запрещалось арестовывать следующим лицам: председателям райисполкомов, районным и областным уполномоченным, председателям колхозов, секретарям партячеек... В основном дело доверялось милиции, органам прокуратуры и ОГПУ. Инструкция, подписанная Сталиным и Молотовым, вызвала ропот недовольства у ответственных товарищей. Соломоново решение выглядело так. Оружие у парткадров оставили. Директива была очень секретной, да мужику и незачем знать, кто его по закону может взять за загривок. Вытаскивать наган и положительно воздействовать им на деревенщину можно, читается между строк документа, а вот стрелять и арестовывать, дорогие товарищи, нельзя.

Да и не о милосердии речь, арестовывайте на здоровье, но пригласите людей компетентных. Как, к примеру, уполномоченный обкома Страховский. "Пришлось ехать в колхозы, - излагает правильный ход дела опытный ганьбу, - и на месте определять, что делается. Я беру с собой прокурора. Надо сказать, что прокурор сначала мялся. Потом я взял его с собой и тут же на месте чинили суд и расправу, это давало очень хорошие результаты".⁵⁵

Второй спасительный ход сталинской инструкции связан с наведением порядка в местах лишения свободы. Не дело, конечно, когда арестованный переходит

на государственное довольствие, пребывая в камерном бездельи. Надо было разгрузить места лишения свободы. "Установить, - читаем манифест, - что максимальное количество лиц, могущих содержаться под стражей в местах заключения НКЮ, ОГПУ и Главного управления милиции, кроме лагерей и колоний, не должно превышать 400 тысяч человек на весь Союз ССР".⁵⁶ К тому времени в КПЗ Страны Советов сидело около миллиона человек.

На чистку конюшен пришли разнарядки в края и области. Уралу разрешили держать в кутузках до приговора 8 500 человек, чем прямо-таки обидели опорный край державы. Столько вербованных, ссыльных и вообще антисоветского элемента и на тебе - какие-то крохи. Просьбы облпрокурора Пальгова об увеличении квоты на в КПЗ и тюрьмах пребывающих вызвали лишь раздражение центра. Жалко не контру и уголовщину, доходчиво объяснил Наркомюст, а то, что они бесплатно жрут.

Разгрузка закрытых отсидочных мест проектировалась так. Всех осуждённых на срок от одного до трёх лет надлежало перевести на принудительные работы, присовокупив к тому год условного наказания. Замена отсидки на принудилровку только внешне выглядела благородным шагом. Принудительные работы, читаем в УК РСФСР, отбываются "по месту работы или вне постоянного места жительства" с удержанием до 25 % заработка. Дальнейшую судьбу принудилковца можно предугадать умозрительно. "Освободители" по отношению к деревенщине явно предпочли применять ту часть статьи УК, которая ориентирует на "вне постоянного места жительства".

Отправлять разгруженных краткосрочников в деревню? Но колхоз сам по себе есть высшая форма принудилровки. Да и какая там четверть заработка. Ведро отходов в год. Тем паче, что с колхоза можно всё содрать в бесспорном, безнормативном порядке. Потому деревенскому зеку-краткосрочнику одна дорога - на великие стройки пятилеток. По режимному характеру труда (обязательные сверхурочные, постоянный надзор, субботники) и удержаниям из зарплаты

разгруженные почти не отличались от вкалывающих рядом ссыльно-пафосных. У последних, правда, срок ссылки прятался за горизонтом. Зато краткосрочник при обострении событий мог улететь в лагерь, потому как ходил в условно осуждённых.

И по окончании принудилровки он далеко не сразу мог сорваться в родную деревню. Как раз спустя год вышел циркуляр Наркомюста № 24/с от 16 июня 1934 года. "В исправительно-трудовых колониях, на работах ряда крупнейших новостроек (Магнитострой, Челябинстрой, Кузнецкстрой и т.д.) заняты десятки тысяч лишённых свободы. Многие из них подготовлены к работе на этих предприятиях в качестве вольнонаёмных (по окончании срока заключения)..." То была эпическая часть документа. Директивная суть сводилась к тому, чтобы отбарабанивших срок немедленно переписать в пролетариат.⁵⁷ Сделать сие надлежало тонко - не выдавать бывшим заключённым ни паспортов, никаких других документов. Их, стервецов, из зеков переводят в самый прогрессивный класс, пусть оценят.

Вернёмся к манифесту сталинскому. Осуждённых на срок от трёх до пяти лет отправляли в спецпосёлки ОГПУ. Туда попал и мелкоуголовный рецидив краткосрочной категории. Население спецпосёлков ОГПУ читателю уже знакомо. Грани между их коренным населением и разгруженными из тюрем совершенно стёрлись. В разъяснение этого факта Уралпрокуратура и Уралсуд циркуляром от 7 июня 1933 года предписали "кулакам и рецидивистам, осуждённым на ссылку, заменять ссылку на лишение свободы, основываясь на эквиваленте репрессии".⁵⁸

Не разбирающемуся в карательных эквивалентах объясню доходчиво. Внешне зека разгруженного от мужика ссыльного не отличишь. Тут как с дворнягой, совет практический. Пнул - завyla, значит сука. Завыл - кобель.

Самую серьёзную камерную публику, осуждённых на срок выше пяти лет, направляли в лагерь ОГПУ. Моментальная разгрузка тюрем и исправдомов высвободила для народного хозяйства страны около полу-

миллиона бесплатных энтузиастов. Бесплатных в том смысле, что в лагерях ОГПУ просить зарплату было не принято, а в спецпосёлках и на принудилровке заработок (за минусом удержаний) еле-еле покрывал стоимость продпайка. На Урале полку энтузиастов прибыло на 13 тысяч душ.

Уральскую областную комиссию по разгрузке создали в мае тридцать третьего, и вскоре она доложила наркому юстиции Крыленко, что "инструкция об освобождении закрытых исправительно-трудовых учреждений полностью выполнена. Из 21 тысячи заключённых, находящихся в них, многие распределены по трудпосёлкам ОГПУ и лагерям ОГПУ. Область почти уложилась в лимит закрытых мест лишения свободы (лимит - 8 500 человек, фактически на 400 человек больше)".⁵⁹

Операция стоила героических усилий. Ну представьте себе, надо вытащить из всех тюрем и исправдомов осуждённых, рассортировать их, сформировать в этапы, препроводить к месту полезных свершений. Это при нехватке охраны, вагонзакв, транспорта местного, продовольствия. Да и везёшь публику не в пионерский лагерь, народ тут смотрит не в светлое будущее, а вбок. Вышла мороза со своими кадрами. На всякое благое дело нетрудно поднять лёгкого в ходу геппеушника, но не ленивого милиционера. К сталинским директивам относились сугубо серьёзно, в доказательство чего десятку начальников райотделений милиции за неусердие распоряжением областной прокуратуры дали по 10-15 дней ареста.⁶⁰

После этого ситуацию занесло в другую сторону. Суды гнали преступников ускоренным темпом, значительно превышающим отгрузочные возможности уральской милиции и ОГПУ. Наученные опытом начальники тюрем и милиции стали в третью позицию и наотрез отказались принимать сверхлимитных клиентов. Лепите, мол, людям срок (это суду), так сами их и стерегите. А нам за них сидеть не хочется.

Теперь заклинило в судебной машине. В 1934-1935 годах пошёл массовый вредитель, и конфликт разогрелся до цвета побежалости. Потребовался кон-

силиум лучших умов советской пенитенциарной системы - наркома Внудел Ягоды, Прокурора СССР Вышинского, начальника ГУЛАГа Бермана, председателя Верховного Суда СССР Винокурова. В совместно подписанной ими директиве от 17 мая 1935 года все горячие точки карательного процесса, от ареста до отбытия срока, охладили до комнатной температуры.

"Не допускать ни в коем случае, - читаем эту бумагу, - отказа в приёме в тюрьмы лишённых свободы, на которых представлены надлежаще оформленные постановления или приговоры. В тех случаях, когда лимит данного следственного органа исчерпан, следственные принимаются на резервные места".

Резервные места, естественно, не лимитировались. Умозрительно можно дело представить таким образом: на нарах возлежит зек исключительно лимитный, а резервные смиренно ждут своей очереди. Гулаговская литературная классика утверждает, что реальный расход по нарам сильно отличался от идеального.

"Не допускать, - читаем секретную директиву дальше, - задержки в партиях осуждённых, подлежащих вывозу в колонии Вашего края (области), а также не допускать задержки отправления в исправительно-трудовые лагеря отобранных для них заключённых, обязательно вывозить из тюрем в близлежащие колонии Вашего края (области) тех кассационных, содержание которых в колониях разрешено специальными указаниями ГУЛАГа".⁶¹

В лагеря, видим, выбрасывали даже кассационных, подавших документы на пересмотр дела. А куда денешься? Зек-энтузиаст был на Урале в большом дефиците. Начальники великихстроек требовали заключённых с отчаянием и даже различной угрозой. Будто боеприпасы с передовой. "Решением бюро обкома ВКП(б) от 1 апреля 1933 года, № 67, - возьмём наобум деловую бумагу, - тов. Коровин обязан был пополнить состав трудколонии Трубостроя с тем, чтобы довести её состав до нескольких тысяч человек... Между тем, Коровин не только не выполнил обязательства, но и наоборот - с Трубостроя перебросил на Вагонострой 150 человек... Подобные, ничем не оп-

равданные действия идут вразрез с постановлениями Уралобкома и дезорганизуют стройку, имеющую оборонное значение”.

Зря начальник Трубостроя катил бочку на тов. Коровина. Что мог сделать начальник УралИТУ? Все подряд только требовали. Достала его легендарная Магнитка, вынь да положь ей сразу 4 500 человек! Гордости индустриализации отказывать нельзя. Но на Урале не было свободных заключённых, поэтому тов. Коровин накатал объяснение прямо в Уралобком ВКП(б). Исходящую бумагу за номером 476/с от 16 июня 1933 года.

“В связи с отказом Главного Управления ИТУ в пополнении исправительно-трудовых колоний Урала рабочей силой из других краёв и областей мы не можем пополнить за счёт своих ресурсов действующие колонии до количества, обусловленного с работодателями. Равно не можем дать в данный момент Магнитогорской колонии 4500 человек. Необходимость комплектования последней для нас совершенно очевидна...” Далее начальник УралИТУ обещает укоротить Чусовскую, Надеждинскую и частью Пермскую колонии и направить высвободившихся заключённых на Магнитку. “Помимо этого будут изъяты полностью срочные из закрытых мест лишения свободы, где наберётся 1 000 человек, таким образом получим 4500 человек, которых сможем направить в Магнитку к имеющимся там 10 300 человек”.

Если у России вспыхнет желание осознать себя всеисторически, не замкнувшись на хронологии дел монарших, дотошные исследователи доберутся до ворот каждого из советских концлагерей. Мы с читателями ещё пошатаемся по новостройкам Магнитогорска классически большевистского года тридцать третьего. Чтобы понять причину острого дефицита зек-энтузиастов, подойдём к чёрному выходу Магнитогорской ИТК.

За год, предшествующий означенной просьбе, из боекомплекта колонии в 16 тысяч человек умерло более 1 000 и сбежало 4 500 заключённых.⁶⁴ Умерли от условий труда и быта, с которыми мы познакомились

накануне. Правда, то был разговор о спецпереселенцах, лагерная жизнь на порядок хуже. Каждый третий энтузиаст дал тягу не по причине лопухости охраны. Прозябающему в беспросветной нищете остаётся одна мечта - человечески достойно умереть. Ежедневные видения скотской гибели близких по нарам сняли всякий страх. Бежали сломя голову от энтузиазма натурального, о котором в отечественной истории не сказано ни слова.

“Прокурору Республики. От прокурора Уральской области. Совершенно секретно. 28 марта 1933 года.

Нами производится расследование о безобразном этапировании лишённых свободы из Магнитогорска в Нижне-Туринскую колонию... Оно произведено преступно небрежно. Подобное обращение и отношение к людям трудно себе представить. Совершенно больных людей привозили на автомобилях и бросали в вагоны. Среди указанных людей были ударники, выполнявшие норму на 100-120 % и больше. Больные с температурой направлялись в этап и абсолютно никто с этим не считался. Люди стали сразу же умирать в вагонах, даже тут же на станции Магнитогорск.

Условия перевозки не содержали элементарных правил этапирования. Вагоны были совершенно не оборудованы, были лишены самых примитивных удобств: плохое снабжение даже питьевой водой, не закрыты люки, отсутствовали параша и т.д. По заключению врачей больше тысячи человек из прибывших живыми в Н-Туру не могли следовать этапом. Люди вылезали из вагонов редко без посторонней помощи...”⁶⁵

“В прибывшем эшелоне из Магнитогорска, - теперь по документу ОГПУ, - привезено 18 трупов, при выгрузке умерло ещё 15 человек, в ночь умерло ещё 60 человек... В бараках мёртвых ложили вниз, а на них умирающих, и так продолжалась укладка... Был составлен акт на 4 умерших, а при снятии с них одежды оказались двое живыми. Они были отнесены в ванную, где продолжали оставаться живыми ещё 10 часов. Больные тифом не изолировались...”⁶⁶

А теперь пейзажи конечного пункта этапирования. Виды Нижне-Туринской колонии. "Баракы и камеры переполнены сверх всяких пределов. Там, где нормально помещается 200-300 человек, было размещено 1300-1500 человек... Бытовые условия оказались чрезвычайно тяжёлыми. Колония не смогла обеспечить заключённых не только питанием, но и водой; пруд, питающий колонию, обмелел и не обслуживал потребности в воде... Люди умирали не только от истощения, но и от жажды и других заболеваний.

Крайне тяжёлая обстановка (отсутствие белья, теснота и прочее) не позволяла развернуть рациональную медицинскую помощь больным, а в госпитальном лечении не менее 1000 человек. Ввиду этого смертность в колонии достигла громадных размеров. За время с 20 февраля по 20 марта умер 1271 человек. Большею частью от истощения. Большинство умирает по баракам и камерам. По заключению врачей, из оставшихся в живых обречены на смерть в течение ближайшего месяца не менее 1000 человек...

С питанием в колонии дело обстоит также плохо. Калорийность дневного питания - для голодного ребёнка. В большинстве барачных отсутствуют крыши, грязно, сыро и громадная вшивость...

И.О. облпрокурора Виноградов".⁶⁷

Расследование обстоятельств, оперативно проведённое Нижне-Туринским райотделом ГПУ, выявило ближайших виновников - начальника колонии Ляпунова, главврача Степанова, заведующего снаботделом Ошуркова и инспекторов УралИТУ, впавших при столь скорбном антураже в кошунственное пьянство. Стратегической причиной произошедшего выделась засорённость аппарата колонии кулаками. Сообщение прокурора об ужасах этапирования восприняли как совершенно бестактный поступок, ибо отгружали заключённых под надзором магнитогорских геппусов.

Всё выше, и выше, и выше на Север лезли эшелоны с людскими отходами социализма. Здесь, в упрямых лесах колониях, звучал финальный аккорд марша энтузиастов. Заканчивался живой конвейер индустриализации, начавшись в разграбленной дерев-

не. Между его полярными точками укладывалось полтора-два года "массового трудового героизма". Каждая великая стройка имела своё отхожее место, свой отвал.

Пояс северных душегубок прятал концы преступной политики. Мы не освоили цивилизованных газовых камер и механизированных крематориев. К учёту убитых мы не приучены идеологически. Замороженные наши энтузиасты мёрли естественно и на фоне богатой уральской природы. Дожли бесщётно и тихо. Масштабы нам дались сразу, ибо гребли мы своих.

Разговор о массовом режимном энтузиазме вызывает улыбку тихой вины у нынешнего социалиста, если вам не противостоит кристальная оголтелость. Согласившись с тем, что в истории не без уродов, проследуем в царство свободы и пылающих неподдельным пафосом душ. В колхоз. Труд, знают все в этом царстве, создал человека. Труд бесплатный, скорректировал гениальную мысль исторический опыт, возвысил человека до колхозника. Преимущество последнего состоит в том, что рационально он воспринимает кнут как осознанную необходимость, срабатывающую каждый раз, когда индивидуальные устремления входят в противоречие с партийным провидением.

Утро деревенского энтузиазма выдалось пасмурным и ознаменовалось строго индивидуальным приглашением к барщине. "Мария, вставай и на картошку к поповскому лесу!" - где-то так ежедневно будировал коммунаров нарочный, для уверенности постучав кнутовищем по раме. Марьи и Лукерьи, привыкшие работать сытыми, на себя и по собственному побуждению, не спешили торопиться. Вытянуть их на полосу могла только реальная надежда если не унести из колхоза чего-нибудь за пазухой, то хотя бы оперативно, отпугивая голод, пожевать.

Более ленивая мужская половина артелей могла проспать из принципа. А секретное постановление райкома ВКП(б) о срочном окучивании колхозной картошки срывалось и застывало пузырьком брака в фундаменте социализма.

У отполированного диссертантами надгробия научной организации колхозного труда тепло вспоминаются первые попытки обуздать сельскую анархию... Уполномоченный Уралобкома ВКП(б) Гомзяков, человек по-военному прямой, но не косный, строил коммунаров в колонну (колхоз "Труженик" Бродоколмакского района) и с наганом наголо выводил их в поле.⁶⁸ Идеальную дисциплину портил внешний антураж, колхозники не умели ходить в ногу, потому колонна напоминала этап свежезаключённых.

Из кабинета председателя, сплошь да рядом свидетельствуют материалы чистки, есть два выхода - или под арест, или на работу. Гнать из колхоза и снимать с пайка всю семью отказника полагалось саморазумеющимся. На первых порах важен был факт выхода на работу, к которому шли через мордобой, угрозу заключения и голода.

Нельзя сказать, что деревенщина ленивее городских работников. Позывы к прогулам показаны всякому работающему даром. В этом плане социализм открывает безграничные возможности трудовых извращений. Пришлось со спины гегемона подпирать репрессиями. В ноябре 1932-го приняли закон об увольнении за прогулы без уважительных причин. Уволенный за прогул, доступно разъясняет суть закона Наркомтруд, "должен немедленно сдать администрации предприятия все выданные ему, как работнику данного предприятия, на него лично и членов семей продовольственные и промтоварные карточки, ордера и заборные книжки, дающие право пользования столовой, закрытым рабочим кооперативом или закрытым распределителем... В случае несдачи уголовная ответственность".⁶⁹

При увольнении за прогул следовало немедленное выселение работника и его иждивенцев из предоставленного жилья. Январём тридцать четвёртого вышел приказ за подписью Вышинского, в нём предписывалось отбирать карточки у всех прогульщиков вне зависимости от дальнейшей судьбы.⁷⁰

Деревню указанные директивы задела рикошетом. Живёт колхозник в собственном доме и своим огоро-

дом. На работу как удастся, а в четыре - дома! - эта поныне живая общедеревенская норма родилась вместе с колхозом. Потихоньку соберутся в контору, поспорят на наряде, потом пешим ходом добираются до места работы. Использовать дефицитных лошадей для перевозки коммунаров запрещалось даже в пятидесятые годы. На быках и коровах тоже не возили, но по другой причине - те очень редко ступают.

Начинаем работать часов в 10-11, письменно признавались Сталину коммунары одного из колхозов Суксунского района, когда единоличник, ехидно в себя улыбаясь, садится обедать. Пробовали раньше будить - не получилось, в ответ колхозники или медленнее шли, или отсыпались на работе. Назревала драма.

Зимой тридцать второго специальным постановлением ЦК ВКП(б) предписывалось перевести общественный сектор на бригадную форму. Ленивый колхозный монолит следовало разбить на производственные бригады и дать каждой твёрдое задание, закрепив за ней земли и инвентарь. Технику и работы постоянного характера партия рекомендовала поручить "передовым колхозникам, проявившим себя в применении социалистических форм труда (соцсоревновании и ударничестве)". Теми же достоинствами должен был обладать бригадир. В колхозах Урала обычно создавались полеводческие и животноводческие бригады. В первые включали 40-60 колхозников, состав вторых определялся наличием скота.

Сколоченные бригады тотчас же перевели на коллективную сдельщину. "При установлении норм выработки, - повествует документ Колхозцентра, - колхоз обязан равняться по количеству и качеству на выработку лучших колхозников и бригад, достигнувшую в результате соцсоревнования и ударничества".

Здесь не лишне повторить изложенную ранее мысль. Собственных ударников колхоз держал по райкомовской разнарядке, они достойной подражания производительностью не отличались и нормы обычно рассчитывались на мифическую выработку союзно препарированных передовиков.

И вообще, в колхозной сдельщине больше грёз, чем барыша. Вся бухгалтерия сводилась к пустопо-рожнему трудовню. Может, я сказал мутно. "Категорически запрещается оценка работы колхозника в деньгах!" - тридцать лет и три года указанная норма доминировала во всех документах, регламентирующих распределение.

За созданием бригад стояло нечто большее, чем абстрактная сдельщина. Намерения властей сгустились до очевидности с выходом директив о немедленном оборудовании полевых станков. Трудоспособную деревенщину решили выкурить из деревни и поселить рядом с работой. По государственному уму мероприятие выглядело многократно полезным. Экономия рабочего времени налицо, не надо ежедневно бить ноги колхозников и тягла несознательного, а если пере-гнать в бригады и сельхозорудия, то износ будет меньше.

Оборудование полевых станков провели аврально в 1933-1934 годах. Про оборудование громко сказано. Просто в самые глухие и отдалённые углы перекатали то, что осталось от кулацкого жилья. В расчёте на летнюю эксплуатацию станков, срубы перекатали абы как, порой не мша пазов и не настилая полов. Быт деревенского пролетариата, считалось само собой разумеющимся, должен быть строго функциональным и исключать разлагающие элементы буржуазного комфорта.

Исключение сделали для буржуйки, в комплекте с которой шли актуальные лозунги и наркомземовские нормы выработки. Позднее к ним добавили плакаты, призывающие держать себя бдительно и не болтать. Дабы ненароком проходящий англо-германо-японский шпион не выведал стратегических секретов.

Самым удачным моментом новой конструкции колхоза было то, что выселенные на полевые станы коммунары ели паёк в одиночку. Пещерные условия жизни имели тайный резон - отрубить у колхозника семейный хвост. Подробнее будет так. Летом, в самый разгар полевых работ, пребывающих в бригаде сажали за общий стол и записывали съеденное в аванс.

Оставшиеся в деревне иждивенцы питались чем бог подаст. А зимой семейно ели выпавшее на трудовень. Чтобы родственные чувства не обернулись ущербом, бригадирам вменили в обязанность немедленно гнать из бригады пришлых и пресекать позывы к милосердию у штатного состава.

Ваш покорный слуга пережил третью советскую голодуху благодаря нищенству и тайной помощи родной тётки-трактористки. В смену, когда тётя Маруся работала, желательно потемну, я должен был, отмахав семь километров, ждать где-нибудь в кустах у конца гона. Под видом поломки она останавливала трактор и доставала из горловины радиатора узелок с распаренной пшеницей. Тогда это в шутку называлось "фордзоновской" кашей. Если не удавалось с зерном, она давала мне часть своего пайка - кусок густой, похожей на мамалыгу, бригадной каши. Съесть надо было тут же, тётя жутко рисковала. Я с подозрением относился к тётемарусиной напарнице, работавшей на прицепке, пока не догадался, что и её может кто-нибудь ждать.

Вскоре по образу и подобию колхозных организовали полевые станы тракторных бригад МТС. Туда перетаскивали необходимую технику и механизаторов. И по богатству обстановки, и по уюту станы тракторных бригад мало отличались от колхозных. Вот с режимом там было строже, как-никак предприятие государственное. Качеством советской техники следовало наружно восхищаться, а про себя облегчать душу матерно (хер, товарищ, заведёшь! - ХТЗ) и бдить. Чтобы не влететь во вредители, от закреплённой за механизатором железины далеко отходить не осмеливались. Обслуживание тракторных бригад поставили в вину артелям, следовало дать работников с лошадьми для подвозки воды, горючего и запчастей.

Опережая героическое, остановимся на буднях энтузиастов выселки. "Бытовые условия коммунаров в поле были антисанитарные. В бригадах имелось по одной полевой избушке без окон и полов, в помещениях теснота, по 15-20 человек, а в бригадах по 30-40 человек. Остальные в холодную погоду спали под от-

крытым небом, вследствие таких условий получились систематические заболевания".⁷¹ Верить этому можно, ибо картина секретно писана начальником Звериноголовского райГПУ. Те же картины легко найти в отчётах медицинских, партийных, облземовских. И в архивах всех районов Урала.

"В бригадном стане в виде маленькой бани с земляным полом по двум стенам нары, в углу стоит развалившаяся печка, закоптелое окошечко (какие бывают у омшаника). Тлеет полено в железной печке, помещение полно дыма. На нарах лежит тракторист, закрывшийся тряпьем... Ржавые бачки, старые ведра и другой скарб. Невдалеке от этой халупы стоит явно оставленный вагончик с открытой дверью. На полу грязь и кучи мусора, в ящике негодное железо. На нарах вагончика лежит брошенное и грязное (похоже на то, что им трактор вытирали) переходящее красное знамя. Оказывается, это знамя в конце сева передано за лучшие показатели".⁷²

Талант не пропить и не украсть. Отчёт партуполномоченного по Сухоложскому району покоряет не фактом, а вкусом к слову. Проворонил себя человек. А талантливо сказано про Курьинскую МТС.

Сплю на нарах, ем паёк. Географическое перемещение колхозников с домашних полатей на нары далось не легко. Даже осознавший свою историческую миссию деревенский пролетарий был супротив. Ходить гоголем, пусть и голозадым, лучше вдоль деревни, чем поперёк леса. О живущих собственным трудом и говорить нечего. Дом, семья и скотина легли на рельсы прогресса. Сначала колхозников выгоняли на поселение насильно. Те упрямо и ежевечерне бежали в деревню, чтобы утром, качаясь от усталости, снова явиться в бригаду. Гнали в ночь обычные житейские заботы. Надо было что-то сделать по хозяйству, присмотреть за престарелыми родителями и детьми, молодёжь обуревали чувства холостяцкие. Нередко беглые отказывались возвращаться на полевые станы и намеревались даже выходить из колхоза.

Партия мудро посоветовала колхозам ввести жёсткий распорядок, увязав его с прикормом. Из арсена-

ла стимулов, которыми пороли колхозника, назову лишь самые эффективные. Жить в бригаде постоянно деревенщину заставили. В колхозные уставы записали, что уход из бригады приравнивается к прогулу. По союзному законодательству прогульщиков следовало гнать из колхоза в три шеи.

Понимая, что многим колхозникам такое наказание во благо, норму пресечения привязали к местности, беглых стали штрафовать, списывая заработанные ими трудодни. Ночь в родной кровати для пожилого коммунара обходилась в три-четыре трудодня. Парень за ходку на вечерки обычно работал даром пять дней, по причине ветрености мотивов преступления.

Символический смысл учёта трудодней (скажем классно - на почве его пустопорожности) не возымел бы эффекта, не введи колхозы годового минимума трудодней для каждого колхозника. И здесь колхозная история загнулась. Не выработавшим минимума делать в колхозе нечего. Но, оказалось, и увольнять нельзя. По окончании года более трети колхозников претендовало на досрочное освобождение. По причинам уже отнюдь не идейным. Одни из благовоспитанной лени, у других героически заработанное ушло в погашение штрафа по бегам и иным нарушениям норм колхозного бесправия. Штрафовали за всё: за неявку на собрание производственное и по случаю осуждения троцкистов, за неявку по повестке сельсовета, за опоздание и неусердие, за неучастие там, где уставно обязан быть...

Историю конфискации трудодней, да и бухгалтерию их начисления, не восстановить. Её можно лишь иллюстрировать. Колхоз имени Будённого Сосновского района: за один летний месяц спокойного тридцать пятого сорок два трудоспособных колхозника оштрафованы на 132 трудодня. Факт маловыразительный и средний. Тут история себя оправдала, трудодни сняты за неявку на политучёбу и несоблюдение правил личной гигиены. Умываться, а тем более читать классиков марксизма, надо ежедневно.⁷³

В поступках большевистской власти всегда доминирует горделивое упрямство. Мужика сломали. Драма стукнулась о дно, эффективнее всего на коммунара действует страх тюрьмы, вербовки, ссылки, ну и почётной патриотической обязанности. Сталинским колхозным уставом, принятым в тридцать пятом, пребывание в бригаде закрепили обязательной нормой.

Для гарантии дело подпёрли постановлением СНК СССР от 16 июля 1937 года, в котором самовольный уход колхозника с места проживания, то бишь бригады, квалифицировался уголовным преступлением. Предвоенными директивами дисциплину отшлифовали до блеска, тюрьмой запахло всякое опоздание. Под впечатлением новоселья родилась новая редакция известной аббревиатуры ВКП(б) - второе крепостное право (большевики). Антисоветская вещь была известна всем, но сказанная не в жилу, она гарантировала переезд на нары, но уже тюремные.

Молодость целых поколений удалось стноить в произволе и грязи бригадного быта. Угодливые души потом назовут это романтикой и даже массовым энтузиазмом. "В бригаде процветала половая распущенность, возглавляемая председателем колхоза Гордеевым и бригадиром Лоскутниковым..." Дело было в колхозе "Коминтерн" Усть-Уйского района. Обвиняемые "принуждали девушек и женщин на половую связь, обсуждали - кто с кем будет спать, отдельным женщинам наносили побои, вследствие чего имел место упадок трудовой дисциплины в молотильной бригаде".⁷⁴

Не ищите здесь криминала, деревенских баб перекрёстно жарили на многих полевых станах. Интересное сбоку. Райпрокурор Трегубов сразу вlepил бригадиру и председателю по статье 58, дробь 11 и дробь 14. Такой букет обычно давался за организованные действия, направленные на ослабление государственного строя СССР. В принципе правильно, на току надо строить социализм. Дело случайно попало на контроль в Уралпрокуратуру. Там в коминтерновской групповухе нашли только злоупотребление служебным положением, на основании чего прокурору

Трегубову дали строгий выговор, а райпрокурорам остальным направили специальное предупреждение, чтобы впредь не путали политику с блядством.

Изложение материала о колхозном пафосе начну с материалов первого всесоюзного съезда колхозных ударников, который состоялся в феврале 1933 года. Делегатов от Большого Урала на него назначили. Не из тех, разумеется, что боронили на коровах, а из политически хватких. В пользу того говорят пухлые персональные дела на каждого, исключая дела репрессированных чуть позднее. Ударник должен быть и звать... Словом таким, чтобы мог без иронии в роже выслушать такое.

"Величайшая заслуга в том, что наше колхозное движение пошло по правильному здоровому руслу, что оно было направлено по верному пути, принадлежит первому ударнику-колхознику тов. Сталину!" Сказал это мастер курчавой еврейской лести Лазарь Каганович. И призвал коммунаров немедленно двинуться в сталинский поход за урожай.

Делегаты раскатились по Союзу, чтобы стать живыми экспонатами республиканских, краевых, областных и районных съездов ударников. Тут только и обнаружился великий резон, спрятанный в назначении делегатов союзного съезда. Кому нужен делегат, способный лишь смущённо мычать или инстинктивно материться? Побывавшие в столице должны источать восторг и уметь передавать его словесно.

Со времён первого ударного съезда вошло в привычку садить в торжественные президиумы номенклатурный сырец - обласканных угловатых ударников. Те сначала чувствовали себя неуютно, отчасти по причине неожиданно свалившейся славы, но больше из-за шевелящейся внутри совести. Потом пообвыкали, постепенно превращаясь в мохнатых трутней.

Делегаты московского съезда отрабатывали на областных слётах и потом тридцать лет кряду эксплуатировали доходную тему - я видел Сталина. Побывавших на уральском съезде тоже бросили на идеологический фронт. Дело в том, что после съездов, отшумевших по административной вертикали, ини-

циатива разлилась вширь. Пошли слёты ударников-механизаторов, ударников-конюхов, колхозных поваров и прочей общественно полезной публики. Непременным гвоздём программы были воспоминания, теперь уже излагаемые складно и не без артистизма.

Съезды энтузиастов стали школой советского ритуала, на местах в меру сил копировали столицу. В торжествующей нищете уже схватывались те милые черты, которые найдут совершенство в форумах эпохи застоя - с выносами хоругвей, с шутами со всего света в президиумах, с группами скандирования; в телепредставлениях, которые любил смотреть мой сосед по общежитию МГУ японец Ииси, объясняя ласково и ядовито, что таких спектаклей больше нигде в мире не увидишь.⁷⁵

Уральский слёт колхозных ударников состоялся в июне тридцать третьего. В самый разгар голодухи. Когда секретарь Уралобкома ВКП(б) появился в президиуме, тренированный голос из зала объявил: "Товарищи, лучший соратник товарищей Ленина-Сталина - Кабаков!" Стенограмма слёта констатирует бурные продолжительные аплодисменты. Времена определяются нравами. Дети застоя помнят многоминутные заставки Интервидения, предшествующие трансляциям из Дворца Съездов, и торжественный выход мумий политбюро в президиум. По глупости мы принимали за надменность внутреннюю сосредоточенность престарелых членов на том, чтобы удержаться в вертикали.

В тридцатых в протоколе была скромность. Местные вожди напропалую косили под вождя народов, снимая до тонкостей сталинскую привычку появляться в президиуме с запозданием, как бы невзначай и усаживаться где-нибудь на краешке. Уральский партийный бог сыграл удачно и даже демонстративно приглушил овации.

Разогревали публику подсадные оргинструкторские утки. Кто-то предложил послать приветственную телеграмму Сталину, другой - Калинин, третий - Кагановичу, четвёртый - вождю и руководителю Красной Армии Ворошилову... Вскоре ситуация вышла из-под

контроля, потому как из зала полетели фамилии вождей малозначительных. Перешли на поздравления лицам юридическим - ЦК ВКП(б), газете "Правда" и далее по нисходящей. Сарапульская делегация сделала смелый ход, передав красочно оформленное поздравление сидящему в президиуме секретарю Уралобкома Кабакову. К этому, оказалось, были готовы и посланцы других районов.⁷⁶

На слёте было признано, что судьбу весеннего сева решили коровы и бабы. Сей исторический факт был назван трудовым героизмом и занесён в актив ударничества. Председатель облсуда Чудновский призвал беречь колхозное добро и похвалился, что более двух тысяч кулаков осуждены по указу "семь восьмых". Про десятки тысяч колхозников, посаженных за хищение хлеба, он говорить не стал.

Посеяли много, укрепил в вере секретарь Уралобкома ВКП(б), теперь голода не будет. Развешенные по стенам диаграммы и карты, на которых в зелёный цвет засеянных зон были выкрашены даже северный Ивдель и Остяко-Вогульск, производили впечатление более сильное, нежели изустно сказанное. Погода в тот год подвела, отвыкать от голода не пришлось, а в северных районах, где засуха и кобылка не достали, аборигены по слабосознательности и агротехническому невежеству съели урожай на корню.

Вогнать соотечественника в пафос принудиловки Советской власти так и не удалось. Традиционные средства - паёк, угроза заключения и досрочное освобождение - провоцировали только выход на работу, но не усердие. Провоцировали слабо. Физиономия строителя социализма всегда выражала крайнее отвращение к труду, нутро же его либо изнывало в безысходности, либо впадало в трудовые извращения. Трудодень по своей призрачности требовал применения дополнительных реактивных средств, коими чаще выступали разовые прикормки и текущая бытовая жестокость.

"На МТФ пропадают свиньи, - письменно и коллективно просили женщины артели имени Калинина Лебяжьевского района, - дайте хоть по килограмму

пропастины".⁷⁷ Этим дали за покорность, уже упоминалось, что пропастину обычно разворовывали со скотомогильников. Дело происходило в утреннем свете сталинской Конституции, то бишь весной тридцать седьмого. Показательные процессы над руководителями сельского хозяйства Урала и индивидуальные следственные дела 1937-1938 годов свидетельствуют, что павшими от чумы свиньями колхозников кормили повсеместно.

История Страны Советов учит - жестокость продуктивна лишь в том случае, если она низведена до ежедневной подлости в отношении каждого соотечественника. Чтобы колхозник, к примеру, выполнил свою историческую миссию, надо, чтобы он больше всего на свете боялся ближнего начальника, бригадира. Чувство абстрактного страха есть тоска, а не стимул.

Государственная злость входит в привычку. Выпал ночью сосед по пятьдесят восьмой - сидим, шлёпнули брата по дедушкиному указу - молчим. Как косачи, которых можно стрелять до тех пор, пока падают с веток без шума. Колхозник должен либо работать, либо сидеть. История ГУЛАГа почему-то сосредоточилась на блатных и политических. На Урале в обозреваемое десятилетие любимцем карательных органов был колхозник.

Артель "Память Ленина" Шумихинского района: из 160 трудоспособных более половины имеют раскулаченных родственников и коротающих срок членов семей. Колхоз "Память Ленина" (память об Ильиче взята за основу выборки) Краснополянского района, тот же тридцать четвёртый: из 30 колхозных мужиков сидят все, из оставшихся 60 трудоспособных, бабы, молодёжь и старики, осуждено 39 человек. В отчётом приложении к последнему факту уполномоченный Уралобкома ВКП(б) Квасов сетует на то, что в колхозе работают преимущественно старики да бабы. Как только парень входит в силу, находится повод, чтобы его посадить.⁷⁸

В районном масштабе это выглядело так. Заугольно-тихий Лебяжье-вский район. За три года кол-

хозного строительства осуждено, по отчёту райсуда, 7985 человек из 33 тысяч населения. В Большой Урал входило двести районов.⁷⁹

Переселению с нар полевого стана на нары лагеря обычно предшествовала короткая драма, которая сюжетно завязывалась строгой местной властью и нормами, ею разработанными. В основе нормирования бесплатного труда лежит принцип - сделай, сколько приказано. А то будет как вчера. Вчера посадили соседа. Склонным к знанию предметному привожу документальную иллюстрацию.

По совхозным нормам середины тридцатых уральская доярка получала с надоенного литра молока полкопейки, скотник с килограмма привеса - пять с половиной копеек. Молока и мяса в магазинах не было, но первое стоило пять рублей за литр, второе - двадцать рублей за кило. Выше всех оплачивалась удачная случка - 40 копеек, которая, к сожалению, возможна только раз в году. Колхозная доярка за трудодень должна была надоеить 85 литров. По причине суходойности коров (среднегодовой надой по Уралу - 750-1000 литров) выходило сорок голов в день.⁸⁰ Вручную. Из памяти детства выплывает популярная частушка про "колхозную корову, стерву туготитую".

Тем, что колхозника били по харе, в России никого не удивишь. Били все, на то он и колхозник. В тон манерам и местное руководство назначалось. Типажи председателей, сотворённые отечественной литературой и кинематографом, порой восхищают. Особенно в исполнении талантливых артистов. Грубоватый с виду такой, но где-то по-большому правильный и внутри добрый. А если и совершит какую-то благоглупость, мудрый секретарь райкома отчески подскажет. Даже жаль, что на Урале таких председателей не было.

И не могло быть. Советскую власть устраивал только руководитель, способный ценой крайней жестокости и подлости выполнить её директивы, не оглядываясь на мораль и чужое мнение. Робкий телёк и человек здраво рассудительный могли попасть в номенклатуру случайно и на свою беду, ибо любое пота-

вание колхознику считалось предательством интереса государственного. Кому же охота сидеть-то?

Вдоль времени и поперёк Урала тиражировались директивы партии, ОГПУ-НКВД, прокуратуры, суда и подмахивающих им органов, требующие пресечь антигосударственные тенденции руководителей. Исключить из партии, снять с работы, в пятидневный срок привлечь к уголовной ответственности - таков путь руководителя-доброхота. Разрешил, к примеру, зав. отделением совхоза "Большевик" жарить зерно работающим в холодную ночь бабам - садись на три года. Дал голодающим колхозникам зерно до выполнения плана - получай срок. Выдал председатель хлеб по трудодням до разрешения райкома (Макушинский район) - тюрьма. Продал колхозникам обмолоченную на один раз солому (Бродоколмакский район) - через неделю зек. За невыполнение плана сидеть сам бог велел.

В Англии король управляет королями, заметил когда-то один путешественник, во Франции король управляет людьми, в Германии человек управляет скотиной, в России - скотина командует скотиной. После обвинения этого путешественника в британском снобизме остаётся ещё момент истины. Практически весь придонный слой хозяйственной и партийно-советской номенклатуры тридцатых находился в текущем состоянии. Руководителя обычно хватало, чтобы провалить очередную хозяйственную кампанию, или до наезда очередной карательной бригады.

Временщики-уполномоченные, временщики-председатели, назначение бригадиром квалифицировалось народно как время сушить сухари. Каждый вступающий в должность исходил из утлой надежды, что демонстративной жестокостью либо добьётся выполнения планов, либо снисходительности за свирепое усердие. Ну пожурили Ивана Меньшикова, председателя колхоза "Крестьянин" Бродоколмакского района, за крутой нрав. Тот отправлял на работу под угрозой немедленного ареста, а весной сгонял голодающих с полей, отбирал гнилую картошку со словами: "лучше пусть колхозная свинья сожрёт, чем колхозник!" По-

журили Ивана Спиридоновича, но посадили не сразу, хотя у него и просо ушло под снег, и сено сгнило, и даже урожай колхозных огурцов засолили и проквасили.⁸¹

Вот бригадир колхоза "Красный Казак" Троицкого района Голиков жил в кривом моральном пространстве, отчего сел сразу. "Брал для себя хлеб, предназначенный для свинофермы?" - сурово вопрошал его партследователь. "Брал сам, - следовало в ответ, - и ещё несколько работников, поэтому пока живые". 190 свиней, как материальное средоточие государственного интереса, сдохли от чумы и отягчающего хворь голода.⁸²

Не хочу нарушать логического порядка событий и рассказывать о массовых арестах вредителей с партбилетами. Пусть пока поживут. Сообщу самое необходимое - только за один тридцать третий год на Урале было снято две трети председателей колхозов и сельсоветов. Снято и посажено. В сельских районах младший хозяйственный комсостав перешёл на функцию оборотных фондов. Не скажу, что это уральский рекорд, но факт впечатляющий - в малюсеньком колхозе имени Карла Либкнехта Ильинского района за год сменилось 10 председателей и 42 бригадира...

Из заросшего трын-травой отвала истории достану ещё пару камней. "За 1934 год сменилось 4 председателя колхоза, из них Килин за 28 дней работы председателем отбывает принудработы 1 год, Рогожников за два месяца работы осуждён на 5 лет, Солодовников работал только три недели, Самодуров снят за пьянку..."

Колхоз имени Молотова Сухоложского района: председатель был осуждён на пять лет в июне 1934 года, а посажен только в декабре по причине дефицита руководящих кадров. Шесть месяцев управленческой деятельности зачли в срок отсидки один к одному.⁸³

Изложение фактов спасительной председательской жестокости сделало бы книгу бесконечной. Отдадим дань внимания только жестокости талантливой и экзотической. К людям талантливым я отнесу уполномоченного Челябинского ВЛКСМ Ваню Куликова.

Приезжая, к примеру, в Мало-Грязнухинский сельсовет Каменского района, он слазил с ходка и с хода въезжал в харю местного начальства. Бил независимо от возраста, но, что удивляло колхозников, бил выборочно и как бы прицельно. Через день-два битых обычно садили.

За магическими способностями комсомольца, как это бывает всегда, скрывалась материальная жуликоватость. Перед выездом в колхозы Ваня узнавал в райотделе НКВД фамилии руководителей, запланированных к аресту или проходящих по следственным делам.⁸⁴

А теперь экзотическое, к сожалению, без соответствующего тексту национального звукового акцента. "Сообщаю издевательство над колхозникам предколхоз Файзуллин Фахрид колхоз имени Калинина Ембаевского сельсовета 6 июня 1936 года. Файзуллин Фахри избил своих колхозников. Сафарбеков Сафа лежит в постеле не может подняться. Файзуллин била палками, расколол голова. Сафарбеков ошен руки не может поднять, из головы вышел кров в последствие остал без сознания. Байдукова Гайша тоже лежит на постеле, она тоже не может подняться очень тяжело лежит, его топтали ногой в грудь и бил... У него сейчас опухло от доктора имеет справку для повреждения от избиения, имеет 6 детей.

Сафарбекову Атаута тоже с палкой бил в голову, у него тоже голова раскололась. Бурундукова Ахата палком бил, он тоже не может поднять руки. Мирхалимову Баширу всё окно разбил, ни одного стекла не осталось, так боялись жена его и дети. Председатель сельсовета Галеев никаких мер не принял, а наоборот вместе с Файзуллиным пьянствовал также парторг Тимербаев Нурулла на место предупредить Файзуллина даёт толчок побольше бить, чтобы колхозники во время допроса так на собрании молчали. Колхозник сейчас говорит, что если мы скажем о недостатки колхоза так пред колхоза, то нам будит рабски наказания. Файзуллин Фахри прошлом году в одного колхозника за это дело ухо отняли у Тузбакова Ризвана. По просьбе колхозников".⁸⁵

Восток, Петруха, дело тонкое. Это сначала всё кажется страшным. Ну отхватили у мужика ухо. Колхозник не ворона - мотом не спугнёшь. А тут хоть с одной стороны слышит, да дома! Цивилизованный председатель с уполномоченным сдали бы колхозника в НКВД с намёком на статью 58-ю. Дальше хороший срок. Да тот же Тузбаков Ризван, пугани его десятилетним сроком, сам второе ухо подставит.

Духовная сторона колхозной принудиловки будет много богаче. Действительно, чтобы погасить ту крайнюю степень остервенения, которая естественно вспыхивает при мгновенном обращении свободного хозяина в раба и проявляется в варварском отношении к технологии, орудиям труда и продукту, необходимы прямо-таки психотропные государственные средства. Но коммунистическая власть, агрессивная по природе, не довольствуется малопроизводительной покорностью. Она вгоняет раба в состояние идеологического психоза, придавая вульгарной принудиловке характер самодеятельного героико-исторического действия. Декоративный пафос оправдывал и маскировал убогость.

Историю "массового трудового героизма" закрыли коммунистические субботники эпохи зрелого социализма. Фальшь их чувствовал каждый, почти каждый видел в них выветрившийся лоскут подлинного героизма тридцатых годов. Да, в субботниках сквозило лицемерие, но из их прецедента выветрился не героизм, а насилие. Ложь, подпёртая всей силой государства, может быть идеологией. Но насилие и героизм суть вещи разные. Солдат, выбравший пулю неприятеля, а не загранотряда НКВД, по большому счёту только жертва.

Советская история лежит в гробу ногами на запад. Архивные документы дают понять, что партийная власть не обольщалась и всегда считала соцсоревнование, равно и иную взбудораживающую суету, только второстепенным потогонным средством. Сферой блудтворчества пропагандистской и журналистской братии. Та надежды оправдала и слепила из говна конфетку. Деловые секретные бумаги дуреломных лет

ехидно относятся к моральным мерам поощрения и твёрдо стоят на том, что соотечественника гораздо полезнее драть.

Нам же, обозлённым потерей целого столетия, хочется не то просто поупрямиться, не то снова побренчать святыми советскими мощами. Душой и телесно ощутить романтику голодного пайка на дне холодного котлована. Может, потому, что давненько не сидели. Зек памятьнее условно свободного. Отсидевшему лучшие десятилетия в розовые сны старости тоже приходят сопки Колымы и родные лица солдагеров молодости. Но ему в голову не придёт придавать печальному раскладу биографии космическую ценность. Скорее всего он поставит его в вину себе, судьбе или власти.

Естественными ударниками по должности были вожди. Сталина называли первым ударником во всех отраслях, в каждой с оттенком профессиональной лести. В деревне он первый колхозный ударник, в металлургии - первый сталевар. Всех обскакал Лазарь Каганович со своим локомотивом революции. Быть паровозом, судя по кинохронике торжественных мероприятий, Иосифу Виссарионовичу очень нравилось.

Вожди мелкой фракции, включая краеобластных, числились передовиками в пределах своей епархии и временно - до тех пор, пока не попадали во враги народа. Районному и заводскому начальству лезть в вожди не рекомендовалось. Абсолютная монополия партии на информацию и принудительная оседлость работали на убеждение - плохо живётся только здесь. При ударном местном начальстве невольно завяжется контрмысль, что такой бардак по всему Союзу.

Сильнее всего впечатляет личный пример соседа. На этом здоровом общепсихологическом фундаменте вызрела идея орденосного авангарда. Ударничество, как внутреннее спонтанное желание даром и хорошо работать на дядю, можно смело отнести к биологическим аномалиям. Для искусственного его культивирования необходима живая демонстрационная модель. Коей и стали орденосцы. Тонкий слой штатных ударников нагрузили двумя функциями. Во-первых,

кавалеры государственной милости должны были доказать выполнимость колхозно-совхозных норм выработки. Во-вторых, стать образцом той колхозной зажиточности, которую сделали советской мечтой.

К подбору кандидатур относились скрупулёзно, ударнику надлежало быть эталоном идейной чистоты и высокородного пролетарского происхождения. Предшествующие трудовые показатели имели мало значения. Орден и сопутствующие блага давались авансом. Географически в выборе исходили из того, чтобы каждый район имел по знаменосцу. Профессионально выбор сосредоточили на основных видах сельхозработ. Зачем, скажите, орден бабе на току? Вот механизатор и животновод - дело другое.

Баловней судьбы поставили под опеку райкомов ВКП(б), обязав последние выделить орденосцам хорошее жильё, новую технику и хороший скот. Районы отчитывались перед областью по каждой орденосной особи. Отчитывались и по обслуживанию избранных, и по их выработке. Если кавалер не тянул норму, в первую очередь доставалось местному руководству - либо плохо организовали работу, либо поставили под орден шалопаю. Во спасение часто приходилось гнать туфту. Ударники же, войдя во вкус, вели себя как обнаглевшая старуха с разбитым корытом и, будучи чуть обиженными соседом или бригадиром, сразу писали круто вверх.

Достойно ли трудятся союзно обласканные? - поимённо испрашивала области Москва. "Во время уборочной кампании для оказания практической помощи в работе к агрегатам комбайнеров-орденосцев были командированы парторги. Для отдельных орденосцев-комбайнеров по поручению секретаря обкома Рындина сельхозотдел подыскивал массивы..."⁸⁶

Так отвечал Челябинском ВКП(б), признавая, что если и были тут недостатки, то исключительно местного характера. "Комбайнеру-орденосцу Пономарёву, - были даны плохие массивы, потребовалось вмешательство обкома ВКП(б) и специальные выезды на место работы для подыскания массивов и организации косьбы для Пономарёва. У орденоски Худо-

житковой (Половинский район) не были созданы хорошие условия - были поломки трактора. По указанию обкома Половинский РК прикрепил к ней постоянного механика". Орденоску Лапину (Камышловский район) заставили работать в плохом свинарнике и жить в маленькой и грязной квартире. Бюро райкома постановило передать ей чей-то новый дом, в тёплое помещение перегнали и подорденосных поросят.⁸⁷

Чтобы всё свести в ажур, прикрепленные парторги и механики готовы были бегать за махоркой и водкой для таланта. Иногда и этого не хватало. Тогда выручали единоличники. "Для покрытия дефицита в рабочей и тягловой силе колхозов, - читаем документ по сему поводу, - признать возможным и необходимым привлечь единоличников и трудоспособных членов их семей, а также лошадей и транспорт для работы в колхозах в порядке найма... Допустить натуральную оплату труда нанимаемых единоличников в размере от 800 граммов до 1,5 кг... Установить, что дневная норма выдачи хлеба колхознику должна быть выше нормы единоличника. Нормы для лошадей единоличников такие же, как и для колхозных".⁸⁸

Единоличника на мякине трудодня не проведёшь. Он социально примитивен и блюдет один принцип - работать там, где платят. В колхоз, основанный на вроде бы ином принципе - где бы ни работать, лишь бы не работать, он вписался удачно. Мимолётный исторический прецедент с работающим в колхозе единоличником больше интересен в познавательном плане, ибо даёт ниточку к пониманию бублика современной российской философии - мы мало получаем от того, что плохо работаем, или плохо работаем потому, что мало получаем.

"Большинство отстающих колхозов имеют вокруг себя единоличные хозяйства и вместо их коллективизации идут по линии найма в пору уборки. В 1934 году наём принял огромные размеры, и по существу единоличники в ряде колхозов сыграли роль своеобразной МТС, заработав огромное количество хлеба и денег. Например, "Борец Урала" - 28 нанятых колхозом еди-

ноличников убрали колхозу 350 га, а "хозяева" в числе 50 человек убрали лишь 159 га. В коммуне имени Карла Маркса 10 единоличников заработали и получили с коммуны 5 тысяч рублей и 62 центнера хлеба, а сама коммуна сидит без семян и хлеба". К отчёту Краснополянского района, который цитировался, добавлю смягчающий обстоятельство факт. В колхозе "Борец Урала" за тот тридцать четвёртый сменилось 12 председателей и 11 бригадиров.⁸⁹

Так как большинство колхозов ходили в отстающих, наём единоличников рос повсеместно и год от года. Артельщики с завистью смотрели на чужие доходы, всё чаще порываясь бежать в наёмники. Обладающий государственным умом сам разберётся в этом фрагменте непредсказуемой российской истории. Загнать всех в колхозы? Завести колхозы под крыло МТС? Запретить выход из колхоза? Ну правильно! Так и было.

С движением орденосцев наём единоличников связан нелегально. Часть работ, выполненная наёмниками, переписывалась на штатных ударников. В первую очередь та часть, которая оплачивалась деньгами. В материалах РКК (партийной комиссии) такой подлог чаще всего связывается с фактами лжеударничества. Кредиты колхозу, таким образом, уходили на оплату найма, а выработка привлечённых со стороны заносилась на моральный счёт орденосцев. Денег за приписанное им, разумеется, не давали. Но почёт и обязательная для других норма оставались исторически невредимыми.

На фотографиях тех лет известные орденосцы всегда в кругу восторженных почитателей. Молодое здоровое лицо, яркий орден на кителе от "Большевички", видел Сталина - всё это сведёт с ума хоть кого. Только не работающих рядом колхозников. Для них он всегда предатель. Водить дела с облизанным властью человеком считается дурным тоном в пролетарской среде. В деревне тридцатых, стоящей на том, что совместно хорошо только пить на халяву и воровать тяжёлое, прикормыш власти был у мужика в презрении. Иногда таковое буйно прорывалось...

“За обвинение орденоски Ивановой в лжеударничестве и проституции виновный осуждён на 5 лет, за нападение на орденосца Лихачёва - двое на 5 лет, за оскорбление орденосца Шаврина - пятеро на 3 года и 8 лет, за оскорбление Епанчинцевой виновный осуждён на 5 лет...”⁹⁰ Вся карательная система страны стояла на защите лицемерия. Кто скажет, что деревенский мужик ангел? Ударников крестили последними словами, подвернётся случай и били. Орденосцев реже, простых - значительно чаще. И не за живость в труде, таковой чаще не было, а за лизоблюдство.

Показное усердие облизанных в ответ толкало на тайную подлость - сунуть железу в агрегат, а то и просто житейски подсадить. Дурной характер и юридическое невежество выводили на скамью подсудимых. Знай деревня циркуляр Наркомюста от 3 июля 1931 года, ударник мог смело ходить по деревне даже в престольную пьянку. А в циркуляре сказано холодно и ясно: “Квалифицировать убийство ударников, совершённое в целях воспрепятствия их деятельности как ударников, мести им за ударную работу со стороны отсталых или классово-чуждых элементов по статье 58-4 УК. К лицам, совершившим это преступление, применять расстрел”.⁹¹

И пугать энтузиаста, разъясняла строго секретная, к сожалению, директива Вышинского, уголовно чревато. “Преследование стахановцев, когда эти действия не несут характера террористического акта, квалифицировать по статье 73 УК... Порчу машин, агрегатов, производимую с целью срыва работы стахановцев, квалифицировать как вредительство по статье 58-7 УК”.⁹²

Крупной ветвью “массового трудового героизма” явились многочисленные почины, провоцируемые партийным штатом. Ситуация разгонялась таким образом. На всесоюзном слёте ударников какой-либо отрасли настойчиво будировалось движение за максимальную выработку. Тут же демонстрировались ударные особи, якобы добившиеся таковой на деле. В большей части рекордная выработка была итогом жульничества. Не хочу обижать тех, кто действительно

но тянул жилы во имя личной славы. Скажу одно, реальность выработки не имела никакого значения. Требовалась субъективированная в какой-то персоне высокая норма. Эталон героя труда безо всяких комментариев.

На съездах и слётах обычно принималось отредактированное партаппаратом обращение ударников к народу. Инициатива приписывалась подсадным героическим уткам. Вслед за этим по партийным, советским и карательным каналам проходили директивы, обязывающие низовку всколыхнуть широкие народные массы. По отраслевой управленческой структуре директивы детализировались до норм ударной выработки, предписаний, кому и с кем соревноваться, контрольных цифр по охвату энтузиазмом и иные моменты, без которых, известно, пафоса из соотечественника не выжать.

К делу подшивалась и школа лакейства - профсоюзы. Поскольку речь шла о росте выработки при патриотической экономии на зарплате, подыскивались изошрённые методы психического подстёгивания.

Передо мной документ той эпохи - книжка ударника. Выдана она столяру стройбюро ПП ОГПУ на Урале Неугодинову Ивану Ивановичу в начале 1933 года. Водяные знаки с гербом ВЦСПС доказывают её всесоюзный статус. По такому документу при удовлетворительном заключении смотровой бригады, заверенном производственным сектором ФЗК, можно было получить продовольственные талоны либо прорваться в закрытый спецраспределитель для передовиков. При неудовлетворительном заключении смотровой комиссии - увы...

Владельцу книжки напоминалось, что “социализм не только не угащает соревнования, а напротив, впервые создаёт возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере... обнаружить таланты, которых в народе - непочатый родник и которые капитализм мямл, давил и душил тысячами и миллионами”. “Самое замечательное в соревновании, - излагалось далее, - состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах лю-

дей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжёлого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства". Тут же, на первой странице книжки ударника, портреты двух авторов коренных переворотов - Ленина и Сталина.

"Каждый ударник, - и это следует знать передовику, - должен быть активным помощником партии в борьбе с классовым врагом, в её борьбе за индустриализацию страны". Внутренность документа контрастирует с внешним блеском. Все страницы разграфлены под производственно-общественные обязательства ударника и их выполнение. Производственная деятельность (выработка, снижение брака, экономия материалов) включает установленную администрацией ударную норму и превышающее такую личное встречное обязательство. Без него какой ты ударник? Нашему передовику - Ивану Ивановичу рукой профгруппорга Цветкова вписан встречный план на февраль тридцать третьего - 128%. И рядом, той же рукой, по графе заданий администрации - обязанность внести в заём 120 рублей. Встречной инициативы не последовало.

Хомут общественных обязательств ударника сработан профессиональными шорниками. Здесь активный помощник партии желудком отвечал за свой моральный облик: за прогулы, за посещение производственных совещаний, за личные способности к изобретательству и общественную работу вообще. Перед набором высоты, с которой видна не местность, а история, заглянем с укоризной в глаза Ивану Неудодникову. План и встречное обязательство за февраль он выполнил, прогулов не совершал и ПДПС посещал аккуратно. Но на заём, жмот, не дал ни копейки. С талонов его ссадили, а книжка ударника попала в отвал истории.

Власть провоцировала ударничество ради высокой выработки и спрашивала её в первую очередь. Самого же передовика мог соблазнить только дополнительный паёк. Количество ударников, таким образом, определялось условиями прикорма. При голоде

объектом подозрительности смотровых комиссий становились общественные характеристики. Про обязательное посещение собраний не стоит долго трясти словами. Вспомним привычное: "явка всех обязательна!" - и мимо. Запнусь лишь на одном интересном факте.

С модных в тридцатые коллективных фотографий смотрят в мир нынешний строители социализма. Интерес интересом, но каждый лез в кадр по причине совершенно прозаической, повсеместно применялся метод фотофиксации присутствующих. Контроль за общественной активностью человека - вполне достаточное средство, чтобы сделать его жизнь невыносимой. Если даже ограничиться нормами советского общежития и классовой бдительностью. Гарантию давало привлечение в наставники лиц, страдающих естественной подозрительностью - облизанных властью ветеранов и впавших в идейный мазохизм старых дев.

"Повседневно заниматься повышением своего культурно-политического уровня и повышением квалификации, добиться в течение 1936 года 2-ой категории шофёра, аккуратно посещать политзанятия... Прочитать из художественной литературы "Поднятую целину" Шолохова за летний период, посещать кино... Заниматься повышением военных знаний, посещать военные занятия ОСО и получить звание "Ворошиловский стрелок" в течение лета... Добиться через образцовую работу звания стахановца".

Я взял набор типичных требований к ударнику, выполнившему производственную норму. История забыла, осилил ли их шофёр Тестов или, бросив в угол "Поднятую целину", подался на рыбалку. Требования всегда привязывались к местности - как с хлебом. Надо было сократить число прикормышей, смотровые бригады могли расширить круг претензий до участия в комсодах прокуратуре, подписных кампаниях и прочая, и прочая.

Возможности материального провоцирования ударной работы, весьма ограниченные в промышленности, в колхозе отсутствовали вообще. Давать деньги

колхознику запрещалось категорически. В трудодень никто не верил. Многочисленные директивы о развитии стахановского движения из года в год повторяли тезис, что в сельском хозяйстве приходится опираться только на силу слова и силу без слов.

Показательны в этом отраслевые почины, массово будируемые и в деревне - почины "пятисотниц", "семисотников", "тысячниц и тысячников". Юрлинская МТС, год тридцать пятый. Души деревенских трактористов неожиданно вспыхнули желанием дать за сезон по семьсот гектаров обработки. Исполненное письменно желание отправили прямо в обком ВКП(б).

"Ваши письма с обязательствами дать за свою смену не менее 700 га, посланные в обком ВКП(б) на имя Кабакова И.Д., мы получили. Обком ВКП(б) будет следить о выполнении взятых Вами обязательств, а Вас просим сообщать обкому ВКП(б) о затруднениях в вашей работе и результатах работы семисотников в весенний сев и уборочную кампанию".⁹³

Летом на областном слёте ударников-трактористов почин активистов, почти год назад рекомендованный Москвой, поддержали. Более того, прямо на слёте сформировали ударную тракторную бригаду, которой передали новую технику, оборудовали для неё показательно-образцовый стан с библиотечкой, музыкальными инструментами и настольными играми. Ну и прочее: выбрали подручные для рекорда массивы, прикрепили механиков и выдали равный намерениям харч. В условиях соревнования записали премирование инициаторов.

Каждый районный секретарь захотел, что вполне естественно, иметь семисотников в своей вотчине. Хорошо зная кухню энтузиазма и что стоит за почином юрлинцев, партлидеры выехали в тракторные бригады. Вскоре местные газеты радостно сообщили: будут и у нас свои семисотники! "Да?" - ехидно спросило областное начальство. "Пусть ваши герои пахут хоть по тысяче гектаров, - было сказано где-то так, - но молча". Поднявших звон предупредили, что количество патефонов, часов и велосипедов для премирования рассчитано только на активистов, выдвинутых

обкомом партии, что печатная информация о местных героях может породить у таковых нездоровые ожидания. На местах устыдились и впредь разводили почины по чину.

Из-за нищеты в высокую моду, помимо кормовых стимулов, вошли разовые и переходящие знамёна - отшитых золотом хоругвей с изображением вождей мирового пролетариата до кумачовых тряпок повседневного обихода. Все педсредства, не связанные с дополнительными затратами, а на деревне они были основными, отдавались на творческую выдумку. Красные и чёрные доски украшали каждую бригаду. Отстающим вручались рогажные и иного близкого тому достоинства знамёна. Психическое давление скатывалось до безразличности. Ударники хлебали колхозную баланду из красного котла, простолюдины - из чёрного.

Если не считать прародителей дураками, к пониманию совершенной бесполезности идеологических средств приползёт каждый. Знакомому с отчётными документами колхозов это очевидно. Какие там ударники, большинство колхозников Урала не выполняло даже норм. "В колхозах сельсовета не имеется ни одного колхозника, выполняющего и перевыполняющего норму выработки за весь период весеннего сева".⁹⁴ Так писал один из уполномоченных по Куртамышскому району в июне тридцать седьмого, когда зарево соцсоревнования, согласно партийной истории, обжигало щёки. В прочерк можно поставить любой регион Урала, и истина не пострадает.

Я склонен думать, что многие меры психического давления были скорее продуктом бюрократического творчества, чем инструментом. Какому нормальному человеку придёт в башку идея заключать договор социалистического соревнования между членами семьи? Или связывать вывозку навоза с судом над уклонистами? Любые ритуальные мероприятия, но чаще юбилеи и показательные процессы над "врагами народа", использовались для душевного разгона.

Сосновский район: на собрании по очередному процессу бригадир колхоза призвал усилить вывозку

навоза, снегозадержание, обеспечить тщательное хранение семян и получить стопудовый урожай. "А этих бандитов, - как бы вскользь упомянул он (речь шла о Зиновьеве, Пятакове и Радеке), - надо расстрелять!" Нагайбакский район: на собрании в колхозе "1-е Мая" потребовали немедленно дать вышку германо-японским шпионам, а сами взяли обязательство хорошо подготовиться к севу и получить не менее 200 пудов с гектара. Такого урожая на Урале не выдывали и поныне, но мужики поступили правильно. На дворе стояла весна тридцать седьмого года, и души замерзли от страха перед массовыми арестами.

Местные ударные инициативы, генерируемые по погоде, особенно колхозников не доставали. Советскую историю они украшают как творческий продукт той романтической эпохи, когда прогресс достигался естественным порывом необразованной кадровой души. Потом везде понасядут люди с универсальными дипломами ВПШ, и жизнь станет схоластически скучной. "Заставить корову утроить надои!" - раскатывалось эхом по газетам Урала в конце тридцать четвертого. И сонм причастных к подъёму животноводства объявляет войну оппортунистической яловости, поднимает знамя массового социалистического соревнования за стопроцентную случку. Накануне вышло постановление ЦК ВКП(б) о развитии животноводства, идеологическую каверзу которого можно сформулировать так: не пристало обобществлённой социалистической скотине доиться и жить в два раза меньше скотины единоличной.

Исходным моментом успеха, что известно каждому соотечественнику, является расстановка кадров. "В среднем по 29 районам, - с ужасом осознаёт документ Уралобкома ВКП(б), - один коммунист приходится на пять ферм и 748 голов скота. Хуже всего в Кизильском и Троицком районе, где на 20 фермах всего 8 коммунистов. На каждого коммуниста приходится по 2 314 голов скота... Коммунисты в основном работают завфермами.

В Режевском районе, например, из десяти коммунистов, работающих на фермах, все десять заведуют

фермами. Нет почти партийного руководства за развитием животноводства со стороны районных организаций. В большинстве колхозов уход за скотом поручен инвалидам, глубоким старикам и подросткам... Коммунисты и комсомольцы работать на ферме не хотят, а стремятся на курсы пропагандистов...

"Выкопать пруды и насадить вокруг них сады!" - вожди, особенно гениальные, любят вещать поэтично. Иосиф Виссарионович сию художественно оформленную директиву выдал в тридцать пятом. Тотчас же земляков мобилизовали в бригады землекопов, а самые лобастые стали скрещивать ель с грушей или свинью с коровой, чтобы не ждать милостей от природы, ибо обнаружился свежий след в науке.

"Изучение вопросов биологии и физиологии, - решил уральский съезд простомордых учёных, - в прошлом не могло ничего дать. Но после появления теории стадийности академика Лысенко мы можем двигаться вперёд".⁹⁶ Бесплезно грамотных учёных сдали в НКВД, на поверхность всплыли пузыри народной мудрости. Распутины ветеринарии и агротехники, таланты, способные вскрывать гениальное на ощупь или черпать агрономические истины из первоисточников марксизма. Шулера-профессора и шуты-академики.

Идёт обычная кампания по вывозке органики на поля. "Навоз - основа социализма!" - с тоническим ударением на важность события дала шапку газета "Северная коммуна". Редактор был склонен к философии и стоял на точке зрения одного из персонажей Платонова, утверждавшего, что вся мировая жизнь зародилась с кучи преющего навоза. Товарищи по партии выслушали объяснение, но сути не уловили и дали новатору срок за лексическое извращение исторического материализма.

Главная задача партии и её административных пособников состояла в том, чтобы затащить мужика в провоцируемое мероприятие, любыми средствами сорвать с него обязательства. Лучше коллективные, с подписями и печатно изложенные. Потом их выполнение вводили в режим государственной дисциплины.

На отстающих было принято сначала давить с помощью ПДПС (постоянно действующие производственные совещания), где с виновных снимали стружку. На коллективы воздействовали с помощью буксирных бригад.

Идея общественного буксира сначала была очень популярной. Отстающим с улюлюканием помогали слышущие передовиками. Вскоре практика буксирных бригад загноилась и была отозвана. Помогавшие не хотели работать даром. Их материальные претензии окрестили буржуазным перерождением и тему закрыли. Отстающих третировали через стенную печать и газеты. Если указанные меры не помогали, лжеударников вытаскивали на "товарищеские" суды. В первую задачу комсодов прокуратуре поставили создание таковых на каждом предприятии. Тут могли принять самые крутые меры воспитания - сбросить с пайка, выкинуть из общежития, а то и передать дело на рассмотрение в уголовном порядке.

Толстокожую деревенщину лестью и угрозами не достанешь. ПДПС и товарищеские суды в колхозе не прижились. Деревня, беззащитная перед силой государства, перед произволом местным стояла солидарно. Члену "товарищеского" суда могли пустить петуха. Да и то сказать - куда дальше околицы столкнёшь валоватую многодетную Дарью? А её мужика посадить можно без унылых прелюдий, в писаном под Ивана УК РСФСР полный боекомплект статей - от 61-й с годом принудительных работ за сопротивление власти без насилия до подрасстрельной 58-й за саботаж.

Деревня солидарно ленива в колхозном труде. И это плохо. Но, в радость основоположникам социализма, завистлива в быту. Тут все и всё знают про соседа, отчего порой не совсем уютно на душе. "Мы - редакторы стенок колхозных газет и селькоры ставим себе задачу в период весеннего сева по-большевистски бороться за указания нашего любимого вождя народов товарища Сталина... Отточим своё селькоровское перо на борьбу с классовым врагом, будем разоблачать и вскрывать всякие действия клас-

сового врага, направленные на затяжку сева, на срыв установленных сроков партии и правительства окончания сева в десять рабочих дней..."

Острым привкусом маразма отдаёт широко практикуемое в те годы селькоровское движение. На деревне развели армию анонимных осведомителей. Приведена выдержка из материалов районного слёта сельских корреспондентов. Документ обычный - в высшей мере злобный и безо всяких подписей. Хотя адресован он не широким крестьянским массам, а в Челябинском ВКП(б). Мир не без подлых людей.

Деревенские стукачи-энтузиасты в миру старались жить тихо, не навлекая на себя внимания. В газетах и карательных органах они проходили под конспиративными кличками: Серп, Молот, Шило, далее, насколько хватит фантазии.

Грязные доносы принимались властями за проявление классовой бдительности и находили короткую дорогу в печать и следствие. Подавляющая часть негативной газетной информации тех лет штучно изготавливалась подпольными авторами. Из зависти подставляли под раскулачивание, указ о пяти колосках и вредительство.

Подлость - дело добровольное. И как живой порыв души, и как осмысленное действие стукачество ближе всех к ударничеству. Потому газеты и карательные органы поддерживали регулярную связь со своими филёрами. В специальном отделе газетной полосы (обычно "Почтовый ящик" или что-то в этом роде) теневым подельщикам давались инструкции, индивидуальные задания, требовали разъяснений по представленным материалам. К примеру. "Шило, материал будет принят, если назовёте фамилии..." "Серп, передайте материал в сельскую комиссию..." "Зоркий, для принятия мер необходимы фамилии и подробное изложение материала. Не увлекайтесь общими рассуждениями..." Польщённые высоким вниманием, доносчики лезли во все щели деревенской жизни и сочувственно провоцировали соседей на неосторожную откровенность.

Газетчики умели быть благодарными и строго блюли тайну авторства. Деревенские доносы, направляемые редакциями для принятия мер, сопровождались письмом, предупреждавшим, что "разглашение должностными лицами имён корреспондентов, а равно содержания заметок, передаваемых ими для расследования, является уголовно наказуемым преступлением; виновные привлекаются к ответственности по 96 или 121 ст. ст. УК (лишению свободы до 3 лет)".⁹⁸

В деревне угораздило родиться - не жить тебе, а колотиться! Даже убеждённому коммунисту уютнее в буржуазной Швейцарии, чем в советском колхозе. Дома жрать хочется до того, что посадить или пришить могут. Засветившихся авторов били чаще и с удовольствием. Чтобы стукачи не вывелись, власть огородила их уголовной статьёй и подружила с прокуратурой.

"По всем возникающим делам против рабселькоров и стенкоров, - отечески волнуется Наркомюст, - производить расследование следователями под руководством прокурора... Прокурорам и нарсудьям рекомендуется шире использовать рабселькоров и стенкоров в качестве судебного актива (руководители ГСП, колхозных, производственных, сельских общественных судов), привлекать их к работе по всем массово-политическим кампаниям".⁹⁹ Вот так! Возьми теперь его, первого помощника прокуратуры и "товарища" по суду.

Прописать соседа в газете - результат, согласитесь, не оправдывающий риска. Гораздо лучше соседа посадить. Тут надо писать прямо в самые бдительные органы. В доносители ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ шёл мужик серьёзный, позднее выяснилось - и бескорыстный. Настоящий энтузиаст. Руководители промпредприятий попадали в осведомители штатно. Порой не производственная, а подпольная суэта определяла их карьеру и судьбу. Шпионы государственные тоже дождались своего. Обрусевшими ликами и тёплыми воспоминаниями они украшают телепрограммы. И

только мелкая деревенская полушпионь всё ещё замурована в склепе секретности.

В феврале тридцать пятого колхозные энтузиасты выполнили самую грязную работу. Тщательно отобранные делегаты второго съезда колхозников приняли сталинский устав. Делегатов фильтровали пуще прежнего. Фолианты личных дел на представителей Урала похожи на рукописи энциклопедического словаря. Входная анкета содержит более тридцати вопросов. От нашей делегации поручили выступить будущему народному академику. В выборе тоже не ошиблись, подготовленный Челябинском ВКП(б) текст он прочитал буква в букву.

На съезде приняли судьбоносное решение - передать колхозам землю в вечное бесплатное пользование, подтверждением чего стали государственные акты. Сейчас у колхозника дарственных бумаг на землю полная божница. Тогда это была бумага первая, однако приличного событию восторга она не вызвала. Мужик затылком, да не хуже мужей с помятым теорией рассудком понял то, что родной солонец в Америку не увезёшь и работать на нём издалека никто не рвётся. За документом, насильно всучаемым колхозам, стояло только право вкалывать, вкалывать бесплатно.

Государственные акты на пользование землёй вручались под обязательный переход на новый устав. Супонь барщины в нём затащили до храпа, а приусадебные участки и личное подворье в нормах урезали. Началась свара. Колхозники отказывались принимать ударный устав.

Лубок в тему. "Колхоз "Красная заря" Макушинского района: на общем собрании колхозников принят явно антиколхозный, кулацкий, а следовательно и контрреволюционный устав в отмену Сталинского устава сельхозартели. Например, в разделе первом - "Цели и задачи" собранием колхоза не приняты и не вписаны в свой устав такие слова из Примерного устава - "обеспечить полную победу над кулаком, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся... Колхозный путь - путь социализма - есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян..." Кроме

идейного вандализма за краснозаринцами замечены и корыстные наклонности.¹⁰¹

Переход колхозов на новый устав объявили событием эпохальным, хотелось и торжественности. Кое-где спектакли разыграли, даже сняли на хроник. О газетах не говорю. В основном же дело заволоклось, колхозники упрямылись, а власть злела. В конце концов были отпечатаны уставы, слово в слово копирующие Примерный устав, оставалось только проставить реквизиты хозяйства.

Первые опыты по культивированию массового трудового героизма проводились исключительно на мужиках. Бабы, малолетки, перестарки если и встречались, то проходили сопутствующим технологическим ресурсом. Не умаляя исторической роли мужчин, должен сказать ответственно и документально доказать, что украшением эпохи дурелома остаётся энтузиазм женский.

Итак, сначала был мужик. На Руси, особенно советской, он живёт торопливо и обычно не успевает толком даже поболеть. Лучшая треть его мрёт досрочно от водки, треть - от махорки или "Примы", треть бог оставляет, чтобы было кому поминать. Позднее, когда обнаружился невосполнимый дефицит энтузиазма мужского пола, партия положила деловой взгляд на прекрасную половину Страны Советов.

19 мая 1931 года Наркомат труда СССР принял постановление "Об использовании женского труда в промышленности, в государственном и кооперативном аппаратах". Я не буду комментировать идеологическую часть этого документа, утверждающую, что социализм и женщина едины, что именно социализм открывает для неё всё... Каждый образованный советский человек наплетёт тут сколько угодно. Скажу суть. Женщин освободили от вековых цепей патриархального домостроя и мобилизовали к революционному переустройству мира.

По инициативе Наркомтруда была выдвинута инициатива - вовлечь в 1931 году в промышленность 1,6 млн. женщин. Установку выполнили. На конец этого года доля баб в советской промышленности со-

ставила 31,5%, на следующий год выросла до 33%. В 1933 году Наркомтруд запланировал мобилизовать дополнительно 700 тысяч женщин.¹⁰¹

Все силы партии и Советской власти были брошены на помощь рвущейся к свету женщине. В тридцать третьем году провели совещание союзных наркоматов и ведомств по вопросу вовлечения женщин в народное хозяйство страны. Декабрём тридцать второго вышло постановление ЦИК СССР, в котором отраслям и регионам установили контрольные цифры по феминизации промпредприятий и аппарата. Из бумаги, подписанной Калинин и Енукидзе, следует, что уже тогда русская баба была самой прогрессивной, ибо контрольные цифры по России в два-три раза превышали требования к разным там узбечкам и казашкам.

Трудовым ресурсом в высоком смысле бабу не назовёшь. Она скорее всего лишь природный полуфабрикат. Первыми это поняли леспромхозы, хлебнущие горя с началом женской вербовки. Которая, путаясь в подоле, не успеет выбежать из-под падающей лесины, которая не сумеет вывернуться из-под десятника. Как в войну пелось на известный мотив "Огонька": "на позицию - девушка, а с позиции - мать, на позицию - честная, а с позиции - ..." Пожилые помнят. В тридцатых девок бросили на образование, всей системе профтехучёбы установили 50 %-ный минимум женского набора. На Урале никаких проблем не возникло, план забили дочерьми крестьянской ссылки.

Всё новое пробивает дорогу со скрипом. Политически отсталым руководителям втолковывали, что женщина, как существо сугубо чувственное, способна любить завод и коллектив больше меркантильного мужика. Что женщина, особенно одинокая, до фанатизма устойчива в своих политических привязанностях и более активна в общественной работе. И самое главное - она покорна, менее склонна к перекурам, пьянкам, прогулам, забастовкам и прочему чисто мужскому куражу.

Обследование, проведённое по инициативе Наркомата труда среди станочников, показало - у женщин

потери на прогулы, перекуры и скрытую пьянку составляют 4,5% рабочего времени, а у мужиков в два раза больше. "Возьмите Пермский завод, - бил консерваторов на областном совещании главный специалист Урала по женскому вопросу Чижицкий, - женская бригада сверлильщиков даёт рекордную норму выработки, если мужчины производят в сутки не более тысячи дыр, то женская бригада даёт 1200 дыр". Бабе, к тому же, за одинаковую работу платили почти в два раза меньше.¹⁰²

Уральский регион включился в дело не сразу. Важнейшему центру социалистической колонизации пока хватало живого потока спецпереселенцев со всего Союза. Уралтруд постановлением от 25 апреля 1932 года рекомендовал развернуть работу по вовлечению женщин в народное хозяйство региона и установил контрольные цифры. Известно, где контроль, там и партия. Уралобком ВКП(б) тоже принял директиву о, чего тянуть, стопроцентном вовлечении женщин в производство.

Первым делом специалистов по феминологии стал перечень специальностей и отраслей, где применение женского труда возможно или даже преимущественно. В горном деле женщинам отвели место бурильщиков на колонковых молотах, машинистов тяжёлых врубовых машин, конвейеров и скреперов, выборщиков породы и другие соответствующие женской натуре рабочие места. Первый опыт дал почти положительные результаты. В данных медкомиссии, проведённой по линии защиты материнства на кизеловских угольных коях, отмечено, что женщины-горнячки в основном физически здоровы, но поголовно беременны. Тут и ОГПУ только разведёт руками.¹⁰³

В доменном производстве энтузиасток ждали на место весовщиков угля, руды, кокса и чугуна, наборщиков шихты, машинистов завалочных аппаратов, отчасти сталеваров, обрубщиков и обрезчиков. На цементных заводах под феминизацию попало более половины рабочих мест. Металлообработка, химическая промышленность и железнодорожный транспорт оказались идеальным местом приложения ласковых жен-

ских рук. В отраслевом перечне почти все специальности отмечены литером "И", означающим исключительное применение труда женщин.

На 1932 год запланировали перетянуть в промышленность около трёхсот тысяч женских душ. Всем предприятиям установили контрольные задания. Уралжелдорстрою, например, предписали феминизировать трудовой коллектив на 40%, тресту "Востоксталь" - на 30%, стройиндустрии - на 40%.¹⁰⁴ Хотя план тридцать второго не был выполнен, социалистическая промышленность Урала выказала растущий интерес к прекрасной половине человечества. Особенно отрасли с варварскими условиями труда.

Практика подтвердила выводы проектантов и высокий авторитет опорного края державы. Ремонт железнодорожных путей до сегодняшних дней остаётся излюбленным делом уральских женщин. В тридцать третьем доля баб в региональной промышленности зашкалила за 30%. В отчётах Уралтруда хвалили Березниковский химкомбинат и Невьянский цемзавод с рекордным уровнем феминизации. Ложкой дёгтя казались крупные стройки. На Челябинском тракторостроении доля энтузиастов в юбке составляла 27%, Цинкострое - 22%, Уралмашстрое - 26%, а по всем 47 крупным стройкам - 20%.¹⁰⁵

Ни бабей, ни партийной вины здесь не было, на этих объектах преобладали заключённые. Среди энтузиастов-зеков женщин было мало. Женщины вообще, выяснили американцы - авторы книжки "Наше (это они про себя - А.Б.) преступное общество", очень боятся тюрьмы, поэтому воруют по мелочам и не склонны к рецидиву.

Сколько бы ни была привлекательна идея феминизации промышленности, советская женщина всё-таки создана для колхоза. В основанную на произволе и директивной непредсказуемости колхозную систему робкая и выносливая соотечественная вписалась оптимально. Возник идеальный тип социалистического плантаторского хозяйства, где онаганенный большевистский мужской штат господствовал над вдовствующей и покорной бабей деревней.

Вдовствующей почти всесоветски, ибо старшее поколение ее мужиков сгнило в ссылке где-то под Надымом или Вишерой, сыновья положили здоровье и жизнь на стройках индустриализации, а внуками оплачены страшные счета второй мировой. Всесоциалистически покорной потому, что единственным актом протеста, да и самоутешения, для одиноких женщин остаются только слёзы. Во времена коллективизации партия воевала с мужиком и хозяином, последующая система колхозных отношений строилась между всесильной властью и забитой женщиной.

Деревенская женщина начала работать в колхозе с момента его рождения. В самом начале столбового пути её права не были уставно оговорены, а с точки зрения обязанностей она оставалась подмобилизационной тягловой единицей. По мере вымывания сильной половины деревни через вербовку и судебные репрессии всё большая часть хозяйственных забот ложилась на женские плечи. "Женщина в колхозном производстве Урала, - констатирует документ Уралобкома ВКП(б) в тридцать третьем, - занимает преобладающее место. Как правило, женщин в колхозах находится 60-70% и даже 85% от общего состава трудоспособных".¹⁰⁶ Списочные составы артелей сельскохозяйственной зоны, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют о правоте авторов секретной бумаги.

Уральский колхоз, таким образом, вскоре после рождения стал прсимушественно бабьим предприятием. Всё бы тишь да гладь. Но в тридцать третьем, на первом съезде колхозных ударников, вождь народов немного подумал и сказал: "Женщина в колхозе - большая сила, держать эту силу под спудом, значит допустить преступление". Демократически избранные руководители всегда несут косноязычную глупость, в чём беззащитны от юмористов, сорвавшихся с цепи журналистов и иной злоинтеллектуальной шавки.

Вожди настоящие экспромтом говорят красиво, а с паузой - даже мудро. Восхищаться тем должно и для сохранения шкуры очень полезно. Про огромную колхозную силу Сталиным, повторяю, сказано подумавши. Провинциальное начальство в преступники

попадать не хотело и, смущённое тем фактом, что баба вроде и так не пребывает в лени, кинулись расшифровывать мысль вождя до конкретных ежедневных поступков.

К тому времени претензии Советской власти к прекрасной половине деревни несколько обострились. Конечно, баба, как безупречное живое сельхозорудие, была незаменимой на ферме, на току, в поле и на лесозаготовках. Вместе с тем обнаружился дефицит по тем видам работ, которые до того считались исключительно мужскими. Массовые аресты крестьян, возведённых в сан вредителей и хищников, а также людской оброк соседних великих строек оголили сельхозтехнику. Деревенское пацанье, пропущенное через месячные курсы механизаторов, больше гробило технику по беззлобному невежеству, чем работало. Смешно вспомнить, в нацменовских деревнях зелёные механизаторы-конюхи палками, как лошадь, забивали заглохшие тракторы.

Вымыванию мужиков из производства способствовала бурная бюрократизация советской экономики, в которой мужик всплывал много быстрее. Принцип выдвигенчества работал безотказно, и уже в те годы закладывался ныне привычный стереотип - женоподобный в телесах, смачногубый мужик-руководитель и мужеподобная в повадках, широкая в кости баба-работница.

В мае тридцать третьего секретарь Уралобкома ВКП(б) Кабаков телеграммно жаловался Сталину, что "тракторный парк совхозов простаивает из-за дефицита запчастей и опытных механизаторов. тогда как на 100 тракторов приходится 150 человек административно-технического персонала". Вождь, наверняка, получал такие сообщения не только с Урала. Поэтому лозунг: "Девушки - за трактор!" - выглядел вполне уместным. Вскоре и на деревне нашли мудрым посадить на технику молодую исполнительную девку вместо склонного к пьянке оболтуса.

Решение проблем с феминизацией механизаторских кадров свелось к созданию женских тракторных бригад. Опыт внедрения механизаторш-одиночек в

мужские тракторные бригады оказался неутешительным. Как бы сказать про то мягче. На полевом стане джентльменов искать не надо, ударниц повсеместно стали эксплуатировать в их естественном предназначении. Пропущенной через курсы механизаторов деревенской девки хватало на один сезон.

Организация исключительно женских тракторных бригад и звеньев гарантировала физиологический карантин. Трудности выявились с подбором энтузиасток: выманить из семьи молодуху, чтобы на годы упечь её в одиночество тракторного стана, - тут нужны большие способности. При отсутствии таковых прибегали к обычной мобилизации. Кто тогда знал, что забавное дело - водить трактор, обернётся пожизненным ярмом?

В самом деле, эта категория деревенских женщин хлебнула горя сполна - до войны их держали в поле от первого тепла до последнего, обзывая ударницами, в войну трубянить сам бог велел, потом измор лет послевоенных. Целину скоблили опять ударницами, но теперь яркие тряпки и грамоты не могли обмануть. Приходило ощущение потерянной молодости, утонувшей в грязных спецовках, непосильном труде и пещерном быте полевых станов. Ощущение особенно тяжёлое для тех, которые не успели завести семьи, а если и прижили ребёнка, то не по любви, а мутным случаем.

Сейчас позавчерашним ударницам за семьдесят. До них ли сегодняшней циничной, теперь откровенно циничной, России?

Ещё одним блоком в основание массового женского энтузиазма лёг дефицит младшего комсостава деревенской экономики. Быстрый моральный износ бригадиров, председателей сельсоветов и колхозов, а точнее, их эволюция из руководителей во вредители, обернулись острой кадровой проблемой. Попавшему на скамью суда, много хуже - в ОГПУ-НКВД, всё чаще не оказывалось замены на рабочем месте. Если в бригаде девять баб и один мужик, в начальники поставят последнего. Будь он даже убогий, потому как природно более приспособлен к оральному (в смысле -

орать) стилю колхозного управления. Но от тюрьмы не заказан и последний.

Уже в тридцать третьем, в шлейф сталинской мысли, Уралобком ВКП(б) предписал "выдвинуть на руководящую колхозную работу председателями колхоза по Уралу не менее 100 колхозниц, бригадирами - 20%, заведующими МТФ - 10% к общему составу". Уралсовет приказал срочно феминизировать органы деревенской власти. Районы получили контрольные цифры по женовыдвиженкам.¹⁰⁷

В местах коренного населения Урала вхождение баб в номенклатуру не стало проблемой. Кое-где на это смотрели даже с надеждой, авось будет не хуже. Для будирования вопроса в партийно-советском аппарате создали женотделы, а на крупных предприятиях ввели в штат освобождённых женоргов.

Труднее сложилось в нацменских районах. Шла кампания коренизации местного управления, то есть культивирования и насаждения национальных кадров. Любое сомнение в целесообразности такого шага обзывалось великодержавным шовинизмом. В перекрёстном свете двух идей выдвижение националки на руководящую работу играло бы бриллиантом в любом отчёте. Однако на запрос заведующей женотделом Уралобкома ВКП(б) Мальцевой, как обстоят дела с вовлечением нацженщин в производство и аппарат, из районов тундры ответили прямо: никак, тут, мол, мужики-то ещё дикие, как олени, а вы о бабах. Не утешали и ответы с промышленных предприятий. Планы феминизации с грехом пополам тянули, но баба шла исключительно славянской наружности.

"Проработав письмо сельхоза отдела обкома и совещания женщин-трактористок от 26-7-36 о включении всесоюзном соревновании женщин трактористок, а также проработав приказ по Свердловскому облзу от 25 июля 1936 года о женских тракторных бригадах, мы - женщины тракторной бригады № 3, глубоко приветствуем выдвинутые мероприятия и даём свой деловой практический ответ. Мы все как одна включаемся во всесоюзное соревнование женщин-трактористок и взяли обязательство выполнить на

трактор за смену 700 га, это дело считаем выполнить и перевыполнить... Выдвигаемые условия для трактористок - метод устройства на тракторе зонтика, предохраняющего от солнечных лучей и дождя - это дело необходимо осуществить. Устройство мягкого сидения также необходимо".¹⁰⁸

Сотни подобных писем, стилизованных под деревенскую неграмотность, реже неграмотных от души, стекались в партийные органы. Фабриковали их аппаратные энтузиасты в ответ на свежий почин или вылазку врагов народа. Обязующаяся сторона порой просто не знала о собственном героическом намерении да и льгот от власти не ждала. Советская техника, сосредоточенная на тягловом усилии, комфорт работника и дизайн не приемлет идеологически. Её эталон - Захарка, абсолютно приспособленный к войне и колхозу.

Тракторы без кабин и с деревянными сидениями ползали даже по пятидесятым, сохраняя, естественно, преимущества взаимоконтроля. Если на ходу засыпала трактористка, поделюсь своим опытом, и трактор вылезал из борозды, с прицепа бросал ей в спину камнями. Осторожно так, навесом. Когда начинал клевать я, она сдирала сон таким разбойничьим свистом, на который способен только колхозный эквивалент мужика.

Биологически женщина тоньше. Методика воспитания энтузиазма схватила это сразу. Колхозная баба, выяснилось, не нуждается в предварительной идеологической ласке. Тут надо сразу напугать, потом в страхотрясе за содеянное похвалить. И поплыла родная. У мужиков чаще было наоборот. Сначала растрезвонят о почине, а в конце концов - лжеударники. Хуже - зеки. Поэтому скромные декларации о женском ударничестве соседствуют в архивах с ветхими документами о потрясающей самоотверженности землячек.

"Колхозница колхоза "Победа" Камышловского района ударница Песцова Анна день боронит на корове, норму выполняет на 130-140 %, а ночь на прицепке у трактора и она стала вырабатывать по 2.5 трудодня в сутки". Так записано в отчёте Уралобкома

партии о женском героизме. "Выковать из колхозниц преданный партии и власти Советов актив!" - призывали газеты. "За социалистическое отношение к колхозному труду, - взято из другого манускрипта, - и систематическое перевыполнение норм выработки в посевную на бороновании своей коровой на 180 %, в сенокосную литовкой - на 150%, в уборочную на вязке снопов - на 140%, и за активную работу по мобилизации денежных средств с выполнением задания на 150 % колхозницу артели "Красный Октябрь" Пстуховского района Осееву Клавдию Степановну наградили значком "Ударник Сталинского похода за урожай".¹⁰⁹

Читатель вспомнит сейчас некрасовское: "коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт". Нарисует образ живого, сияющего здоровьем локомотива, образ женщины, эстетический стандарт которой увековечен в оптимистически мощной, как Т-62, мухинской "Колхознице". На то он и соцреализм. На самом деле деревенские землячки телом были дряблы и вид имели тоскливый. Потому как в энтузиастах ходили в основном женщины пожилые от голода или просто пожилые.

Чтобы убедиться в этом, загляните в обкомовские реестры ударников. "В Заплатинском сельсовете (Варненский район) 78-летняя старуха Титова Дарья Григорьевна при норме 0,4 га заборонила на своей корове 1,3 га в два следа". Старики и старухи коммуны "Октябрь", что процветала под сенью Мехонской МТС, создали ударную бригаду и призвали к тому советское старчество всего Урала.¹¹⁰

Инициатива прижилась. В Бардымском районе организовали рекордную по возрасту ударную бригаду. Курициной Афонии, Крыловой Агрофине, Ширинкиной Анне, Графилъниковой Евгении и Ширинкиной Александре в сумме было более 350 лет. Но они, радуется автор отчёта, посвятили свои деяния партии и заколачивали по трудодню в смену.¹¹¹

В сталинские времена не любили говорить про заслуженный отдых на исходе лет. Какой тебе отдых, старый хрыч, если ты всю жизнь работал до револю-

ции и на себя. Хоть перед смертью сделай доброе дело. "Если старость кипит жизнью, если старость со всей страной творит новую жизнь, - разве это старость?!" - восторгался "стариковскими" заботами корреспондент "Уральского рабочего" Хайкин.

Любая женщина - тайна. Трудовой героизм открыл прямо-таки экзотические способности уральской натуры. Красные свахи лучше мужиков справлялись с подпиской на заём. В Камышловском районе делегатка райслёта ударников Боровских Мария (артель имени ОГПУ) обучила 25 коров, которые потом выполняли норму на 130-140%. В Усть-Уйской МТС бабы обучили коров, да так, что те стали боронить по гектару в день и при этом лучше доиться. Ночью на коровах пашем, днём - доим. В Щучанском районе весной организовали 42 женские бригады с количеством 274 человека для сбора семян.

Сверхчувственные способности женщин проявились адекватно. Найдено 19 ям со скрытым зерном. Одна только Мария Ветрова с Медведского сельсовета выявила пять тайных ям с доколхозным зерном. В Каргапольском районе и того хлеще. Бригада делегатов районного слёта женщин нашла под снегом комбайн, семь конных граблей и много всяческого инвентаря.

"Если женский труд в колхозном производстве в период весенней посевной кампании за 1931 год числялся в 15-20 % занятых, то в 1932 году - 25-35 %, а уже в 1933 году - 85 %. Женщина-колхозница чем дальше, тем больше принимает активное участие на ответственных участках как пахота, боронование, посев, сортировка семян, подготовка поля к севу". Цитировался один из отчётов Уралобкома ВКП(б) по организации женского ударничества.

"Некоторые из них, - восторгом светится та же бумага, - работают день и ночь. Сивинских Мария (Красноуфимская МТС) три дня подряд молотила. В четвёртую смену её муж посылает домой - иди домой, посмотри, что делают дети. Она отказалась - вот домолочу и пойду".¹¹²

Авторы тщательно скрывали действительную причину усердия. Каждая женщина должна была принести что-то в голодающую семью. Массовый бабий героизм остался отчётно-газетной фальсификацией серой голодухи. Но имел место, вне всяких сомнений, и энтузиазм высокородный. К таковому я отнесу будирующую деятельность прекрасной номенклатурной половины.

Начну свысока. Во второй половине тридцатых кому-то пало в голову проводить всесоюзные съезды жён высших руководителей. Слёт жён командиров Красной Армии, съезд жён руководителей промышленности, конференция жён специалистов и иные подобные. Затем слёты отраслевые и областные. В те времена уже сложилась процветающая ныне традиция - комплектовать местный управленческий штат народного образования, здравоохранения, культуры жёнами и пассиями мужей номенклатурных.

Спать с кадровым работником и не быть энтузиасткой преступно. В общественную нагрузку партийно-советским невестам поставили шефство над всем и вся. Муж директор совхоза? Отлично, будешь внештатным женоргом. Твой работает агрономом? Это хорошо, шефствуй над тракторными бригадами и полевыми станами. Жёнам надлежало быть образцом советской морали и добродетели.

Материалы о всесоюзных шабашах номенклатурных энтузиасток сохранились в Красногорском архиве кинофотодокументов. Забавные вещи! Сталин в прибое ошалевших от счастья женщин. Через год-полтора большинство из них станут ЖВН (жёнами, точнее - вдовами врагов народа) и до смерти будут клясть корявого недоноска. Я расскажу о событии местном - слёте жён директоров МТС и совхозов Челябинской области. Ничего страшного, душим мы все по-разному, но результат имеем одинаковый.

Слёт состоялся в мае 1936 года. В торжественном президиуме сидели вожди: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Калинин, Чернов, Яковлев, Крупская, министр совхозов Калманович и секретарь Челябинского ВКП(б) Рындин. Зрительно

улавливался один Рындин. Остальные воспринимались только способными к медитации и спиритизму. Давно ли мы отвыкли призывать в почётный президиум духов из политбюро?

«...Затем появились вожди, - открывают стенограмму воспоминания делегатки всесоюзного слёта спецбаб Тофило, - великое чувство радости охватило всех. Овации, несмолкаемые приветствия, выкрики, казалось, разорвут стены. А затем, когда скоро появился Сталин, ещё большие чувства прибавились, и это чувство вылилось через край. Женщины от избытка чувств стали плакать. Много, очень много слёз было. Редкая женщина не плакала. Это были слёзы радости. Вождей наших засыпали цветами. Зал был большой. Он вмещал три тысячи с лишним женщин. И вот цветы перебрасывались с задних рядов в передние, ближние подхватывали, так что весь зал представлял собой конвейер цветов...

Товарищи, мы все с вами любим своих вождей, мы все с вами знаем, что такое вожди... Наши вожди, несмотря на великую работу, которую они проводят, все они выглядят прекрасно, все жизнерадостные и румяные... Я была на банкете у Орджоникидзе. Он с банкета ушёл последним в три часа ночи...

«Я видела великого Сталина, - продолжила тему следующая всесоюзная делегатка, - вождя мирового пролетариата, этого гения, этого сверхчеловека. Не каждому дано счастье видеть Сталина. Я знаю, что все женщины завидуют мне». Тепло отозвавшись о Серго Орджоникидзе, она всё-таки не стала рабой чувств и закончила выступление идеологически прилично: «Да здравствует лучший друг женщин товарищ Сталин!»

Очередь в Кремль, рассыпалась в приятных мелочах делегатка третья, занимали с четырёх часов утра, чтобы занять место поближе к президиуму. А женщины Азербайджана подарили вождю макет нефтяной вышки, фонтанирующий духами. Вспомнила про подарки другие. Под конец она не сдержалась и выдохнула с надломом души и голоса: «Да здравствует

идейный руководитель женского движения Серго Орджоникидзе!»¹¹³

Женской природы не отменить. Всё, что касается любви, должно быть крупным, впечатляющим и с усами. Тут вождь мирового пролетариата начисто проиграл вождю тяжпрома. Проиграл, но хорошо запомнил. Нам не след впадать в пошлую ревность, мы простим замордованным нами женщинам их тайную любовь к лицам кавказского телосложения.

Спецбабы, не видевшие пока Сталина, поделились опытом шефства и личного энтузиазма. «У нас есть один тракторист - Романов, - поведала жена директора Есаульской МТС, - он в прошлом году за лето один раз умылся, а сейчас он моется каждый день». Шефством и нравственной перековкой деревенщины гордились многие жёны райноменклатуры. Раньше колхозницы матерились в бога и сплошь, теперь мата меньше и в процентном отношении, и качественно он стал мягче.

Гости из Свердловской области поделились опытом проведения советских посиделок. На идеологические вечеринки в среднем приходило по 96 человек, хотя приглашались только девы социально непорочные. Да и как не придёшь, когда там прорабатывают вопрос об очередной вылазке троцкистов и борьбе с животноводством?

В ответ хозяйки могли похвалиться свежими ритуальными находками. В моду вошли красные «звездины», на которых младенцев погружали в купель под образами классиков марксизма, затем заворачивали в кумачовое полотнище и нарекали актуальными именами - Серпами, Гигантами, Вилами (Владимир Ильич Ленин), Домнами. По женской части предпочтение отдавалось классике - Роза, Клара, Надежда. В честь известных дочерей революции. Так что Михаил Булгаков не выдумал ни Полиграфа Шарикова, ни Швондера, он лишь взглянул на раннюю советскую действительность не по-идиотски.

Я далёк от утверждений, что голые факты складываются в картину прямо противоположную партийной версии истории. Различия скорее в содержании собы-

тий, чем в их обобщённом историческом векторе. Энтузиазм, вне сомнения, был. Цепь единственно верных решений, в которой решение знаменательное уступает место всемирно-историческому, а последнее сменяется судьбоносным, порождает на провинциальном уровне такой шквал дуроломства, пред которым меркнут даже административные начинания Василиска Бородавкина. Упиваясь шедеврами соцреализма, мы свыклись с мыслью, что истинные большевички стреляют или сдают в НКВД своих любимых, но-идеологически чуждых мужей. А дети стучат на политически отсталых родителей. Но было и такое.

“Вам, любимым руководителям большевиков Челябинской области, районное собрание жён специалистов, директоров МТС, стахановцев и ответственных работников Куртамышского района шлёт пламенный большевистский привет! Мы рады, что благодаря Сталинской заботе нас сегодня собрали на такой радостный праздник. Мы проработали итоги всесоюзного и областного совещания жён специалистов. Мы заверяем Вас, что со своей стороны примем все усилия для оказания помощи нашей любимой партии и вождю тов. Сталину в борьбе за 7-8 миллионов пудов хлеба в ближайшие 3-4 года, а по нашему Куртамышскому району не менее 100 пудов с гектара...”¹⁴

Сии верноподданнические послания повсеместно и регулярно (к праздникам, по случаю пуска очередной домны, цеха, завода, иного союзного или местного успеха) направлялись в партийные органы. Как свидетельство должного политического рвения, заслуживающего сверхпайка. Самые цветистые послания иногда поощрялись. Корпус номенклатурных жён честно, со всей лютостью бабы, впавшей в бытовой коммунистический фанатизм, отработывал своё содержание.

“Ваши указания сделать кондитерскую промышленность Свердловской области такой же образцовой и хорошо работающей, как пищевая промышленность, возглавляемая наркомом пищевой промышленности Микояном, нами принята как боевая большевистская директива...”¹⁵ Легко догадаться, что обращение к

Кабакову писали жёны руководителей крахмалопаточных предприятий. Сладкого много. И чувств. Не грузин, к сожалению, но всё-таки Микоян! У простой работницы, получающей пятьсот граммов хлеба на семью, эрогенные зоны искать бесполезно. Если она и расчувствуется, то в плане финальной ревизии прожитого.

Жена жене рознь. Одна, чтобы доказать верность мужу, должна была стлаться перед его начальством. Серое пролетарское супружество в чувствах грубее. Проституция духом и телом здесь презирается. Когда есть совесть, но ни ума, ни шарма, остаётся героизм трудовой.

“В порядке социалистической помощи, - немного документальной пролетарской лирики, - жёны рабочих, дабы не допустить простоя вагонов под выгрузкой и погрузкой, выходили на субботники, разгружали руду, кокс, металлолом, заправочные материалы и погрузили готовую продукцию. По данным шести заводов (Чусовой), жёнами рабочих погружено и выгружено 9 тысяч вагонов. Только на Чермозском заводе жёны рабочих разгрузили 11 барж чугуна и металлолома... Вместе со своими мужьями, рука об руку с ними, жёны и дети металлургов дрались за бесперебойную работу домен, мартенов и прокатных станов... 168 тысяч кубометров дров заготовили жёны Надеждинского завода...”¹⁶

Тут надо обождать. Иначе перехватит горло от гордости за детско-бабий героизм. Обождать и подумывать. Тогда и дыхание придёт в норму.

Речь идёт о событиях 1933-1934 годов. На Севере полыхал голодомор вкупе с безработицей. Людей тысячами выбрасывали с предприятий. Наоборот, вагонов и барж катастрофически не хватало. Каждый руководитель шкурой помнил приказ Вышинского. “Во исполнение решения СНК и ЦК от 9 марта предлагаю предавать суду по закону от 7 августа как за хищение государственного имущества должностных лиц транспорта, парт-советских организаций за неплановые перевозки, злоупотребление своим положением, берущих взятки... По делам невыполнения

государственного плана перевозок без вышеуказанных признаков... предавать суду по статье 59-3".¹¹⁷

Сидеть даже по пятьдесят девятой скучно, хотя она, в отличие от пятьдесят восьмой, не закрывает возможности попасть в зонные выдвиненцы - придурки. Обслуживать транспорт надо было срочно. На местах вагоны и баржи ждали как милость божью. Убогие да малые лезли разгружать оковалки не из чувства социалистической помощи, за авральную работу давали паёк и, следовательно, временное право на жизнь.

Жён пролетарских, а тем более деревенских, в Кремль не возили. Неудачно выбравшие мужей убивали здоровье на энтузиазме лесоповальном. Отличившимся на погрузке чугуна и на лесосеке вручали ударные книжки и премии. На Верх-Исетском металлургическом, к примеру, ударным жёнам вручали по паре кур с петухом, на том же Чермозском заводе давали по паре разнополых кроликов.

Пишу эти строки не в насмешку над историей. Пишу в поклон и извинение перед оскорблёнными прародителями за короткую нашу память. Присмотритесь внимательнее к согбенным старушкам, что одиноко бьются у своих огородов и избёнок, что собираются по вечерам у городских подъездов. Что стоят ежедневно в очередях за пенсией. Это наша живая история. Загляните в их выцветшие от горя и слёз глаза, чтобы до боли сердечной понять, чьей судьбой оплачен наш политический авантюризм. Они это знают. Потому не обижайте их вопросами о массовом трудовом героизме. Вот все советские голодухи они помнят хорошо. И ту, что пришлась на детство, и ту, что была в юности, и послевоенную. За плечами у них только нищета, многие и сегодня живут в нищете кромешной...

Картина "массового трудового героизма" первых пятилеток будет и логически, и содержательно незавершённой, если не выписать хотя бы штрихами её главных персонажей - партийных легионеров, о которых так много писано, да не то сказано. Масштабы свершений тех лет от ГУЛАГа до агроГУЛАГа дают,

так сказать, общий итог деяний партии, материализованный продукт её идейных устремлений. О реальной "героике" речь шла выше, с идеологическим миражом энтузиазма мы знакомы с детства. Будни же партийной номенклатуры, взятые в конкретной уральской обстановке, являли уникальные комбинации политического прохиндейства и произвола, корыстолюбия и внутриклановой грызни, морального разложения и прикрывающей всё примитивной до мракобесия идеологии. Истина, утверждал Гегель, есть результат вместе с процессом его становления. Бог не создавал ни большевика, ни колхозника.

Классовая сварка за кусок хлеба, с позиций исторического материализма, есть основа общественного процесса. Кто гегемон, тот и чаще ест. В принципе верно, если принять человека за хомо жующего и отбросить к черту благовысокое, усложняющее жизнь и представление о ней. В конце двадцатых по Уралу и стране прокатилась кампания муниципализации жилого фонда. Обращения в советскую собственность домов и квартир социально вредного элемента.

В лучшую часть национализированного перебралась городская совпартноменклатура. Жильё похуже ушло под коммуналки пролетариату и советскому мещанству. Активист деревенский блаженствовал после раскулачки, обретя в пользование дома сосланных. По схеме номенклатурной оседлости стала формироваться коммунальная служба. Городские сети водоснабжения, света, тепла запаутинились вокруг контор и жилья избранных. И тут, за несколько лет до голода, большевистский монолит под влиянием бытовой эрозии дал первые микротрещины.

Будучи кадровым большевиком, платить за коммунальные услуги просто стыдно. Это что же получается, товарищи! Рвёшь жопу за мировой социализм, а за свет в туалете плати? Абсурдность ситуации уловили, и областной штат советской, партийной и карательной номенклатуры сразу вывели на льготы. Правда, не весь. Из Москвы пришли директивы с раскладкой льгот до последнего пропагандиста. "Прошу дать разъяснения и указания, - взывала районная про-

винция, - кто из членов президиума РИКа, членов бюро РК ВКП(б) и РКК ККИ должны бесплатно пользоваться коммунальными услугами, стоимость которых будем относить на бюджет райисполкома..."¹¹⁸

Лучшее украшение всякой должности - зарплата. Преданность идеям мировой революции вообще-то ничего не стоит, если ты коммунист рядовой. Даже взносами приплачивать надо. Умственные потуги на этот счёт безвредны и хорошо упражняют интеллект. Другое дело, если ты кадровый или аппаратный работник. Вожделенная цель каждого рвущегося вверх выдвиженца не идейное совершенство, а позволяющее парить над нищетой жалование и власть впридачу. Прикинем и мы цену беззаветной преданности идеям Октября деревенского, к примеру, большевика.

Год тридцать пятый-тридцать шестой. На дворе развитой сталинский социализм, никто ещё не знает, что завтра будут снимать головы. Секретарь райкома ВКП(б) получает 350-400 рублей в месяц плюс на литературу и командировки, жалование инструкторов - 300-350, пропагандистов - 200 рублей. По райкому на зарплату, вместе с прислугой, уходит в месяц около четырёх тысяч целковых.

Голыми купюрами шелестеть не будем, а сядем сразу на чистейший марксизм и сравним доходы на основе трудовых затрат. В те годы совхозная доярка (в этой же главе выше) заколачивала на каждой корове по полторы копейки в день. Три литра по 0,5 копейки. Про колхозных доярок говорить неуместно. Когда я попросил знакомую бабу Катю, отработавшую всю жизнь на ферме, вспомнить хотя бы приблизительно свой годовой денежный заработок, она округлила его до "ни хера".

Так вот, при тех надоях за рублёвку беспартийная энтузиастка должна была вручную подоить 70 коров. Чтобы отработать свой месячный заработок секретарю райкома на пару с заворгом надо бы доить половину всего колхозного поголовья района. Где-то по тысяче голов на кадра. Если доярка может управлять государством, то секретарю райкома мять вымя - самая подходящая по его средне-коридорному образованию

работёнка. В выдвиженцы попадали те, которые "мы университетов (с гонором!) не кончали!" Действительно, в бога они не верили, учиться ленились, а потому за ум принимали способность прикинуться Микитой перед начальством и надуваться вождём перед подчинёнными.

Считать неявные статьи партийных, а равно и судбно-карательных расходов (амортизация, затраты материальные, отнесённые на бюджет коммунальные услуги и многое другое) тогда не позволяла большевистская совесть. Почему последнюю намертво заклинило, в какой-то мере объяснит частный факт из жизни Челябинского ВКП(б).

Ровно за полгода до ареста Кузьме Рындиному поступила бумага за подписью заворга ЦК партии Стецкого - смета расходов обкома на 1937 год по линии партийной пропаганды и агитации. Из республиканского бюджета (!) было ассигновано три с половиной миллиона рублей, из коих треть шла на содержание 66 парткабинетов, 250 тысяч - на парткабинеты заводские, 660 тысяч на оплату 125 штатных пропагандистов (по 5 тысяч на брата), 220 тысяч на содержание трёх домов политпросвещения..."¹²⁰

Раковая опухоль большевизма всё агрессивнее вгрызалась в тело опорного края державы. На подготовку 600 пропагандистов по истории партии и ленинизму отстёгивалось 720 тысяч, 94 заведующих парткабинетами - 94 тысячи, на 200 агитаторов-заочников - 66 тысяч рублей. Был март, по деревням области от голодухи вымирало детство. Спасительная булка хлеба стоила трёшку. Партия сурово указывала перстом на врагов народа, уводя взоры нищих от номенклатурных кормух, над которыми густо роились идеологические трутни.

Странное дело, удивлялись в отчётах низовые милицейские чины, как только человека выдвинут на партийную работу, он моментально всё имущество продаёт. Ближе всех, по-моему, к истине подобрался начальник Курганского райотдела милиции Клочков. С помощью дедукции он профессионально вычислил две версии. Одни боятся, писал он докладной райсек-

ретарю, что скоро посадят, значит, домашнее барахло конфискуют. Другие надеются, что на новой должности всё даст государство.¹²¹

В конце тридцать шестого секретарям и членам бюро зарплату подкинули до 750 рублей. Остальным аппаратным добавили всего по два червонца. Первый перерасчёт сделали сразу после нового года. Но ни смотреть свысока на подчинённых, ни радоваться членам не хотелось. Снаружи трезвонили о большевистской бдительности, а из головы которую неделю не вылезала вроде бы забытая реакционно-поповская притча о тридцати сребрениках Иуды.

Денежное довольствие наёмных энтузиастов натурально подпиралось пайком. Это очень важное обстоятельство, ибо советский рубль до самой смерти оставался не всеобщим эквивалентом стоимости, а её тенью. Прямой выход на кусок хлеба гарантировал выживание. В году 1932-м, в Рождество Христово, настоящим большевикам выпало большое житейское послабление. Не от бога. Постановлением Уралобкома ВКП(б) от 7 января, с восторгом списанного с цеховской директивы, партийный аппарат был переведён на гарантированный государственный харч. Подробнее так: районным и областным органам власти дали право оставлять часть продукции, выжатой из деревни по обязательным планам, для внутреннего потребления. Но только при условии выполнения планов, любая задержка каралась сдачей всего зерна. И правильно, какой же хозяин кормит собаку перед охотой?

Государственное мародёрство, таким образом, гармонично увязывалось с алчностью местных большевиков. Процент, оставляемый на прикорм, был мизерным. И всё-таки радовала гарантия от голодухи и перевод грабежа из действия индивидуально творческого в нормативно государственное.

Оставленный на местах продукт делился классово. Тезис о руководящей роли партии доминировал, хотя на обедках с московского стола сразу же повис целый рой прикормышей. Всё коммунистическое поголовье Урала - к тому времени сто тысяч членов и девяносто тысяч кандидатов - на усиленный паёк рассчитывать

не смело. Когда с мест стали поступать заявки на номенклатурные пайки, выяснилось, что райкомы совершенно некритически относятся к штату. Обком партии директивно установил порайонный контингент подкармливаемого партактива и его кровородственных нахлебников. По большевикам прошло рыдание, областной комитет оказался зело скупым.

Система внутрипартийных ценностей обрела материалистически осязаемую меру - паёк. Снабжение сразу же строго дифференцировали во избежание обезлички кадров. Для сельских райкомов, это естественно, контингент и нормы определили поменьше. "Имейте же совесть, - парировали скулёж сельских коммунистов, - ведь на хлебе сидите! Чтoб человек с наганом, да при власти, да на деревне и не прокормил себя?" Райкомовской партэлите - членам бюро и членам президиума райисполкома - установили паёк по первой категории. Дабы дистанция улавливалась в быту, дифференцировали пайки иждивенцам. В потребительском пространстве дед заворга, к примеру, отстоял от бабки секретаря райкома пропорционально иерархии номенклатурных внуков.

По второй категории питалась партактивная инструкторско-пропагандистская чернь. Во избежание мук зависти пришлось развести категории по разным магазинам или обслуживать в разное время. Судебно-репрессивный аппарат, включая ОГПУ, получил не шикарный, но калорийный красноармейский паёк, что вполне соответствовало характеру их работы и трудовым затратам.

По мере роста трудностей чекисты не стали ждать милостей от родной партии и аккуратно под самое утро голодухи, 2 ноября 1932 года, ПП ОГПУ на Урале издаёт чрезвычайно полезную бумагу. В ней приказывалось "приступить к организации свиноводческих и кролиководческих хозяйств во всех районах, частях РКМ (Рабоче-крестьянской милиции - А.Б.), органах ОГПУ и ВПК с таким расчётом, чтобы... к концу 1933 года все закрытые столовые, детясли и другие учреждения ОГПУ, РКМ и ВПК были переведены на собственное мясо и жирыпродукты".¹²² Порядки в ГУЛАГе

погуще, чем в колхозе, поэтому жиросы продукты в чекистском котле не переводились всю голодуху.

Суды и прокуратуры свиначников держат, естественно, не могли. Контингент в КПЗ временный и очень ненадёжный. Но, понимая свою значимость в деле строительства коммунизма, голодом сидеть никак не хотели. Поэтому с началом каждой репрессивной кампании правозащитные подсобники донимали партийные органы требованиями пайка и льгот. Примерно так.

Весна тридцать третьего, разгар кампании по деушкиному указу, семенные шмоны и голодуха. Арестованные прут лавиной. Пользуясь ситуацией, председатель Курганского райсуда Калмыков направляет вверх реестр первоочередных льгот. По его мнению, для успешного проведения посевной необходимо немедленно и без проволочек давать членам суда дополнительный паёк (не менее 12 кило в месяц на судебного работника), расширить штаты, срочно приказать Райямшине давать суду самых лучших лошадей и по первому требованию, оплачивать сверхурочные, произвести ремонт судебных и жилых помещений.¹²³

Советским учреждениям было позволено открыть свои внутренние распределители, только без особых претензий. Ведомственные и иные распределители создавались с разрешения парторганов при наличии собственных источников съестного. Покусительство на партпайке квалифицировалось как заразная форма оппортунизма.

Ударнические распределители, о которых упоминалось, росли из другого пенёка. Здесь повышенная калорийность пайка достигалась элементарным распределительным действием - сокращением нормы основной, но не ударной массы.

Большое видится на расстоянии, а мелкое, догадывается, вблизи. Эффектный ход обкомовской пешки - заведующего сектором печати Розенфельда - даёт понять, из каких тонких штрихов лепится гармония общего. В директиве, им подписанной, устанавливались литературные пайки для восьми номенклатурных особей на район. Секретарю райкома на 25 рублей,

остальным по 15 рублей на кадровый интеллект. Отоваривание пайка, поясняет бумага, допускается только литературой полезного политического характера. Шефу доставались шедевры соцреализма, подчинённые довольствовались пожелтевшими брошюрами Ильича и свежими воспоминаниями о нём.

Ссылаясь на обкомовскую директиву, районные большевики люто следили за ассортиментом закрытых кормух. "Райком предупреждает, что в случае проявления отсрочек, тормоза или нежелания выполнять решения об улучшении снабжения партактива, будут приняты меры партийного воздействия как за срыв решений обкома партии". Такие депеши повсеместно и срочно разбрасывали в хлебо-, мясо-, маслозаготовительные органы и торговые организации. Дословно цитируется угроза Лебяжьевского РК ВКП(б) от 21 января 1932 года.¹²⁴

Чтобы лучше усвоить теорию социалистического распределения, проиллюстрирую изложенное месячной нормой снабжения по Сухоложскому и Камышловскому райкомам на 1933 год. Тот самый, когда беспартийные и рядовые партии мёрли с голоду. Итак, проходящая по первой категории кадровая районная особь получала в месяц: муки - 18 кг, мяса - 3 кг, сахара - 2,5 кг, масла сливочного - 1 кг, масла растительного - 1 кг, рыбы - 3 кг, печени - 2 кг. Иждинский номенклатурный паёк чуть тоньше. Гурман-уполномоченный живописует детали номенклатурного быта: "в Сухоложье организована столовая партактива, по качеству питания особенно хороша..."¹²⁵

Строго по чинам распределялись и промышленные товары. Рядовые партактивисты могли легально шариться на районной торговой базе. Секретарь райкома был приписан к базе областной. На пути закономерно растущих потребностей вставал товарный дефицит. Большая часть местного аппарата выказала уникальные способности к промыслу на стороне. От наезда, как бы невзначай, к свежезабитой колхозной скотине или иному дележу до индивидуального объегоривания деревенских.

Почти саврасовский пейзаж с натуры тихого Багарякского района. Начальник райотдела милиции Русских вызвал колхозника на допрос и “предложил” ему продать свой хлеб за велосипед для главного милиционера. Колхозник согласился, не выслушав даже альтернативного варианта событий. Начальник райотдела НКВД Барышников, пронюхав о манёвре коллеги, вызвал к себе председателя одного из колхозов и вскользь выразил пожелание иметь часы, которые продавались только в обмен на хлеб. Председатель охотно не возразил. Таким же образом приобрёл часы следователь; редактор районной газеты, управляющий отделением Госбанка и директор маслозавода выменяли на колхозный хлеб по велосипеду, а секретарь райкома партии - патефон...¹²⁶

Верить документу можно, его написал прямо Сталину председатель райпотребсоюза. Письмо перехватили в Челябинске, и автор пропал. За уворованные тонны зерна рядового колхозника мало четвертовать. На фоне повсеместного кадрового казнокрадства багарякские события - серое по серому.

Судьба обычно глупее даже советской справедливости. Сядь наши герои по дедушкиному указу, через семнадцать лет, в 1953-м, вышли бы по амнистии. А так - в тридцать седьмом их арестовали и некоторых шлёпнули сразу. Как выяснилось лишь в 1993-м, по совершенно пустяковому поводу.

Эталоном социалистического распределения на Урале были обкомовские кормухи. В тридцать третьем, к примеру, на откорме столовой Уралобкома ВКП(б) состояло 1300 фуражных энтузиастов. Секретные финансовые документы спецмагазина № 36, обслуживающего обком партии и облисполком, свидетельствуют, что по централизованным фондам обеспечено стопроцентное выполнение планового товарооборота.

Кроме того, во исполнение известных директив об улучшении снабжения партактива соответствующим отделом Уралобкома ВКП(б) были заключены прямые договора на дополнительную поставку продуктов со “Скотоводтрестом”, “Маслопромом”,

“Союзмолоком”, “Уралохотсоюзом”, “Союзрыбой”, Шарташским тепличным хозяйством и другими полезными организациями.¹²⁷

Многие предприятия, фальшиво удивлялись работники снаботдела, почему-то отказываются от всяких договоров и соглашаются услужить в любое время по доверительным запискам. С развитием телефонной связи отпала необходимость в писанине.

Чтобы пресечь всякое возвышенное нытьё про великодушные партийных руководителей и их заботу о простом народе, скажу, что ни один из двухсот райкомов Урала ни единожды, даже в самую лютую голодуху, не отказался от номенклатурных пайков в пользу вымирающего детства. То же самое отнесите в адрес представителей родной Советской власти, номенклатуры карательной и военной.

Наоборот, в переписке с Уралобкомом ВКП(б) и обкомами вновь образованных областей просьбы об увеличении аппаратного пайка есть изо всех без исключения райкомов. Тут время вспомнить про дополнительные льготы комиссарам деревенским. От сельхозналога и всевозможных хлебо-, мясо-, маслозаготовок освобождались секретари райкомов и предрики, прокуроры и судьи, гепеушники и уполномоченные по заготовкам. Весь гвардейский карательный корпус деревенского большевизма.

Конечно, выдубленный в крутом идеологическом рассоле партийный энтузиазм тридцатых воспринимается легче шкурного и сырого исторического факта. Тут всё как в классической философии - к месту и ко времени. Ложь, притёртая ко лжи, создаёт гармонию мировоззрения. Энтузиасты впечатляют широтой натуры и революционной решительностью. Что волокущие деревню в социализм Давыдовы и Нагульновы, что похожие на Лазаря Кагановича комиссары индустриализации. Это уже не преступники с маузером на холке, привыкшие чистить чужие амбары, и не капо, забивающие насмерть ссыльных на лесосеке. Это герои. Даже литературно-исторические образы.

Не скажу, что повседневные поступки парткадра определялись исключительно его жалованием. Был

ещё страх. У лакея сыто брюхо, но страдает харя. Что до господского самодурства, то здесь большевик невзыскателен. От вождя вытерпит всё, а потом на подчинённых отыграется. Водопад внутрипартийного хамства низвергался в провинциальную бездну, не вызывая ни ропота ушибленных, ни стоны раздавленных совсем. Терпели - простым советским человеком, в лучшем исходе, или зеком быть не хотелось.

“Я был уполномоченным по посевной кампании в Ялано-Катайском районе, - вспоминал в камере секретарь Ленинского райкома ВКП(б) Шнитман, - приезжает Рындин, созывает около 200 человек: предриков, предсельсоветов и районного актива и превращает трибуну этого совещания в арену возмутительной брани и угроз. К одному местному агроному, который бросил какую-то невинную реплику, он подбежал, заорал на него: “Встать! Ты знаешь, с кем разговариваешь, мерзавец, подлец, я тебя арестую!” И прочее в том же духе”.¹²⁸

Сквозное хамство порождало личную неприязнь и изошрённое лицемерие. Лъстили вверх, понимая, что лгут, били нижестоящих в осознании невинности тех. Как только кто-то срывался, вслед ему неслись самые грязные слова бывших “товарищей”. Умирал вождь, и на могилу выливались помой целой эпохи. Быть рабом подонка - что может быть тяжелее и позорнее такого ярма. Когда наступят времена борьбы с врагами народа, кадровая душа совсем окаменеет от страха. Останется расторопное лакейство и глубоко запрятанная ненависть.

“Мы просим партийную конференцию, - читаем обращение работников Тракторостроя, - возбудить ходатайство перед вышестоящими организациями о переименовании Челябинска в город Коба - имя, которое носил тов. Сталин в славные годы своей подпольной революционной работы в рядах большевистской партии под руководством тов. Ленина ...

Город под руководством партии и её лучшего рулевого тов. Сталина вырастает в крупнейший индустриальный центр, не может больше носить названия Челябы (в переводе на русский - “яма”)).¹²⁹ Скоропо-

стижное озарение 14-тысячного коллектива состоялось где-то часа в четыре пополудни 26 августа 1931 года. И всем одновременно захотелось Кобу. Не Виссариона или ещё лучше - Осю, а именно Кобу.

“Сегодня с утра, - вещала на следующий день газета “Челябинский рабочий”, - на всех предприятиях и новостройках города проходят массовые митинги-летучки, посвященные обсуждению обращения рабочих и специалистов Тракторостроя. Рабочие города единогласно поддерживают... Собрания проходят под лозунгом “Просьбу о переименовании Челябинска в город Коба подкрепим ударной работой по выполнению шести боевых указаний тов. Сталина”.

Гвоздём экстренного выпуска шло сообщение о собрании литейщиков завода имени Колющенко, состоявшемся в 1 час ночи. Хотя и не вовремя приспичило, но поддерживали единодушно. В ночной смене, кстати и совершенно случайно, оказался корреспондент газеты.

Из земляков делали дураков. Через три дня на партийной конференции секретарь горкома говорил от имени 70 тысяч пожелавших жить в Кобелянской или Кобылянской области. Спустя неделю горсовет отредактировал идею в ходатайство многотысячных масс трудящихся и передал таковое в Уралсовет. Там оно стало требованием всех трудящихся города с опостылевшим названием Челябинск. За подписью Ошвинцева бумагу отправили в президиум ВЦИК.¹³⁰

В Москве к делу отнеслись более спокойно. В первых, подмахнуть вождю норовил каждый обком и крайком партии, рассчитывая в итоге на послабления. И из политических проституток сначала снимают лучших. А тут лезет городишко пока даже не областной. Всякий проходимец, во-вторых, волею случая выброшенный в вожди, просто ненавидит своё ничёмное прошлое. Какому вождю народов, скажите пожалуйста, понравится, когда холуи лезут с прежней его бандитской кличкой.

На Урале и без того было более двух сотен вождёмных колхозов, десятки заводов и предприятий. И так уже рябило в памяти и глазах. Это сейчас при-

вычно, вроде в летах и при полном уме, а не шокирует. С площади Революции попал на проспект Ленина, свернул на Воровского, потом на Советскую, через пару кварталов - на Сони Кривой и вышел на Розы Люксембург. У национально девственной особи поехала бы крыша. Но когда всю жизнь прожил в Свердловске по улице Дзержинского, отработал до пенсии на фабрике имени Крупской, ни хрена с тобой не случится. Ум легче потерять, чем снова найти.

Вождей провинциальных жгло честолюбие. На карте страны появились Сталинград, Сталинабад, Сталино, Ворошиловград, не один Ворошиловск, Калинин, Киров... Естественно было предположить, что и на карте Урала возможны свежие имена. Но, как положено при демократическом централизме, ждали, когда наедятся вожди кремлёвские. За ними пошли просто наркомы и вожди с неприличными фамилиями. Этим давали города и районы по окраинам Союза, азиату привычнее коверкать язык в разных там Орждоникидзебадах или Микоян-Шахарах.

К середине тридцатых дошла очередь до краевых вождей. Сначала их не очень баловали, так - совхоз или пару колхозов обзовут. Но гвардия местных холуёв донимала столицу "единодушными" пожеланиями трудящихся. Партийцы областного аппарата присматривались к уральским городкам с устаревшими и невыразительными названиями. Районное звено грело душу мечтой о собственном деревеньке или, на худой конец, колхозе. В тридцать пятом пришла разнарядка на один город. Надеждинск переименовали в Кабаковск...

За ублажённое брюхо и тщеславие кадровые энтузиасты платили лакейством, которое называлось большевистской преданностью. Идеологические императивы коммунизма здесь совершенно ни при чём. Вождь народов протитуировал ими ежедневно, и региональные вожди угодливо заходили ему в след. Тот, кто не успевал или пытался творимое осмыслить, как подстреленный косач валился с должности.

Большевистская подлость многолика. Примером идёт документальный штрих из хозяйственной жизни

тридцать третьего. Вспомним предварительно о соотечественниках, жравших пропастину и покойников. "Решением обкома ВКП(б) от 5 марта 1933 года объявили наш комбинат отгрузить на экспорт в марте месяце бекона 40 тонн и языковых консервов 21200 банок... Языковых консервов отгружено 22929 банок, или 108% месячного плана, а квартальное задание выполнено на 130%. Бекона в марте отгружено только 9,6 тонн, невыполнение плана отгрузки бекона объясняется тем, что Заготскот и Свиноводтрест не выполняют решения обкома - подачи бексвиной в марте 1000 голов..."¹³¹

Цитировалась служебная записка курганского мясокомбината в адрес Челябинского ВКП(б). Но речь не о свиньях, которых, кстати, пять лет назад отправляли в Европу в пять раз больше и из сытой страны. Разговор о свинстве и подлости тех, кто тащил народ за волосы в социалистическую нищету.

Низовой большевик и вовсе жил наобум. Райкомовские унтер-офицеры нервически шарахались из угла в угол, озадаченные очередной пожарной директивой. Соизмерять поступки с умом и совестью было некогда. Вышли мы все из народа, и, чтобы не сорваться туда снова, приходилось колотиться. Суэта порождала толчею, та, в свою очередь, - внутриаппаратную грызню. Особенно невыносимую потому, что внешне она зализывалась обязательной протокольной вежливостью.

Царство лицемерия копило в большевистских сердцах потенциал взаимной ненависти. Таковой прорывался в открытые свары, когда партия провоцировала чистки или репрессивные кампании. Комиссары в открытую травили деревенщину и втихаря изводили себя. О борьбе с мужиком многое сказано. Кроме, может, идейно-бытовых фантазий и мелочного промысла. Всесоюзно и в каждом дворе собирали на модные тогда дирижабли со звучными именами: "Клим Ворошилов", "Правда", "Наш ответ империалистам", самолёты назло папе римскому, комсомольские подводные лодки.

Земляки регионально скинулись на танк "Уральский безбожник" и дирижабль "Выдвигенец". Брели деньгами и продуктом, барщиной и облигациями. Клянчили серьги, кольца и семейные драгоценности; не брезговали мелочью - "беднячка Якимов Ефанастья внесла на постройку дирижабля 1 рубль 50 копеек, бедняк Медведев - 50 копеек..." Жертвующих зело и газетно хвалили, те гордились и вызывали на соревнование соседей. Не поддерживающих карманоочистительные кампании печать клеймила позором. Гроши, собранные с нищеты, шли на сооружение обозначенных декораций или пропивались местными инициаторами. МОПРы, Осоавиахимы и иные кровососущие донимали жителей барачного социализма и идущих по столбовому пути колхозников...

Эпоха жестокости, подлости и лицемерия утонула в бездне времён. Закоптелыми окнами цехов глядят в мир нынешний одряхлевшие гиганты первых советских пятилеток. Они помнят красную ложь плакатов, призывающих к труду коммунистическому, колонны зеков пятидесятых, работавших до обморока малолеток войны, своих оборванных и голодных строителей. Помнят всех не восторженными болванами, а страдальцами. Жаль, что седые руины немые и не могут укорить большевизм во лжи.

Проводим благодарным взглядом проходящую в небытие первую колонну советского "массового энтузиазма". Ложных и пышных слов не надо. Либо осени крестом прародителей и тихо забудь, либо помни о них.

Но помни только правду.

Чертогон

Социализм вызрел из противоречий капитализма. Последний долго ими мучился и в отдельно взятой, но прогрессивной стране взял да и дал дуба. Согласно теории прогресса, в каждом общественном организме внутренние противоречия неизбежны, как глисты. В социализме, это доказано отечественной теорией и практикой, они не носят антагонистического характера, потому как есть способная к интенсивной терапии пролетарская власть. Наш социализм умер естественной смертью - от старости. Ядро общественных язв лежит в каждой живой человеческой особи. Видящий в людях средоточие добра должен полагать и наличие зла. Прогрессивным движением вперёд, утверждал в своё время Мандевиль, общество обязано корысти, честолубию, подлости и иным порокам, скрывающимся под одеждой и улыбкой первого встречного.

Новой власти пришлось иметь дело с сырым биологическим материалом, подпорченным, к тому же, буржуазной идеологией. Иначе всё осовещенное население, исключая вождей, представлялось пассивным конгломератом, из коего следовало выделить общественно полезный ресурс, а остальное отправить в отвал истории. Система коммунистического воспитания принимала в расчёт тот факт, что разом вышибить из человека поколениями формирующиеся пороки не удастся. Технология строилась на последовательной цепи воспитательных мер. От грубой перековки урав-

новешенного сознания и житейских поступков в классово завистливое понимание мира и ритуальность поведения - на первом этапе, до тонкой доводки под стандарты морального кодекса строителя коммунизма в дальнейшем.

На каждой ступени социального анализа подопытное население искусственно расщеплялось на бело-чёрные компоненты - лояльных хотя бы по внешним признакам энтузиастов и элемент антиобщественный. Постепенное выжимание людского шлага действует в прогрессивном направлении, которое определено тезисом "народ и партия - едины!" Абсолютное тождество убило бы диалектику. Поэтому рафинирование десятой доли населения России в штатных коммунистов можно считать вполне приличным итогом семидесятилетней практики отечественного большевизма. Плюс контуженные частично и сочувствующие. Итог положительный в том смысле, что гарантирует преемственность и необходимый уровень оголтелости нынешних политических решений.

Самая передовая технология начиналась когда-то с кайла и лопаты. В процветающем и очень новом русском не скоро угадаешь угодливого комсомольского лидера застоя, а тем более партийного прохиндея времён раскулачки. Лишь уникальная способность въехать в личный рай на чужом горбу роднит этих исторических персон. Совдепия умерла, да здравствует Комдемия! Революция страшна волей случая, а эволюция - фатальностью. В глазах прозябающего интеллигента, ещё недавно слывшего диссидентом, нет ни зова, ни искры. Всё потухло, кроме упрямства дожить своё по совести. За правду нынешнюю снесут голову, за правду прошлого не заплатят и вниманием. Между двумя состояниями одной истины лежит современная отечественная история.

Черновой разброс деревни на нужных и ненужных начался в тридцатом. Кулаки, сказал в историю Ильич-классик, самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры. И потом добавил: "...мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с

кулаками. Это неизбежно". Крестьянская ссылка и открыла эту войну...

На Урале массовое возникновение вооружённых мужицких банд отметили ещё весной тридцатого. "На территории Николаевского сельсовета Ирбитского округа появилась банда в 18 человек из кулаков, высланных из этого же округа... Задержана и разгромлена банда на границе с Башкирской республикой..." В самом деле, одновременно с кампанией ссылки повсеместно возникают скрывающиеся в лесах группы беглых. Практически в каждом районе. Если посмотреть на отгрузочные реестры выселений с комментариями райГПУ, то в некоторых деревнях количество хозяев, ударившихся в бег, превышает половину. Для многих дезертиров начало трагедии представлялось лишь демонстративным мероприятием власти, которое можно переждать. На первых порах никаких ответных или насильственных действий такие группы не предпринимали. Порой они поддерживали тайную связь с родственниками и пытались узнать о судьбе семьи.

Надежды на лучшее не оправдались. Уральская прокуратура директивно оповестила районные карательные органы, что фактом побега кулаки перевели себя в новый статус, ибо дезертирство из-под ссылки карается концлагерем. Как государственные преступники они должны быть немедленно арестованы либо уничтожены. Оперативные документы ОГПУ остаются закрытыми поныне. Приводимые иллюстрации взяты из оперсводок особого отдела ПП ОГПУ в адрес Уралобкома ВКП(б).

"23 февраля, - сообщает оперсводка от 3 марта 1930 года, - на территории Тавдинского района, граничащего с Тюменским округом, около деревни Миасской появилась вооружённая банда в составе шести человек из бежавших кулаков. Бандиты живут в землянках. Продукты питания доставляются семьями кулаков. Выброшенные Ирбитским и Тюменским окрестными ОГПУ опергруппы точного местонахождения банды не установили. Предполагается, что банда скрылась в Кондинских лесах Тобольского округа.

Приняты меры к установлению точного местонахождения банды и её ликвидации".²

"Банды" возникали в Ишимском, Шадринском, Тюменском и других округах. Пассивное сопротивление нарастало пропорционально государственной жестокости и катилось волной за кампанией выселения. Поступающие в обком чуть ли не ежедневно оперативные сводки заметили эту взаимосвязь сразу же, как и то, что активность принимает повсеместный характер. В районы выселения дали срочные директивы на предварительный арест всех мужчин из семей, подлежащих высылке.

Успокаивало органы другое обстоятельство. Большинство групп формировалось из местных беглых кулаков, они были территориально маломобильны. Всё это исключало возможность фронтального военного сопротивления властям. К осени тридцатого центр сопротивления постепенно сместился на Север, к столицам социалистической колонизации Урала. Беглые нащупывали путь к своим семьям.

Следующий год выдался буйным. Ударники лесозаготовок возвращались в вымершие и постаревшие спецпосёлки. Лишь высшая степень гражданской и интеллектуальной продажности толкнёт к поиску здесь массового энтузиазма. Скорее предположить иное. Что беспредел государственной жестокости заставил покорного даже при раскулачивании мужика броситься от отчаяния в бунт. Надо заглянуть в документы неизвестной гражданской начала тридцатых, чтобы оценить по-новому и героизм властей в подавлении народного гнева, и то, что мы и сейчас называем кулацким террором.

Кстати, о масштабах последнего. По данным ПП ОГПУ на Урале, за 1930 год кулаками совершено 50 убийств на почве сопротивления, 146 покушений на то, 266 избиений активистов, 346 поджогов и 77 актов вредительства.³ Сравнимо ли это с масштабами погромов раскулачивания и жертв ссылки? Той зимой только в петлю от горя залезли более двухсот баб. Вспомним про многие тысячи вымерших по пути и по месту ссылки.

Пережив лютую зиму и натерпевшись всего, ссыльные напролом двинулись к югу. Веером рассыпались группы беглых по стране. Бежал не только местный, но и сосланный издалече. Бежал другой люд. Не выжидаящий милости государства, а озлобленный до беспамятства. Значит, готовый на всё. Вспыхнула лесными пожарами тайга ссылки. Потом дошла очередь до колхозов. Были и те самые выстрелы из ночи.

Типичное донесение тех дней. "Пожары принимают в Исетском районе угрожающие размеры. 7 июля сгорело колхозное имущество в Исетском. 16-го снова пожар в Исетском и других сёлах, 19 июля пожар в селе Красновал и Елешино, 28 июля пожары в Сунгуровском районе. Сейчас горят леса в Исетском районе, Боровлянской гослесдаче... Группируются кучки вооружённых бандитов, которые организуют вышеперечисленные пожары. Они же, есть случаи, берут колхозных лошадей на полях, забивают мелкий скот, распускают всевозможные контрреволюционные слухи и угрозы по адресу колхозов и отдельных лиц..."⁴

Подобные сообщения практически поступали из всех двухсот районов Большого Урала. Желаящий большего найдёт в архивах Уралобкома ВКП(б) не один том таких и более ярких иллюстраций.

Тревожно застучали сводки ОГПУ. "Еловский район - оперирует вооружённая банда в составе шести человек... На границе Исетского, Суерского и Белозерского районов обнаружена группа бандитов в числе 8 человек. Банда состоит из бежавших с места ссылки преступников и кулаков. Бандиты вооружены винтовками, обрезам и наганам... Ялutorовский район. 23 июля была произведена облава для поимки скрывающихся бандитов-кулаков. Во время облавы бандиты отстреливались и скрылись в тайге... Яланокатайский район. Банда в числе 5 человек-татар приступила к активным действиям... Тавдинский район. Действует банда из бежавших от ссылки кулаков... Надеждинский район. За июнь-июль 1931 года участвовали побеги из ИТК и спецпереселенцев".⁵

Сводки Уральского областного отдела милиции отмечают резкий подъём бандитизма, грабежей и насилия в 1931 году. Большинство преступлений, судя по отчётам облсуда и прокуратуры, прямо или косвенно спровоцированы политическими обстоятельствами. Признают это и авторы отчётов, но без намёка на порочность государственной политики. Подозреваю, что они думали, вслух же обвиняли только кулака.

Пугал не только шастающий по лесу мужик, каждый пришлый в деревне испытывал живой косой взгляд. "В последнее время, - директива повсеместного применения, - наблюдаются случаи бегства кулачества из спецссылки. Беглое кулачество разбегается по сельской местности, укрывается по всевозможным ложным документам в колхозах, совхозах, МТС. Имея ненависть на Советскую власть, репрессированный элемент занимается вредительством, хищениями социалистической собственности, поджогами и т.д.

В целях борьбы с побегами ссыльного элемента и предупреждения всякого рода вредительских действий: в случае появления кулаков без документов об освобождении на вашей территории немедленно их задерживайте и направляйте в распоряжение райотдела ОГПУ; всех вновь прибывших регистрируйте, тщательно проверяйте и о всех подозрительных немедленно сообщайте в РО ГПУ".⁶

В том году многое изменилось в судопроизводстве и лексике партийно-советских директив. Власть хорошо помнила события десятилетней давности, когда мужицкое ополчение, вооружённое берданами и самодельными пиками, освободило территорию, называемую ныне Тюменской областью. Ценой крайней жестокости Ишимское восстание удалось подавить. Толпы местных мужиков-шатунгов и пробирающихся на юг беглых наводили на неприятные предчувствия. Как ранее указывалось, по всему поясу крестьянской ссылки была создана санитарная зона для отлавливания дезертиров. На дорогах выставили кордоны. И ловили теперь не просто беглых, а злонамеренных повстанцев.

Банду и судить надо за бандитизм. Хорошо, если перехваченные на бегу сумели что-то натворить. А если поймали без документов, без оружия и без намерений? Проще - со второй половины тридцать первого все отловленные кучкой и в розницу пошли членами повстанческих организаций. Партия, укравшая власть вероломством, больше всего боялась ответной расправы. (Вспомните, как присела она от страха в 1991-м, последний районный пропагандистшко просидел за занавесками двадцатые дни августа.) С июня 1927 года в УК РСФСР и других республик введена глава "Преступления государственные", в широкозахватном варианте статьи пятьдесят восьмой.

Пойманных и уличённых можно было подвести под террористический акт или вредительство, статья 58, дробь 8 и 9. В случае, когда дезертиры вели себя смирно и не выказывали контрреволюционных намерений, следственные органы садились на статью 58-11. Вот как эта дробь стучит. "Всякого рода организованная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы".⁷

В свете этой поведенческой нормы сборище совграждан может быть квалифицировано трояко: как санкционированное партией и её подвластью общественное мероприятие (субботник, Союз писателей, комитет содействия прокуратуре и т.д.), антисоветская организация, политически нейтральная пьяная компания. Поскольку долгое время естественная потребность к общению удовлетворялась в нейтральной форме, многие сопровождающие эту процедуру моменты выродились в привычку. С провозглашением свобод демократические организации, быстро разогревшись, становились нарывистыми, члены таковых, набравшись свободы до упора, начинали молотить друг друга. В глазах нынешних большевиков невытра-

вимая мировоззренческая ненависть, а блестящие когда-то лидеры демократии имеют взгляд осоловелый и вид помятый. Как с большого бодуна.

За совместный умысел по статье 58-й полагался "расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трёх лет, с конфискацией всего или части имущества".

Всё ясно? Теперь поставьте себя на место командира опергруппы ГПУ. Гоняться ли с риском для жизни за рвущимися насквозь бандами, к примеру, казаков и хохлов или наловить без риска местных лесных шатунов, околачивающихся вокруг родной деревни? Второе предпочтительнее и с точки зрения отчётности. Раскинем умом. Там есть диверсия, а будут ли преступники - неизвестно. Значит, прохлопал и вредителей, и их преступные действия.

Тут всё наоборот, злоумышленники - да вот они, и злодеяние предотвращено. А как же, стараемся, товарищ командир! Шероховатости при оформлении бумаг малые. Бежали со ссылки вместе, значит преступная организация уже есть. Остаётся осторожно, без тонического нажима назвать её повстанческой. Позывы к восстанию проходят по самой серьёзной - второй части статьи 58 УК. Где смягчающим обстоятельством может быть самодельная петля в камере.

Крестьянское сопротивление политике начала тридцатых. Это белое пятно в тёмной нашей истории. Легче и благодатнее писать про кремлёвские интриги. Персонажи исторические и к большой политике поближе. Каждый, случаем продёрнутый через нынешнюю власть, торопится мемуарно заморозить себя в российской истории. История возвышенной лжи уступает место истории озлобленных сплетен. Кто примет за науку жизнеописание, где мужичье-кулачье оптом, а жизнь - за горсть зерна? В назойливость приведу ещё один документ, подготовленный полномочным

представительством ОГПУ на Урале в ноябре 1931 года.

"Москва. ЦК ВКП(б). Тов. Сталину.

...Установлено, что повстанческими организациями велась работа ещё с августа месяца и постепенно охватила целый ряд районов бывшего Пермского, В-Камского и Коми-Пермяцкого округа. Повстанческие организации имеются в Косинском, Кочевском районах Коми-Пермяцкого округа, в Камско-Берёзовском, Майкорском районе бывшего В-Камского округа, в Чермозском, Сергинском, Берёзовском, Кунгурском, Усть-Кушерском, Суксунском, Ординском, Лысьвенском, Чусовском районах бывшего Пермского округа. Во всех этих районах формировались повстанческие ячейки, при которых существовали боевые бандгруппы из беглых кулаков, бежавших заключённых из исправдомов и местных антисоветских элементов...

Наличие повстанческих организаций в этих районах подтверждается следствием и оперативной работой ОГПУ, и, по всей вероятности, они связаны с невыясненным пока руководством, находящимся в некоторых сельскохозяйственных районах и промышленных центрах...

Всего по повстанческим группировкам на сегодняшний день арестовано 87 человек. При аресте изъято оружие. 17 ноября предполагалось выступление в ряде районов и сельсоветов, но не удалось только потому, что это совпало с операциями органов ГПУ по этим районам и были сняты гонцы повстанческих групп, которые должны были оповестить о начале выступления. Выступление намечалось под лозунгами: "За новый порядок без коммунистов!", "За свободную торговлю!", "За вольный рынок!", "За несдачу хлеба государству и оставление его на местах!". Повстанцы усилительно занимались вербовкой спецпереселенцев.

Наряду с этими повстанческими организациями на западном склоне Урала выявлена поповско-кулацкая монархическая повстанческая организация на востоке Урала (в бывшем Тюменском, Ишимском и Курганском округах). Эта контрреволюционная организация

возглавлялась епископом Серафимом и начала свою деятельность с благословения Тихона и Петра Крутицкого ещё с 1924 года.

По существу эта организация продолжала работу "Союза русского народа", который в этих округах в прошлом имел достаточно мощные ячейки. Почти каждый поп двух епископатов (Ялutorовского и Курганского) формировал вокруг своего прихода повстанческие группы из членов церковно-приходских советов и кулаков. Арестовано около 90 человек, в том числе два епископа, 4 благочинных, 20 попов, 8 монашек, остальные кулаки и бывшие бандиты. Из всех показаний арестованных вытекает, что эта организация должна была поднять восстание в момент интервенции. Контрреволюционная организация присвоила себе название "Союз спасаемой России".

Кроме того, ещё в сентябре месяце ликвидированы две повстанческие организации (около 100 человек) в районах бывшего Нижне-Тагильского, Ирбитского и Тюменского округов. Эти организации состояли преимущественно из сбежавших и выселенных кулаков.

Характерная особенность поповско-кулацкой организации состоит в том, что она развернула работу на более узких участках связи Урала с Сибирью (Омск - Тюмень, Омск - Курган), что, очевидно, вытекает из стратегической установки этой организации - в момент интервенции отрезать Урал от Сибири".⁸

Таковыми депешами из уральских, да и других российских палестин, чекисты доказывали, что едят хлеб не зря. В отличие от обычных оперативных сводок в адрес Уралобкома ВКП(б), где россыпью шёл мелко-контрреволюционный факт, документы вождю тщательно редактировались. Канонически жёстко выдерживался букет определений контры. Следовало работать только в рамках терминологии, укрепившейся в столичном обиходе.

"Поповско-кулацкая организация", к примеру, по центральному директивам гуляла уже лет шесть-семь. Сначала, во времена измышательства над митрополи-

том, с угрожающим тоническим ударением на первой части эпитета, позднее - на второй. Пофантазируй облчекист куда-нибудь в сторону "поповско-троцкистской организации", наверняка пришлось бы давать объяснения, а то, глядишь, и излагать причины появления в сатрапии свежей пакости.

Хорошим тоном считалось хоть как-то пристегнуться к союзным карательным операциям. Начальник ПП ОГПУ на Урале Раппопорт удачно ввернул про связь с митрополитом Тихоном. Не с какими-то там "обновленцами", а именно с опальным митрополитом. Советская власть его ненавидела чуть меньше, чем папу римского. Такой ход, точно рассчитал оберштурмбаннфюрер Урала, наверняка понравится и Иосифу Джугашвили, и Минею Израилевичу Губельману - председателю секретной Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), вошедшему в советскую историю под стилизованной под Русь крышей - Емельян Ярославский.

Украшением темы массового вредительства стали национальные повстанческие организации, вдруг появившиеся в то же время. Большевистской идее унитарного государства с формальной декларацией национальных прав ненавистно всякое поднимание головы российских нацменьшинств, тем более противен антисоветский элемент с экзотическим оттенком. Коммунист-туземец - ещё куда ни шло, но контра! Злонамеренных нацменов находили повсюду, но мы, разнообразия для, бросимся в пампасы западного уральского склона.

"Мы за то, - говорил (по показаниям секретаря Коми-Пермяцкого окружкома Благодного) Кабаков в 1931 году, - чтобы отдельные мелкие национальности в СССР растворились бы в русском народе; коми-пермяки - это такая национальность, которая не имеет собственной законченной культуры и над развитием хозяйства которой нет особой необходимости работать".

Аборигенам растворяться не хотелось. Позыв к самосохранению вылился в создание не санкционированного властью объединения представителей "неза-

конченной" национальной культуры, в которое вошли писатели и поэты (Зубов, Грибанов, Лихачёв). Судя по наличию Абрамовичей в списке заговорщиков, дети суетного и талантливое племени приняли активное участие и в коми-пермяцком национально-освободительном движении.

Творческая группа тотчас же попала в повстанческие. Служители богемы - народ слабый, к допросам и пыткам не дюжий совсем. Интенсивное следствие вскоре установило, что основной задачей организации является вооружённое восстание против Советской власти. Это программа-минимум. В перспективе туземная контра мыслила объединение коми-пермяков с коми-зырянами, карелами, удмуртами и другими угро-финскими народами, создание угро-финской федерации. Сильным фрагментом обвинения звучит шпионаж в пользу Финляндии и ещё кого-то. Обвиняемые не могли вспомнить.

В краю, где спецпереселенцев и заключённых больше коренного населения, не обошлось без банд обычных, однако будучи по преимуществу славянского состава, они программы-максимум не имели. Точного числа банд секретарь на допросе в НКВД не назвал, ограничившись неопределённым - много. Вспомнил только одно, что самой известной в округе была банда, которой руководил какой-то Распутин.

Весной 1931 года, когда ссыльные дезертиры потянулись на юг целыми косяками, домзаки и отчёты карательных органов страны, Урала в первую голову, забил повстанческий элемент. В моду вошло лепить пятьдесят восьмую каждому святому и лешему. Наркомюст издал тормозящий циркуляр. "Немедленно, - гласит документ, подписанный Крыленко, - прекратить практику произвольного расширения понятия контрреволюционного преступления, подводя под него лишь те действия, которые вызваны действительно мотивами классовой борьбы и классового сопротивления капиталистических элементов...

Полностью изжить вынесение необоснованных приговоров и искусственноеотягчение обвинения по сравнению с тем, что действительно установлено ма-

териалами дела... Высшую меру социальной защиты применять как исключительную в случаях, когда это вызвано действительной необходимостью, имея в виду, что длительная изоляция, а тем более её максимальный срок - 10 лет со ссылкой и высылкой в условиях настоящего режима мест заключения являются мерой достаточно строгой и реальной...

Прекратить практику передачи дел, по которым возможно применить расстрел, народным судам... Эти дела поручать исключительно постоянным и достаточно выдержанным членам краевых, областных и городских судов".¹⁰ На деревне, рекомендует нарком, расстрел надо применять с умом - только за поджоги, террористические акты и организацию массовых выступлений.

Естественные проявления жизни не подавить благочестивой наркомовской директивой. Жестокость вытекала из природы власти, поэтому советское правосудие и ухом не повело. Более того, через полгода облпрокуратура Урала категорически потребовала "ликвидировать оппортунистическое отношение к вопросам борьбы с вредителями путём привлечения к уголовной ответственности..." Гнать их надо под пятьдесят восьмую! А ещё спустя полгода тот же Крыленко гневно спрашивает провинциальные суды - почему мало расстрелов?!

Для мощной карательной машины расправа с явным внутренним врагом не составила труда. Богатейший опыт борьбы Соввласти с вредительством в основном окостенел вокруг поиска и выявления сволочей тайных: либо засевших клопами в щелях провинциальных, либо торчащих на виду, но удачно мимикрирующих под актуальные цвета политической жизни. Рубить сук, на котором сидишь, сначала неудобно.

Экономическая природа колхоза такова, что не красть в нём невозможно. Как и невозможно быть не-вредителями. Колхозная экономика постоянно плодит хищников и саботажников. На широкой платформе колхозной бесхозяйственности постепенно вырастает пирамида вредительства. С точки зрения большевика,

артель есть совершенная форма производства. На её стороне видимый экономический резон - преимущество крупного производства и благой тезис о эффективности коллективного труда. Однако преимущества крупного хозяйства являются лишь в том случае, если производство растёт быстрее затрат.

Последнее возможно двумя путями - внедрением прогрессивных технологий, сжимающих затраты на единицу продукта, и экономией на жизни работника. С внедрением трудодня и обязательных госпоставок колхоз стал обителью деревенской нищеты и золотым дном для государственных старателей.

Тракторизация сельского хозяйства эту коварную диалектику только усугубила. МТС навязывали свои услуги на кабальных условиях. Треть натурального колхозного урожая вылетала в погашение стоимости технических услуг, не считая оплаты колхозами всей энтэзовской бесхозности. Выполнение захваченных МТС работ собственным живым тяглом обходилось в два-три раза дешевле.

“Какой толк, - пример расхожего антисоветского судачения, - что в нашем районе обслуживает Ординская МТС? Один убыток. К трактору прикреплены два прицепщика, водовоз и лошадь. Подвозка горючего - ещё один человек и лошадь. Трактор проработает смену, а когда и не проработает, и опять остановится. Гонят лошадь из колхоза за какой-нибудь частичкой за 20 километров... Если подсчитать, сколько затрачено коней и людей...”¹¹

Вспомним классику: есть точки зрения правильные, неправильные и уголовно наказуемые. Перед нами третья. Множить живность на километры никто не осмелился, а болтливому колхознику дали ровно пять лет.

Не разбогател колхозник и в ту золотую пору, когда сам стал владеть техникой. За амортизационный срок работы отечественная железина, называемая трактором, успевала съедать на капремонт стоимость трёх новых. На Урале было так, а кое-где и того хуже. Колхоз оплачивал трудовое варварство промышленных рабочих и варварство эксплуатации машин.

Почему колхозник воровал хлеб, гноил его и заражал клещём - понять можно. Все эти по сути преступные деяния носили характер всенародного почина. В подтверждение приведу одну из ежегодно издаваемых директив. Секретное письмо наркома земледелия от 9 ноября 1935 года. “Некоторые колхозы сдают зерно, специально заражённое клещём, чтобы после его выбраковки на элеваторе вернуть его в колхоз. Эта преступная практика должна быть прекращена... Ставить под сомнение акт выбраковки и организовать специальные инспекции...”¹² Колхозник, наоборот, был заинтересован в том, чтобы хлеб вообще не убирать. А зимой, в конкуренции с зайцами, страдовать на естественно осиротевшей полосе.

Колхоз - детище ленинского кооперативного плана и, следовательно, вне всяких подозрений. Корни поголовного воровства нашли во вредительских, почти на уровне чистой биологии, наклонностях колхозника. Тут пришлось поспорить. Общественная наука тех лет, стоящая на догме, что широкие народные массы тоже плохими не могут быть, выдвинула смелую версию: колхозник, мол, тянет всё по причине длительного в прошлом сожительства с кулаком, то есть абсолютно вредным типом.

По этому поводу я разделяю сомнение с уполномоченным по крайней тундре (Сале-Хард), который, попав в артель туземцев, не видевших живого кулака, как верблюда, страшно удивился. “И эти, сволочи, - сообщал он в Уралобком ВКП(б) из-под самой Полярной звезды, - бесовски жрут рыбу сами!” Радиальное средство борьбы с вредителями нижнего, мохового слоя нашли в августе тридцать второго.

Судебная статистика тридцатых обычно выносила деревенского хищника за скобки показателей по классическому вредительству. Не столько потому, что он имел свою уводящую на этап или в загробье норму бесправия, сколь по причине тайного понимания естественности преступных деяний. Не украв, колхознику не выжить - знали суд вершачие. Ещё лучше знали другое. Не судить хищника нельзя - рухнет колхоз и вся экономическая конструкция социализма.

Если рядить о вредителе классическом, я бы начал с варварства технического. И вот почему. Не было ни одной колхозной молотилки, эксплуатация которой помимо основных функций не давала бы побочный уголовный продукт, то есть осуждённых работников. В самом деле, молотьба - тот технологический элемент, когда колхозник начинает работать непосредственно с зерном. Это втрое опаснее, чем шастающие по ночным полям "парикмахеры". Поэтому цепь технологических операций от молотьбы до элеватора нуждалась в сугубой охране.

Сначала всё выглядело по-детски. Местные уполномоченные и активисты, налёты пацанов "лёгкой кавалерии". Все они жрать хотят одинаково. "Потери зерна есть?" - сурово вопрошал партследователь бригадира. - "Есть," - молвил тот. "Охрана была?" - "Круглосуточно". - "Откуда потери?" - "Охранники сами и пёрли!" Факт, дословный и обычный, взят из материалов чистки Бродоколмакского района.¹³

К четвёртой колхозной страде власть поумнела окончательно. На токах народных инициаторов заменили профессионалы. Постановлением Челябинского ВКП(б) от 2 августа 1934 года, исключительно примером, а не панорамой, в колхозные молотильные бригады направили более 1200 коммунистов и 500 комсомольцев. По два большевика на молотилку в дневную смену и по комсомольцу в ночь. Не работать, следить за энтузиастами.

Чтобы партийцы бдили от души, их надо было кормить не из охраняемого бурта. "Командируемые в подшефные районы коммунисты и комсомольцы, - озаботилась партия, - используются на работе в качестве весовщиков и получают за свою работу зарплату и премии натурой от МТС, согласно постановлению правительства... Обязать все организации, в которых работают командируемые на уборку, сохранять за ними за всё время пребывания на уборке занимаемую ими должность".¹⁴

Вот так! Добавлю, что расходы по зарплате и премиям "шефов" проходили через МТС транзитом, позднее они предъявлялись колхозам в общей сумме

требований МТС. Про зарплату по месту основной работы помощников ничего не скажу. Какая-нибудь местная Лукерья, интеллектуально способная стоять при весах за пустой трудодень, не проходила по морально-государственным признакам.

Вид тщательно взвешивающего твой хлеб большевика абсолютно неприятен. Холодный немецкий педантизм, к примеру, склонился бы в данном случае к рациональным мелочам и поиску компромисса. Мы совершенно другие. Хоть думаем тем же местом, но иначе. Сунуть первую попавшую под руку железину в барабан молотилки, чтобы агрегат заскрипел в судорогах, нам предпочтительнее и по духу, и по нашему аршину справедливости.

В молотилки полетело всё. Чем меньше молотим, тем дальше от голодухи. Из уголовных дел по деревенскому вредительству ясно, что порча молотильных агрегатов - излюбленный метод срыва работ. По факту порчи техники без околичностей давали статью 58, дробь 7. И ни в коем случае здесь не вылезать на статьи просто уголовные, предупреждал циркуляр Наркомюста РСФСР от 1 июня 1934 года.

Были ли дела липовые? Были, примерно через раз. Приходилось порой инспирировать злой умысел при некриминальных обстоятельствах. Советская техника, было бы вам известно, сама по себе не ломается. Это во-первых. Вредитель, во-вторых, нужен был всем. Его десятилетний срок как-то оправдывал отставание от плана и украшал отчёты органов бдящих. Какой же ты "зоркоглазый страж пролетарского государства", если уезжаешь из колхоза без саботажника? И судья ты не народный, а буржуазный прихвостень, если...

"Во время уборки были факты саботажа - сначала убирали худший хлеб для государства, а лучший оставляли себе (виновные сразу же осуждены)... Хлеб не сушат специально, потому что сырой хлеб элеватор не принимает..." (Лопатинский район). "Прокуратура и суд весь апрель, май, июнь месяцы были в разъездных судебных бригадах (обслужили все сельские советы, а 8 из них на 2 раза). Судом с участием прокурора проведены показательные процессы на местах. Все дела

создавались и рассматривались немедленно". (Троицкий район).¹⁵

"Меры судебного воздействия на уборочную, - это из Шумихинского района, - возбуждено 12 дел, привлечено к суду 25 человек (не впадая в детали, на всех отпущено 122 года - А.Б.). За время уборочной, обмола и хлебозаготовок была организована охрана в виде контрольных постов, застав, засад и объездов... Охвачено 1595 человек. В колхозе "Большевик" до 15 сентября посевы охраняла Красная Армия".¹⁶ "Суд закрыт, все ушли на уборку!" - шепчащая знакомая надпись висела на дверях Омутнинского райнарсуда. Кому-то судьба уготовила снимать урожай, а кому-то сносить головы. За страду судом проведено 30 показательных процессов с числом вредителей за сто.

Трудности повседневной карательной работы становятся по-человечески понятными, когда читаешь отчёты прокуратур Урала. Ночью в засаде, днём катаешь приговор. Домой вернёшься - обзовут оппортунистом. Лучше надо работать, товарищи юристы! - мог бы устало и с укоризной сказать многим прокурор безлюдного Бердюжского района, сумевший за полугодие тридцать третьего спрятать за решётку 559 вредителей.

Наряду с хлебом и инвентарём тока любимым объектом издевательств был и трактор. Чего только не натерпелось это скромное творение из рычагов и колёс! Его судьба ничуть не лучше судьбы трактористок. Будь он живым существом, можно бы поставить свечку в покаяние. Правда, вредительство здесь не носило явной злонамеренности, скорее оно вытекало из варварской природы колхозного труда и быта.

Трактор для механизатора в условиях закрытого пребывания на полеваном стане - и стол, и дом. Кто из пожилых колхозников не знает, что на тракторе можно сварить кашу и картошку? Заверни продукт в платок, опусти в пробку радиатора и через 15 минут можешь есть. Единственный кулинарный секрет сводится к тому, чтобы сделать это мимо посторонних глаз. Если не поймают, будешь сытым, накроют - вредитель. Ибо колёсник вовсе не рассчитывался на бы-

товую эксплуатацию. Варили почти все и называли трактор домашне ласково - чугунок.

Саботажником, ещё хуже или вдобавок - кулаком, можно было стать по причине поломки машины в урочный час. Для карательных органов имел значение только факт вынужденного простоя, а не обстоятельства, его вызвавшие. Производственное качество отечественной техники - хуже некуда. Шестерни того же ЧТЗ порой висели на заусенцах, потому что сгондобил его заводской колхозник. Однако это был факт секретный, даже на совещаниях руководителей МТС об этом говорили вполголоса и намёками. Из выступлений механизаторов на слётах ударников выхеривали по-чёрному всякие сомнения относительно качества техники, оставляли лишь те пожелания, которые отражали переход от хорошего к отличному. Сделать навес над трактористом, поднять спинку сидения и другие мелочи

"Особенно резкие формы и широкие размеры вредительства, - читаем сводку о состоянии классовой борьбы на уральской деревне, - имели по Ялutorовской, Шадринской, Троицкой, Ишимской, Режевской, Щучанской, Туринской, Б-Сосновской, Курганской, Полтавской МТС и совхозам: Ялutorовском, Нагайбакском, Шадринском, Макушинском, зерносовхозе "Большевик"... В этих хозяйствах выявлен 121 активный кулак-вредитель". Только в одном Петуховском совхозе 67 человек. В Шадринском зерносовхозе в радиаторе одного из тракторов нашли 2 кг. картошки. Находили болты, стружку, тряпки".¹⁷

Без вредителя МТС и совхозы работать совершенно не могли. Головами саботажников рассчитывались за скверное качество тракторостроения, за постоянные поломки и простои, в оправдание ежегодной мобилизации коров, за безалаберность организации труда. Руководители хозяйств, а тем более политотделы, были прямо заинтересованы в постоянном шмоне и арестах механизаторов. Нет плана - давай на-гора саботажников. Подозрительность и желание скинуть страх на чужие плечи пронизали все звенья хозяйственной власти.

Иллюстрацией тому будет отрывок из стенограммы текущего производственного совещания Куртамышской МТС. Была весна. "Классовый враг здесь у нас орудует, но мы до сих пор не можем поймать врага!" - подкинул для затравки замдиректора Колесников. "Ход ремонта тракторов, - поддержал его агроном Падиков, - у нас идёт из рук вон плохо, под нашим носом вредят, но вредителей мы до сих пор не нашли, а отсюда вывод, что у нас отсутствует политическая бдительность". Жестянщик МТМ Бородин сначала откашлялся, как подобает чистокровному гегемону, и ударил в то же место: "В мастерской нездоровое дело, тут пахнет вредительским делом".¹⁸

Полтора десятка выступающих развили тему до личных подозрений, а разговора о ремонте тракторов не получилось. Внутренний поиск саботажников вылился сначала в грязную склоку, потом пошли доносы. Летом понаехало НКВД и во всём разобралось. Показательного процесса, правда, не было. Более двадцати человек получили срок через Тройку. В том числе двое из цитируемых.

"Я считаю, - заявил на кустовом совещании представитель другой МТС, и дело было поздней осенью, - что причины плохой вспашки зяби явились следствием недостаточной классовой бдительности. Сейчас же нужно прикрепить к каждому тракторному отряду, членов партии до окончания вспашки зяби..." "Причиной плохой работы, - признавался председатель колхоза, - явилось то, что мы в действительности впали в панику, враждебные элементы воспользовались этим и, создавая настроения недостатком хлеба, срывают основные работы в поле... У нас в колхозе зяби пока ничего не вспахано".¹⁹

Призрак вредительства витал над уральской деревней. С наступлением темноты из всех щелей МТМ и тракторных станов начинало тянуть не то дымом, не то каким-то чадом. Испарина прошлого долго и неясно клубилась, а к полуночи рвалась и уплотнялась до плавающих над землёй призраков, похожих на газетные карикатуры. Сизые тени то мягко стлались по рядам уставших тракторов и комбайнов, то притор-

ным ядом чужой идеологии окутывали улыбающихся во сне энтузиастов. И вредили, вредили, вредили.

Всё, больше лирически не умею. Голый материализм даётся мне лучше. Рост технического вредительства в середине тридцатых опережал рост тракторного парка. Дело тут такое. Нормальный срок работы трактора - амортизационный срок. Но статистически, на балансе предприятия, он живёт до тех пор, пока его не спишут. Отечественной сельхозтехнике даже амортизационный срок как Герасиму до симфонии. Пролетарское государство проводило политику жёсткого запрета на выбраковку тракторов. На святое надо молиться, партия знала, что за изделия с маркой ХТЗ и ЧТЗ замордовано пол-Украины и пол-Урала. И на тебе - на свалку?

Запрет на досрочное списание стареющей и юридической от рождения техники вёл к обрастанию МТС и совхозов мёртвым железом. Перед самой войной, в сороковом, правительство ещё раз настрого запретило руководителям МТС и совхозов производить выбраковку и консервацию тракторов без разрешения Наркомзема и Наркомсовхозов. Самодеятельность преследовалась уголовно. Постепенно закладывалась основа самоуспокоительного социалистического накопления - загонять в ошеломляющую чужой мир статистику всю рухлядь. У нас больше всех в мире коров, тракторов и профессоров! Да, и генералов, прости Господи.

Тракторный парк старел, а МТС постепенно превращались в пункты технической реанимации. Зимняя спячка уступила место многомесячной борьбе за своевременный ремонт техники. Борьбе потому, что и тут орудовал вездесущий вредитель. Пропасть между балансовым тракторным парком и машинами, способными хотя бы тарыхтеть, неумолимо раздвигалась. В конце тридцатых четверть тракторов, принадлежащих МТС и совхозам, лежала в металлоломе. После запрета на списание таковых оставалось уповать только на массового вредителя. Заманить деревенского дурня на дряхлый трактор, а затем по причине постоянных поломок и простоев посадить. Кое-кто из дальновид-

ных руководителей понимал, что и самому пора сушить сухари.

“Животноводство есть та отрасль, где классовый враг нашёл у нас самое уязвимое место”. Гениальную по смыслу и конструкции фразу произнёс в 1934 году Кузьма Рындин, только-только взойдя на должность вождя выделенной из Большого Урала Челябинской области. Областному вождю допустимо временами говорить собственными афоризмами. На этот раз гениальное прозвучало рефреном к постановлению ЦК ВКП(б) о крутом развитии животноводства.

Иван Кабаков, ранее секретарь Уралобкома партии, а потом вождь Свердловской области, высказался по тому же поводу многословно и скучно. “Сейчас мы имеем великолепное решение Центрального Комитета по развитию животноводства. Это решение указывает, как нужно развивать животноводство. Там говорится, как нужно скот обеспечить хорошими кормами, стойлами, хорошими дворами, нужно иметь хорошие зоотехнические кадры, что нужен хороший ветперсонал”.²⁰

Действительно, партийная директива, подготовленная специалистами, не умеющими отличить ярку от доярки, прозорливо схватила, что скот надо кормить и держать в тепле. А причину всесоюзного скотомора нашла во вредительстве со стороны враждебных классов и не пришедших в коммунистическое сознание колхозников. Документ, между тем, очень своевременный. Выхватим наобум тихую уральскую весь. Петуховский район. Маленький городок, честнее сказать - приличную деревню, Петухово вы найдёте на самом востоке нынешней красно-Курганской области.

В этом статистически сером районе с 1928 по 1934 год число жителей сократилось с 68 до 39 тысяч, поголовье коров - с 25 до 6 тысяч, лошадей - с 20 до 2,5 тысячи, свиней - с 21 до 1,6 тысячи. Авторы отчёта заметили, что домашние животные мрут значительно интенсивнее хозяев. В колхозах “Просвет”, “Мировой Октябрь”, “Опыт” и других, читаем в справке райкома

партии, на лошадь приходится по 300-400 гектаров.²¹ Редкая свинья, образно сказал бы тут Николай Васильевич Гоголь, добежит до середины деревенской улицы. А мне остаётся извиниться за шутку и сказать, что район я выбрал не с ветра, петуховские показатели почти точно совпадают с общеуральскими. Да, и секретарь райкома потом стал руководить всем сельским хозяйством Свердловской области.

Посетившая Большой Урал и всю Страну Советов экологическая катастрофа вызвала к действию и бдительности. Ещё в апреле тридцать третьего ЦК ВКП(б) направил Кабакову срочно-секретную телеграмму с требованием “провести чистку заведующих фермами, скотников, свинаярей, чабанов от чуждых кулацких вредительских элементов и лодырей”.

Вредительски сквозило во все щели. Журналисты это чувствовали, но объяснить не умели. В августе тридцать четвертого “Уральский рабочий” актуально волновался: в Пермском районе на пятьсот единоличных коров нет ни одного телёнка. Ясно же - хозяева тайно съели. В “Красном Октябре” Оханского района забастовали свиноматки, поголовно оставшись холостыми. В “Мировом Октябре” Манчажского района другое - колхозники съели фураж, а свиньи - собственный приплод.

Моментальная проверка в 56 районах области социального состава работников ферм дала следующие результаты: “Проверено 1396 ферм с числом работающих 14547 человек. Вычищено 105 завфермами, 29 бригадиров, 1073 прочих работника. К примеру, на Анисимовской СТФ Махнёвского района оказалось при проверке классового состава свинок, что бригада № 8 полностью укомплектована кулацким элементом”.

Документ Уралобкома ВКП(б) спокойно информирует, что областная потребность в кормах обеспечена по селу на 13%, соломе - 18%, прочим кормам - на 11%. Резонные соображения о том, что на таком рационе корова не впадёт в охоту даже по глупости и молодости, были признаны вредительскими.²²

Деревенское вредительство, взятое приближённо и скрытой камерой, то есть с доноса, много богаче. "После чтения статьи в "Уральском рабочем" о гнусной деятельности врагов колхозного строя в Егоршинском районе Журавлёва, Околовича и других должен Вам сообщить ещё ряд гнусных фактов, проделанных этими двумя презренными гадинами. По вине некомпетентного врача..., жены вредителя пала самолучшая в совхозе серая кобыла Мышь, потому что вражина вывернула своими ручищами ей матку при родах..."²³ Скелетный факт вредительства, сами видите, обрастает живым мясом усугубляющих его деталей.

С прелестями популярного на Руси жанра - доноса - мы познакомимся в следующей главе. Сейчас продолжим изучение событий, связанных с искоренением низового деревенского вредителя. Меры по выявлению саботажников на ферме, в МТМ, на току, разобшённые в самом истоке, со временем суммировались в мощную всесоюзную кампанию чистки, кампанию борьбы с засорённостью деревни контрреволюционным чертополохом. Колоссальное агротехническое мероприятие проводилось совместно партийными и карательными органами с прислугой в образе сельсоветской власти.

Во времени кампания совпала с деятельностью политотделов МТС, что придало ей почти совершенную форму конвейера. "Для большей увязки работы органов прокуратуры, - гласила директива Прокурора СССР Акулова, - выделить в аппарате Прокуратуры специального помощника прокурора, возложив на него обязанность по установлению живой связи с Политотделами и надзора за немедленным реагированием по линии Прокуратуры и Суда по сообщениям Политотделов... Срок по делам, представленным Политотделами, - 3 дня... Политотделы обязаны оказывать решительную поддержку органам прокуратуры и Суда".²⁴ Дело пошло, через "живую" связь политотдел - тюрьма в тридцать четвёртом прогнали значительную часть деревенской контры. Засорённость соц-чуждыми оказалась плотнее, чем натура колхозных полей. Судим по документам.

Совхоз "Лебяжьевский". По данным селекционной комиссии, в этом соцпредприятии оказалось 6 лиц социально чуждых, 16 - с уголовным прошлым, 86 - кулаков. Процент засорённости коллектива определён комиссией в 24,5 %. Из 108 арестованных (1933 год), констатирует справка НКВД, 15 коммунистов. Совхоз как совхоз, показатели близкие к среднеуральским.²⁵

В колхозах дела обстояли ещё круче. Здесь путь от энтузиаста до саботажника короче и может измеряться часами. За примером кинемся в другой угол Урала. Отчёт начальника НКВД Н-Сергинского района свидетельствует, что выявлено и изолировано состоящими членами колхоза кулацкого и антисоветского элемента 97 штук. Колхоз "Пчела" - бригадами полеводческих бригад работают 4 кулака, пчеловодами - 3 кулака, трактористом - 1 кулак, конюхом - 1 кулак, счетоводом-кладовщиком - 1 кулак... Примерно так по каждому колхозу района.²⁶

В силу расплывчатости нормативных параметров вредителя интенсивность прополки полагалась степенью классовой бдительности местного карательного аппарата. Критерии растекались в пространстве от массового замора скота и трудящихся до неприличной национальности. Сверху планов по вредителям не давали и ограничивались лишь одним требованием - чтобы вредителя было достаточно. Варьировались и методы пресечения. Работников МТС и совхозов предпочитали сразу садить, колхозников по старой памяти иногда выселяли, что было всё равно, ибо с тридцать третьего ссылку деревенщине заменяли эквивалентным сроком лагеря.

Образчик классического низового вредительства возьму из практики выездной сессии Челябинского облсуда. Дело было в колхозе имени Сулимова Шумихинского района. "Кулаки, - читаем отчёт суда обкому партии, - вели в колхозе контрреволюционную агитацию такого плана - сколько ни работай, всё равно нам ничего не достанется, всё заберут! Под влиянием этой агитации трудовая дисциплина пала. Были массовые невыходы колхозников на работу. Эта кулацкая

группа органами НКВД была разоблачена, арестована и предана суду. Вожаки группы - Звягинцев Иван, Букреев Тимофей выездной сессией облсуда приговорены к расстрелу, остальные 4 человека осуждены на 10 лет".¹⁷

Подобные этому и даже показательные процессы над саботажниками проводились в каждом районе. Почти везде с расстрелами, которые зачастую кассационная коллегия, при отсутствии явного злонамерения, заменяла десятилетним сроком. Ситуация способствовала числу таких дел. Треть колхозников, уже указывалось, не выполняла минимума трудовой, а прогулы по совхозам достигали 30-40% рабочего времени.

Массовые репрессии против низового деревенского саботажника использовались в качестве слабо действующего аргумента в оправдание бесхозяйственности. И, разумеется, имели вполне зримые границы. Во-первых, всех не пересадишь, кто-то ещё должен работать. По делам вредительства очень хорошо заметно, что женщин, даже при явной порочности намерений (кроме дедушкиного указа), старались не садить. Гуманизм здесь ни при чём. Без бабы колхоз, как случка без кобылы. Одни пустые желания. Во-вторых, если садить много, то срок надо давать маленький. Но тут рушится вся система социалистических ценностей. Скажите, кто на Руси будет уважать власть, способную дать какие-то полгода отсидки?

"Люди и районы должны трепетать при появлении начальника, - учил нас вождь Челябинской области, - бояться его, тогда дело пойдёт хорошо, а отсюда и уважение..." Экономически связать уважение с длительным сроком заключения очень просто. Сроки надо давать прилично национальному опыту, но чаще проводить амнистии. Из этого, собственно, и пружинится восходящая спираль массового энтузиазма. В колхозе трубить, чтобы не загнать в лагерь, а в лагере упираться, чтобы заработать амнистию. Часть вредительского корпуса попадала под досрочное освобождение, рядовой колхозник предвоенных лет обычно имел за плечами две-три укороченные ходки за вреди-

тельство. Не будь амнистий, к тридцать четвёртому весь Союз нерушимый сидел бы в лагерях.

Симптомы вредительства в младшем и среднем комсоставе деревенской экономики обнаружились в начале тридцатых. Вспомним по предыдущей главе о многочисленных арестах бригадиров и председателей, о том, что уже в 1931 году за срыв планов хлебосдачи летели с должностей секретари райкомов. А годом позднее директор Уралзернотреста пошёл под суд за единственную антисоветскую фразу в директиве - "немедленно отменить изъятие хлеба в колхозах!"

Кулак, как грубый и явный субъект вредительства, постепенно, начиная с 1932 года, уступает место вредителю при должности. Уже в тридцать третьем местные газетёнки давали материалы под шапкой - "Враг с партбилетом страшнее кулака!" или "Беспощадно разоблачать врагов с партбилетами!" Правда, такие материалы обычно не предвосхищали уголовного развития событий, а больше комментировали дела законченные. Из крикливого авангарда классовой борьбы, коей печать считалась в травле кулака, газеты превратились в шавку на цепи.

Девятый вал арестов имел исходным пунктом председательский корпус. "Артель "Крестьянин" - председателем работал Пашнин, который снят с работы и осуждён. "Красный Уралец" - с начала года работал председателем Колыванов И., с работы снят и осуждён за затяжку уборки и саботаж хлебозаготовок. "Великое дело" - председателем работал Сверчков Н., с работы снят и осуждён за саботаж хлебозаготовок и потери. "Прогресс" - работал Пименов, с работы снят за саботаж и затяжку сева, использование протравленной пшеницы в продовольственных целях. "Герой труда" - председателем работал кулак Смирнов, снят с работы за саботаж и затяжку уборки..."²⁸

Подавляющая часть вредителей председательского среза шла по классическому обвинению. За саботаж хозяйственных кампаний. Отставание от плана хлебозаготовок, например, заканчивалось тем, что деревенский комсостав отправляли в тюрьму, а руководство колхозом передавалось уполномоченным или предста-

вителям политотдела МТС. Те чистили колхоз в меру преданности идеям, то есть до нитки. Дела тонкого или оригинального смысла встречаются реже, хотя именно они украшают архивную древесину, потому что ткань обвинения и приговора соткана из любовно отшлифованных фактов и нетрафаретного детективного воображения.

Порой изобретательность самих руководителей даёт неожиданные сюжеты. В одном районе председатель раздаёт колхозникам по тонне зерна на семью, рекомендует хорошенько всё спрятать, а затем добровольно сдаётся властям. Саботажник-благодетель в другом уральском углу приказывает колхозникам обмолачивать солому наполовину, а вслед за тем выписывает её колхозникам. Третий создаёт подпольный хлебный фонд, который прячет по хуторам и в голодуху раздаёт колхозникам.

Власть скоро разглядела манёвры с утайкой хлеба и пустила в следственные дела подлог. Спрятанный хлеб объявлялся якобы протравленным, вредитель в этом случае обвинялся в худшем из зол - покушении на жизнь колхозника. В обвинение вязался весь букет недугов голодухи, только теперь они приписывались отравлению.

Пример текущего обыденного вредительства достану из тихого 1935-го. Из стенограммы радиопереклички секретаря Челябинского ВКП(б) Рындина с районами. Деревня готовилась к севу. Рындин: - Как у вас дела с Уставом? Колхозы принимают Уставы? - Не принимают, потому что все занимаются землеустройством. Рындин: - Землеустройством будем заниматься года полтора-два, а Устав нужно сейчас же принять. Это нужно сделать независимо одно от другого. - Хорошо, примем к сведению. Рындин: - Как у вас дела с полеводческими и тракторными бригадами? - Организованы те и другие. Рындин: - Когда начнёшь сеять? - Сеять начали сегодня. Рындин: - Кто вам разрешил это? - Я давал вам телеграмму об этом, вы ничего не ответили. Рындин: - Если не ответили, значит, не нужно было...

Секретарю Частоозерского райкома Комарову вlepили строгача. В разговоре с секретарём Каракульского райкома Филимоновым выяснилось, что инициативу в севе проявил председатель одного из колхозов. "Надо председателя посадить, - приказал челябинский вождь, - устройте суд, привлечите председателя к суду, осудите его. В тюрьму, конечно, не нужно сажать, а то вы можете 10 лет закатить ему..." Председателю дали только три года.²⁹

С привлечением к суду облик вчерашнего энтузиаста мгновенно менялся. "В колхозе имени Свердлова Нязе-Петровского района орудовала группа вредителей: председатель колхоза Павлов (кулак, белогвардеец), бригадир Добычин (белогвардеец), весовщик Борисов (кулак, белогвардеец), счетовод Золотов (кулак, офицер колчаковской армии)".³⁰ Где-то до тридцать шестого все подсудимые становились кулаками и белобандитами. Позднее в моду войдут разношёрстные шпионы и диверсанты.

Даже по берегу океана Ледовитого, где вымерзает всё живое, кроме оленя да ненца, саботажник плодился почём зря. Осенью 1933 года, сообщает полярный большевик, стада оленей пришли с летнего каслания в половинном составе... Причина материковая - бесхозяйственность, притупление революционной бдительности, отсутствие борьбы за классовую чистоту пастушьего состава. Не помогают ни "Красный чум", ни "Красная лодка", ни другие идеологические средства. В тузсоветах сплошь сидят белобандиты 1921 года, поэтому колхозы уходят на летнее каслание без партийного руководства. План мясозаготовок в тундре, очень секретно шепчет документ, выполняется за счёт скупки оленей без денег, либо за облигации.³¹

Вредительство в советском аппарате деревни менее выразительно. Что может простой сельсоветчик, имеющий в распоряжении только гербовую печать? Может многое. Не мелкая должность красит человека, а доходы от неё. Здесь про вред. "Сельский актив, - предупреждает письмо Уралобкома ВКП(б), - который должен учитывать выполнение обязательств, кон-

тролировать и дисциплинировать, сам является злым неплательщиком. В некоторых сельсоветах организованный саботаж проходит мимо районного руководства, составляются даже акты с такой оценкой: "маломощный", "не имеет хозяйства", "уплатить мясопоставки не может", "имущества не имеет", "брать нечего"...

Ведётся организованный кулацкий саботаж по важнейшему государственному мероприятию - мясопоставкам. Как это называется? Притупление революционной бдительности. Вам должно быть известно, что мы деревню большевизируем ступенька от ступеньки к высшей стадии приобщения к социалистическому строительству через заготовительные кампании..."³²

Во вредители порой залетали даже партуполномоченные. Районных обычно садили вместе с провалившимися хозяйственную кампанию руководителями. Однако обвинение требовало тонкой политической редакции. Иметь в аппарате кулаков и белобандитов как-то не хотелось. За потерю революционной бдительности дают больше, чем за моральную деградацию кадровой души.

Классические недостатки командированного с властью и надолго мужика общеизвестны. Взятки, постоянная пьянка на халяву, стрельба по пьяни - больше мимо, принуждение аборигенов к половому сожительству. За такое под пятьдесят восьмую сразу не подведёшь, если не резюмировать буйство срывом хлебазаготовок. От плана всё и зависело. Выполни его, будешь вспоминать деревенские события с лирической грустью. Сорвался - читай их сухую суть в обвинительном заключении.

Где-то об ту же пору начался выборочный отстрел руководителей совхозов. Решения по такому вопросу принимались на уровне обкомов партии. Поскольку руководители подобного ранга входили в союзную номенклатуру, репрессиям предшествовали согласования. Иногда репрессии инициировал местный аппарат. Но чаще залп по руководящим головам исходил из результатов московской проверки. Цековский уполномо-

моченный обладал правом расправы над всеми. Полный объём репрессии - исключить из партии, снять с работы и отдать под суд - синтезируется тут сразу, без нудной переписки с наркоматами.

По совместному отчёту облсуда и прокуратуры Урала за зиму 1932-1933 года, первопроходцами высокономенклатурного саботажа стали 29 человек. Назову некоторых из них. "Нагайбакский совхоз - директор - 3 года лишения свободы, Троицкий зерносовхоз - директор - 10 лет по закону "семь восьмых", Заводоуковский промсовхоз - директор - 3 года лишения свободы (еле-еле вывернулся из-под статьи 58-14), Троицкий совхоз - зам.директора - 5 лет, Петропавловский зерносовхоз - директор - 10 лет по указу "семь восьмых" и статья 58-7, Исетский зерносовхоз - директор - 10 лет..."³³

В большинстве дел за вредительством стояла обычная, инстинктивная советская бесхозяйственность. Без злого предмыслия. Ну, может, чуть-чуть контурнее и ярче. Порой причиной преследования оказывался слепой случай, по собственной воле или с подачи обкома московского уполномоченного заносили черти именно в этот район. Обидно чувствовать себя жертвой случая. Всё как у всех, а сидеть тебе!

В самом деле. "Скот содержится в незаконченных скотных дворах. Все скотные дворы не покрыты, без деревянного пола, коровники и овчарники не имеют даже потолка. Скотные дворы не очищены от навоза... Поголовье заражено бруцеллёзом. С 1935 года колхозники болеют бруцеллёзом, все переболели. В настоящее время очень болеют 5 человек. Врачебного обслуживания нет. Положение с животноводством является очень тревожным. Яркие видны вражеские руки... Последствия вредительства не ликвидированы, за пять месяцев пало 20% скота..." Так было в колхозе "Социалист" Качкарского района.³⁴ Но посадили руководителей только летом 1937-го. К тому времени первопроходцы отсидели уже по пятилетке.

Замечательной прелюдией всесоюзного чертогона прозвучала партийная чистка 1933 года. Решение о проведении санации принял объединённый пленум

ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе месяце. "Организовать дело чистки партии таким образом, - говорилось о целях кампании, - чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадёжных, неустойчивых и примазавшихся элементов".³⁵

В семидесятилетней истории большевики неоднократно прибегали к прополке своих рядов. В большинстве случаев такие кампании вызывались естественной необходимостью. Чтобы понять натуральную необходимость чисток, надо сразу отказаться от хронической лжи - будто в партию принимались лучшие люди. И что принимались они добровольно. На самом же деле рост партийного штата определялся более прозаическими обстоятельствами.

При агрессивной неприязни подавляющей части населения к большевикам добровольное вступление в партию действительно порядочного человека сомнительно. Втянуть человека в очевидно преступную политическую организацию можно было крайними мерами принуждения. Связать обучение, получение работы по специальности, профессиональный рост, получение жилья и т.д. с членством в ВКП(б).

На вкус и цвет товарищей нет. С точки зрения "товарищей", лучший - это тот, кто поставит корпоративный партийный интерес выше интересов страны, семьи и совести. Способный пойти на любую подлость, а то и преступление, ради выполнения партийной директивы. Если сказать проще, партия или высасывала из народа готовых проходимцев, обращая худшие их характеристики в достоинства кадрового работника, либо культивировала таковых всей системой внутрипартийных отношений. Членство в партии было условием выдвиженчества и получения должности, на которую свежий большевик в конкурентных условиях претендовать не мог.

Замена в управленческом аппарате профессионала голым исполнителем (образование: начальное, профессия: начальник) заложила фундамент советской бесхозяйственности и необходимость капитального ремонта партии прямо на ходу. И поныне высший

управленческий персонал российской экономики представлен в основном выдвиженцами КПСС, кавалерами универсально-мировоззренческого диплома ВПШ.

В ту далёкую пору партбилет ВКП(б) вместе с должностью спасал и от голода. Сеть закрытых распределителей кормила далеко не всех коммунистов, но деятельные функционеры пережили голодуху веселее героического советского народа. До гона вредителей с партбилетами, где-то до конца тридцать второго, членство в партии защищало от дурного ареста. Разрешение на то следовало испрашивать у партийных органов.

Шкурно-желудочные соображения гнали в партноменклатуру самую оголтелую часть населения. Для кого-то рост числа большевиков казался "ярким показателем полного доверия рабочего класса и трудового крестьянства к своей партии". У меня на этот счёт мнение особое. Конечно, большая часть ВКП(б) состояла из принудительно мобилизованных под партийную дисциплину. А дальше биография каждого формировалась по меркам собственной совести.

Быстрое моральное старение младшего комсостава советской экономики, особенно в деревне, где председатели и бригадиры менялись по несколько раз в году, разгоняло партбилетный оборот. Обычно взлёт деревенского большевика начинался с назначения на должность по решению уполномоченного. Затем, чтобы не вздумал брыкаться, выдвиженца принимали в партию, а через три-четыре месяца он с выговором летел в бездну рядовой принудилочки.

Дно партийной жизни постепенно затягивалось мертвым илом бывших большевиков. Значительная часть вредителей уходила под суд, то есть с исключением из рядов партии. Если принять во внимание это короткое плечо партоборота, доверие колхозного крестьянства к ленинской партии можно назвать безграничным.

Высокая оборачиваемость состава затрудняла всякий учёт большевистского поголовья, что для самой передовой партии в мире, согласитесь, не к лицу.

Партийных организаций на селе было мало. Поэтому потерявший должность коммунист прятал билет за икону и снова начинал верить в бога или крыть в бога власть. Беспризорных деревенских коммунистов предлагалось либо гнать в шею, либо объединять в устойчивые партийные организации, с которых можно бы спросить работу.

Параллельно чистке началась шумная кампания перестройки. Правда, требования той перестройки адресовались не всему прогрессивному человечеству, а только райкомам ВКП(б). Чтобы те не оставили ни одного беспризорного коммуниста и немедленно создали партячейку на каждом предприятии. Мы не можем ждать милости от колхозника, решила партия, и в каждый колхоз приехал штатный парторг.

Чистилище создавалось по классическому образцу, в девять кругов. Большевиков и сочувствующих трясли на предмет принадлежности к следующим видам греховности: классово-враждебные элементы; двурушники; нарушители железной дисциплины партии и производства; зажимщики самокритики; пассивно пребывающие; персорожденцы, сросшиеся с буржуазным элементом; карьеристы и шкурники; морально разложившиеся; великодержавные шовинисты. Образность некоторых формулировок давала намёк на творческий подход к делу.

Для проведения чистки на разных уровнях создавались специальные партийные комиссии. Руководил работой комиссии представитель вышестоящей организации. Уральскую областную комиссию возглавлял Ройзенман. В качестве содействующего кампании инструмента выступала РКК (постоянно действующий орган партийного контроля). Нам повезло и тут. В президиуме областной контрольной комиссии сидели лучшие представители уральского пролетариата - Маркус, Япсон, Элькинд, у которых представления о светлом будущем России были несомненно правильнее, чем, скажем, у моего деда Завьялова Анания или его соседки по околотку Матрёны Морковиной.

Вёл чистку партследователь, назначаемый райкомом партии. На должность временных инквизиторов

подбирали людей достойных целей чистки - в меру бдительных и нарывистых. И всё-таки время от времени с ними проводили озлобительные инструктажи.

На суд партследователя приходил не с голыми руками. Райкомами ВКП(б) создавалась сеть политинформаторов. В их задачи входил сбор компромата на проверяемых. Относительно содержания информации требования были самые универсальные. Нужны были тёмные факты из производственной деятельности, личной жизни, отдыха, отношений с друзьями и родственниками. Работа политинформатора считалась хорошей, если на собрании по чистке компромат был неожиданным для подсудимого и доводил его до страсти. Исходная убедительность компромата не имела никакого значения, пусть будут хоть грязные деревенские слухи, цель чистки в том и состояла, чтобы проверяемый сумел отмазаться от помоев.

Сбор теневой информации осуществлялся в основном с помощью доносов. В ряде мест печать и стенгазеты призывали давать собственные мнения, можно анонимные, на проходящих через чистилище. Чуть позднее председатель областной комиссии запретил использование анонимок в обвинении. Однако проверка деятельности местных комиссий по чистке изобилует упреками в том, что мало обращается внимания на факты, получаемые из анонимных источников. Следовало проверять истинность таких фактов, в случае подтверждения обязательно выносить в обвинение.

Можно догадаться, какой шквал анонимного народного творчества подняла чистка. Вскипели самые тёмные силы и мысли нации. Многообразием только сокращённых протоколов чистки можно забыть тракт от Москвы до Владивостока. Кое-где сохранились уникальные первичные доносы! Этот палеозой советской истории требует особого научного интереса. Из сотен прочитанных мною материалов сделаю лишь общий вывод.

Устойчивого желания посадить друг друга хотя бы лет на пять-десять в доносах чистки ещё не просматривается. Оно придёт позднее. Информация носит